

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 3

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 18 / 2019

Серия основана в 1998 году

Редакционная коллегия:

А. Л. Подгайский (*ответственный редактор*),
Н. П. Баранов, А. М. Захаров, А. Н. Кушнеревич,
С. Е. Новиков, В. Н. Усоский

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Бобрович В. И.</i> Развитое правосознание как основа демократической политической и правовой культуры	5
<i>Захаров А. М., Лебедь Д. В.</i> Приоритеты в развитии российско-белорусских отношений в информационной сфере	12
<i>Ковалёва И. В.</i> Европейский союз после миграционного кризиса: изменение политического ландшафта	19
<i>Кушнярэвіч А. М.</i> Аб ролі германскіх уплываў на еўрапеізацыю беларускіх зямель у XIV–XVIII ст.: сучасны погляд у айчыннай гістарыяграфіі і культуралогіі	26
<i>Новікаў С. Я.</i> Сацыяльныя аспекты гісторыі працоўнай паўсядзённасці акупаванага Мінска ў адлюстраванні дакументаў Калекцыі Генеральнага камісарыята «Беларусь»	33
<i>Рощинская О. М., Трушко М. Н.</i> Проблемы развития личности в современной системе образования	39
<i>Саад Мутана Мохамед Раджих.</i> Арабские страны Персидского залива и Китай в XXI веке: новая эра отношений и сотрудничества	45
<i>Цымбал А. Г.</i> Інфармацыйны патэнцыял Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі Беларусь аб паўсядзённым жыцці грамадзянскага насельніцтва (1941–1943)	53

Философия и социология

<i>Баранов Н. П.</i> Приоритетные факторы современного цивилизационного процесса	60
<i>Майборода Д. В.</i> Прологомены к диалогике дружбы	68
<i>Салтанович И. П.</i> Социокультурные ловушки на пути инноваций	76
<i>Севостьянова Н. Г.</i> «Не будем проклинать изгнание»: основные идеи Н. А. Бердяева в контексте философии русского зарубежья	87
<i>Мигас Б. Я.</i> Эволюция подходов к исследованию и регулированию международных отношений (краткий обзор)	96
<i>Усоский В. Н.</i> Философия физикализма и трудовая теория стоимости К. Маркса	105

Экономика

<i>Афанасенко А. В.</i> Механизм управления коммерческими рисками в компании APPLE.....	115
<i>Благуш И. С.</i> Инновационная деятельность в Республике Беларусь в контексте трендов глобального рынка инноваций	123
<i>Иванова Е. Н.</i> Анализ состояния и проблемы развития лизинговой деятельности в Республике Беларусь.....	133
<i>Подгайский А. Л.</i> Институциональные проблемы адаптации хозяйствующих субъектов Беларуси к условиям глобальной экономической нестабильности	142
<i>Русак А. Н.</i> Состояние и проблемы развития интернет-предпринимательства в Республике Беларусь.....	148
<i>Усоский В. Н.</i> Механистическая методология трудовой теории стоимости и денег К. Маркса	156

Культурология

<i>Гуцева Т. Г.</i> Опасность суннитско-шиитского противостояния в исламе.....	165
<i>Куликова О. Е.</i> Концептуальные подходы к ценностному осознанию человеком культурного пространства	169
<i>Марчинская Н. И.</i> Этническая идентичность в контексте глобализации.....	176

Научная жизнь

<i>Новікаў С. Я.</i> XVII Міжнародная навуковая канферэнцыя «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць» у МДЛУ.....	184
--	-----

Наше наследие

<i>Новікаў С. Я.</i> Камсамольская моладзь інстытута ў кантэксте гісторыі Мінскага іняза	188
--	-----

Обзоры и рецензии

<i>Новікаў С. Я.</i> Людскія і прыродныя рэсурсы Белавежскай пушчы: панарама гістарычных падзей і выпрабаванняў	198
<i>Усоский В. Н.</i> Монетарная система серебряного монометаллизма, биметаллизма и золотого стандарта.....	202

ИСТОРИЯ

В. И. Бобрович

РАЗВИТОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ОСНОВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье анализируются значение и роль развитого демократического правосознания для формирования и функционирования правовой и политической культуры в демократическом обществе. Способность граждан понимать и ценить правовую справедливость, уважение к суду и закону, осознание своих прав и свобод, равно как и готовность их защищать и отстаивать, рассматриваются как слагаемые одной из важнейших гражданских компетенций, способствующих становлению граждан в качестве полноправных субъектов всех правовых отношений и позволяющих им успешно адаптироваться в демократической политической системе. Подробно исследуется процесс становления правосознания в истории западной цивилизации. Анализируются особенности понимания права в советское время, даются основные характеристики правосознания советского и постсоветского человека.

Уважительное отношение человека к праву свидетельствует о его готовности строить свои отношения с другими людьми на правовой, т.е. справедливой основе. Именно благодаря развитию права и правосознания разрешение межличностных конфликтов когда-то было перенесено с «улицы» в зал судебных заседаний. Правым стал считаться не тот, кто сильнее или у кого больше привилегий, а у кого больше аргументов и доказательств в судебном споре.

Всеобщая свобода невозможна без определенных ограничений, накладываемых на всех членов сообщества. В противном случае неограниченная свобода одного постоянно нарушала бы столь же неограниченную свободу другого. Для того чтобы мирно сосуществовать, живущие вместе люди должны считаться друг с другом, уважать права и интересы один другого, а значит, в чем-то ограничивать свою индивидуальную свободу. Равной для всех свободы можно достичь, только одинаково ограничив свободу всех с помощью права, т.е. общих абстрактных правил, предотвращающих произвол, дискриминацию или насилие со стороны одних людей по отношению к другим.

Современная демократия немыслима без господства права. Гражданами должны управлять правовые нормы, а не произвольные решения правителей. Поэтому в демократическом правовом государстве устанавливается верховенство не просто закона, а именно, правового закона. Правозаконность – эта такая законность, в основу которой положено соблюдение прав и свобод человека. Она предполагает строго разрешительный порядок деятельности органов публичной власти (разрешено властям только то, что допускается законом) и запретительный порядок регулирования поведения остальных граждан (частным лицам разрешено все то, что не запрещено законом).

Центральную роль в обеспечении справедливости в исполнении властью и обществом норм права играет независимый суд, за которым должно оставаться последнее слово в решении спорных вопросов. Жизнестойкость современной демократии в значительной степени зависит от того, насколько граждане готовы признать право в качестве основного регулятора общественной жизни, использовать суд и закон как главное средство разрешения социальных и политических конфликтов.

Демократическое правосознание содержит в себе следующие компоненты: 1) способность граждан понимать и ценить правовую справедливость и стоящий за ней принцип равенства всех перед законом; 2) уважение к суду и закону; 3) осознание своих прав и свобод, готовность их защищать и отстаивать вплоть до судебного разбирательства. Вот как связаны понятия правосознания и правомерности (справедливости) в энциклопедическом словаре: «Правосознание – совокупность взглядов, идей, представлений, выражающих отношение индивидов и общественных групп к праву и правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным. Психологической основой правосознания выступают привычки, обычаи и традиции людей в отношении правовых явлений. Правосознание включает знание основных принципов и требований действующего права, а также оценку его и определенные поведенческие установки» [1, с. 6].

Развитие правосознания происходило вместе с развитием права и общей культурной эволюцией. В первобытных обществах основными регуляторами общественных отношений были обычаи и табу. В них отражались разнообразные запреты и предписания, которые не имели рационального объяснения и выполнялись из страха наказания. Многие из них сохраняются и поныне, хотя их значение существенно уменьшилось. Из обычаев и табу спонтанно выросла более развитая система правил поведения, получившая название морали. В отличие от обычаев она дала человеку возможность самому выбирать между добром и злом, отделять «хорошее» от «плохого». Это обусловило возросший спрос на такие человеческие качества, как совесть, порядочность, чувство долга. Как правило, моральные предписания имеют под собой религиозную основу и выражаются в виде четко сформулированных положений. В христианстве эту роль выполняют десять заповедей (декалог), по большей части состоящих из запретов (*не убий, не укради*). В свое время они знаменовали собой значительный шаг в сторону расширения индивидуальной свободы. Благодаря им у людей появилась возможность иметь собственную точку зрения, нести личную ответственность за свои поступки.

Современное писаное право выросло из правил морали, неписаных правовых обычаев, традиций регулирования споров, судебных прецедентов. Сегодня оно включает в себе накопленные многими поколениями огромные объемы практического опыта и информации. Появление права в прошлом было связано с развитием свободы и частной собственности. Необходимость защиты прав собственности потребовала введения особых абстрактных

правил, которые закрепили за отдельной личностью право самостоятельно распоряжаться различными ресурсами в частной сфере жизни и узаконили устоявшиеся способы передачи этого контроля от одного лица к другому. Это привело к образованию обширного рыночного порядка, который стал служить достижению множества разнообразных частных целей. В своей относительно развитой форме такой порядок впервые установился в античном Средиземноморье. Именно благодаря признанию в древних средиземноморских государствах прав личности на свободу и собственность там начался быстрый расцвет торговли, ремесел и сложились основы европейской цивилизации. Схожие процессы происходили в Азии и Центральной Америке [2, с. 222].

В последующие тысячелетия рыночные отношения приходили в упадок и нередко терпели крушение. Обычно это происходило тогда, когда «сильные» правительства начинали игнорировать нормы права, вытеснять свободную инициативу граждан и брать на себя руководство повседневными делами. В феодальных обществах почти повсеместно установились разного рода авторитарные государства, законодательная практика которых чаще всего отражала интересы привилегированных сословий (аристократии, духовенства) или произвол самих правителей. В Европе связь закона с правом и справедливостью более или менее отчетливо прослеживается лишь в период позднего Средневековья и в Новое время, когда начинается бурный рост капитализма. Интересы буржуазии потребовали создания новой законодательной системы, которая уничтожала сословные привилегии и утверждала правовые, т.е. абстрактные и равные для всех, правила общественной жизни.

В XX в. наступает новый период в развитии права. Тоталитарные эксперименты в сталинском СССР и гитлеровской Германии показали, что произвольная интерпретация права неизбежно порождает массовый государственный террор. Этот трагический опыт дал толчок дальнейшему развитию демократического правосознания, заставил человечество переосмыслить значение права и закона в жизни общества. Получает широкое распространение практика правовой государственности, тесно связывающая закон с уважением прав человека, принципами гуманности и справедливости. Вводится различие понятий законоправовой и неправовой. При этом под последним понимается законодательный акт, ущемляющий права и свободы граждан, защита которых становится первоочередной задачей государства.

В мирное, спокойное время свободные люди не обязаны подчиняться конкретным совместным целям своего сообщества. Поэтому в правовом государстве совместные конкретные цели заменяются едиными абстрактными правилами. Эти правила (например, правила собственности и обмена) есть те невидимые границы, внутри которых обеспечивается определенное свободное пространство для частной жизни и деятельности каждого человека. Именно такие правила образуют систему права и получают силу равного для всех закона.

Индивидуальная свобода в условиях демократии предстает как возможность индивидов преследовать свои собственные цели, соблюдая при этом равные для всех абстрактные правила поведения. Ограничительную роль права в осуществлении свободы можно сравнить с регулированием дорожного движения, где каждый автомобиль движется в своем направлении, но все вынуждены подчиняться общим правилам: соблюдать знаки, полосы движения, ограничения скорости. И чем тщательнее соблюдаются правила, тем больше шансов у каждого водителя доехать до конечной цели без аварий и других дорожных происшествий.

Правовая справедливость достигается путем утверждения формального правового равенства, или равенства в свободе. На практике равенство в свободе означает 1) равноправие и 2) равенство всех перед законом. Равноправие – это признание за каждым человеком возможности пользоваться своими естественными правами и не нести ответственности за реализацию этих прав при условии, что он не нарушает права других. Равные права потому и являются таковыми, что ими могут пользоваться все люди одновременно и независимо от своей социальной принадлежности. Равенство перед законом означает, с одной стороны, равную ответственность всех перед законом, а с другой – равное право всех на защиту своих свобод с помощью закона. В СМИ демократических стран нередко можно встретить сообщения о том, как тот или иной министр был оштрафован за превышение скорости или неправильную парковку. Для граждан такие факты являются свидетельством того, что в данном обществе перед законом все равны, независимо от звания и должности. Точно так же, как и необходимость стоять в очереди, которую принимают все без исключения.

Правовая справедливость торжествует в процессе открытого и конкурентного судопроизводства, осуществляемого независимым, объективным и справедливым судом. Такой суд отражает общественное понимание справедливости и подчиняется только правовому закону. Одним из самых значимых достижений современного демократического государства стало вынесение суда за рамки политической власти и наделение его особыми, третейскими полномочиями. Граждане вправе рассчитывать на справедливое рассмотрение дела не только в конфликтах с другими гражданами, но и в споре с самим государством.

Знание наиболее важных законов и законопослушание являются важнейшими показателями высокой правовой культуры современного человека. Способность граждан ориентироваться в законодательстве делает их полноправными субъектами правовых отношений. Всеобщий пиетет перед правовым законом является гарантом мира и порядка в обществе и основан на вере граждан в его справедливость, точнее сказать, на вере в то, что в основу закона положены общественные представления о праве и справедливости.

Отношение к праву у постсоветского человека довольно противоречиво. С одной стороны, оно восходит к традициям российской правовой культуры, у которой нет столь выраженного пиетета перед правом и законом, как

в Европе. Крестьянская община строила свои внутренние отношения на основе обычаев и моральных предписаний. Споры и конфликты предпочитали разрешать в кругу общинников, не вынося сор из избы. К помощи закона и государственной власти обращались лишь в случаях крайней необходимости. Для российского менталитета в целом характерно недоверчивое отношение к закону, который, по мнению простого человека, всегда стоит на стороне тех, у кого власть и богатство. В гражданских спорах крестьяне предпочитали решать дела «по совести», а не «по закону», «правду» ценили выше, чем «истину». Не удивительно, что в повседневности широкое распространение получил правовой нигилизм. Он нашел свое выражение в многочисленных пословицах и поговорках, вроде «закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло», «законы на то и существуют, чтобы их обходить».

С другой стороны, правосознание постсоветских людей носит в себе и выраженные элементы западной правовой культуры. Исторически положение в царской России начало меняться со второй половины XIX века, когда была проведена судебная реформа. Именно тогда в российском правосознании впервые начали утверждаться критерии равенства перед законом, презумпции невиновности, было положено начало преодолению правовой безграмотности и нигилизма. В это же время начали появляться первые суды присяжных, все более серьезной становилась теория и практика адвокатской защиты. Либерально настроенные философы и юристы защищали идеи правовой государственности и пытались дать обоснование сущности демократического правосознания (Новгородцев, Ильин и др.).

Октябрьская революция 1917 г. прервала этот прогрессивный процесс, навязав белорусскому и другим народам СССР весьма специфическое понимание права и свободы. Согласно К. Марксу, право, как и политика, отражает интересы экономически господствующего класса. Вслед за К. Марксом и В. Ленин любил повторять о том, что право есть возведенная в закон воля господствующего класса. В буржуазном государстве, соответственно, это была воля буржуазии. Диктатура пролетариата была призвана не просто в корне изменить ситуацию (защитить права неимущих), но и подавить в правах вчерашних эксплуататоров. Право стало формой мести одного класса другому со всеми вытекающими отсюда морально-психологическими последствиями. Справедливость была истолкована исключительно с «классовых позиций» и поставлена на службу интересам «самого передового и сознательного класса» [3, с. 642].

Учиненное однажды насилие привело к его постоянной эскалации. Пренебрежение естественным правом породило повсеместный правовой нигилизм. В борьбе с пережитками прошлого и «врагами народа» вчерашние революционеры руководствовались не правом, а классовым чутьем и «революционной целесообразностью». Формальное понимание закона и законности привело к принятию множества антигуманных, бесчеловечных нормативных актов, которые составили юридический каркас государственной

репрессивной машины, направленной против собственного народа. Достаточно вспомнить такие образчики законодательства сталинской эпохи, как законы «о трех колосках», об уголовной ответственности за опоздание на работу, о репрессиях против ЧСИР («членов изменников Родины») и др.

В юридической практике повсеместное распространение получило нарушение принципа презумпции невиновности, когда обвиняемый, чтобы быть оправданным, должен был сам доказывать свою невиновность. Ничто не страховало от злоупотреблений и ошибок правоохранительных органов. Роль адвокатов была сведена к формальному исполнению процедуры. В практике судопроизводства утвердился обвинительный уклон, который глубоко укоренился в массовом правосознании и имел место на протяжении всего советского периода. В значительной степени он сохраняется и до сих пор. Например, современный российский суд крайне неохотно использует практику оправдательных приговоров. «Раз попался – значит, виноват». Может быть поэтому в правоприменительной практике здесь до сих пор так мало оправдательных приговоров [4].

В период массовых репрессий органами дознания широко использовалась фабрикация обвинений на основе признательных показаний обвиняемых. Десятки и сотни тысяч людей были вынуждены под пытками оговаривать себя либо давать обличительные показания на своих друзей и знакомых. Крайне негативную роль для советского правосознания и правовой культуры в целом сыграла проводимая долгие годы советской властью политика поощрения доносительства. Она посеяла в гражданах повсеместный страх и подозрительность, поощряла обывательскую зависть, будила в человеке самые низменные пороки и инстинкты.

Историческая практика показала бесперспективность коммунистических проектов. Вместо царства свободы в СССР было построено царство всеобщего бесправия и государственного произвола. Государство «рабочих и крестьян» стало формой нового, еще более изощренного закабаления трудящихся. Рабочие лишились профсоюзов (советские профсоюзы стали «приводными ремнями» воли партии в массы трудящихся), а вместе с ними и права на забастовки, требования повышения зарплат, свободы выбора места жительства и пр. Крестьяне вернулись в крепостное состояние. Они не только отрабатывали «барщину» и платили «оброк» государству, но и, будучи лишены паспортов, оказались прикрепленными к месту жительства вплоть до начала 1960-х годов.

В постперестроечный период государства бывшего СССР столкнулись с повсеместным ростом правонарушений. Характерная для раннего капитализма стихийность экономических реформ и ослабление роли государства вызвали к жизни повсеместное распространение рэкета, сращивание власти и криминала. В массовом правосознании произошел откат в прошлое, сопоставимый с революционной анархией. Повсеместное беззаконие, ломка устоявшихся норм и привычек поведения породили массовую аномию – пренебрежительное отношение к закону как регулятору общественной

жизни. Такого недоверия к суду и органам охраны правопорядка не было даже в советское время, когда сохранялись хотя бы внешние правила приличия и нормы социалистической законности.

Смена российского политического руководства в конце 1990-х гг. привела к усилению роли государства во всех сферах общественной жизни. Были достигнуты определенные успехи в борьбе с криминалом. Президентом России была сформулирована концепция «диктатуры закона», поставившая целью обеспечение стабильности, повышение и укрепление авторитета государственной власти. Однако меры по укреплению законности и порядка носили лишь внешний характер и не затрагивали основ сложившейся политической и экономической системы. Они не повлекли за собой реальной судебной реформы и не повлияли на демократизацию российского правосознания. Граждане по-прежнему не доверяют полиции и избегают обращений в суд. Они не верят в справедливость законов и тех, кто их принимает.

Приезжающие в Беларусь россияне, как правило, отмечают более высокий уровень правосознания. Вследствие этого, по их мнению, здесь наблюдается порядок на дорогах, более чистые улицы, менее выраженная коррупция. Однако в сравнении с остальной Европой мы, безусловно, проигрываем. Причем не только в понимании права, но и в соблюдении элементарной законности. В отличие от стран с развитой демократией, наше законопослушание в большей степени основано на страхе наказания, нежели на сознательном подчинении и уважении к закону.

Если в советское время право понималось как возведенная в закон воля господствующего класса, то в современной Беларуси оно оценивается уже как воля народа. Однако в условиях существующей политической системы пока еще не сложились эффективные механизмы артикуляции и агрегации разно-образных групповых интересов. Поэтому эта воля нередко произвольно трактуется как властью, так и оппозицией. В Беларуси, так же как и в бывшем СССР, процесс законотворчества происходит в отсутствие независимой экспертизы и часто приводит к отрицательным последствиям. Многие законы препятствуют проявлению творческой, деловой инициативы, тормозят развитие бизнеса и рыночной экономики.

Система разнообразных льгот и привилегий препятствует реализации принципа равенства всех перед законом. Несмотря на громкие судебные процессы в отношении высоких должностных лиц (руководителей предприятий, банкиров, бизнесменов) у людей нет уверенности в том, что в обществе существуют равные для всех нормы и правила. Вместе с органами власти суд как бы находится по другую (от граждан) сторону «баррикад», защищая интересы не отдельного человека, а государства в целом. Отношение к нему не активно-заинтересованное, как в условиях демократии, а пассивно-настороженное. Может быть поэтому у нас в стране пока нет той моды на телепередачи правового характера, снискавшие широкую популярность в странах с развитой правовой культурой.

Не слишком высоким является доверие граждан и к правоохранительным органам. Это обстоятельство препятствует объединению усилий общества и государства в поддержании общественного порядка. В массовом сознании все еще живы предрассудки прошлого, согласно которым сотрудничество с властью воспринималось как «стукачество». По этой же причине не популярна у нас и распространенная на Западе практика «гражданского доносительства». В США такая практика свидетельствует об отношении граждан к поддержанию общественного порядка как к общему, очень важному для всех делу. Его истоки восходят к периоду становления американской демократии, когда граждане сами с оружием в руках пытались бороться с теми, кто не признает государственных законов.

Обучение демократии требует ломки устоявшихся стереотипов и привычек постсоветского человека, воспитания уважительного отношения к праву и закону как со стороны представителей власти, так и со стороны рядовых граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск : МФЦП, 2002. – 1008 с.
2. *Поппер, К.* Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М. : Феникс; Культурная инициатива, 1992. – Т. 1: Чары Платона. – 448 с.
3. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – М. : ИНФА-М, 1996. – 736 с.
4. Обвинительный уклон: о чем говорит статистика / Российское агентство правовой и судебной информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20170712/279316959.html. – Дата доступа : 10.04.2018.

Поступила в редакцию 11.04.2019

А. М. Захаров, Д. В. Лебедь

ПРИОРИТЕТЫ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

В статье кратко охарактеризована платформа сотрудничества России и Беларуси в сфере информационных технологий. Представлена авторская позиция как относительно определения достижений по созданию единого информационного пространства в рамках двух государств, так и проблемных ситуаций, разрешение которых открывает позитивные перспективы движения в реализации своеобразной «дорожной карты» сотрудничества в IT-сфере. Делается вывод, что оптимизация уровня спроса на продукты научно-технологической деятельности в сфере IT, преодоление «утечки мозгов» в страны, предлагающие специалистам более выгодные условия работы, выведение финансирования проек-

тов сотрудничества в информационной сфере, а также его правового регулирования на оптимальный уровень позволят открыть широкий спектр возможностей в пространстве кооперации Беларуси и России для синхронизации проведения научных исследований и создания высокотехнологичных производств в информационной сфере.

В настоящее время инновационное сотрудничество между Республикой Беларусь и Российской Федерацией подразумевает переход от привычной технологической инфраструктуры к информационной экономике, реализации межрегионального и международного информационного пространства и в дальнейшем к созданию единого Евразийского технологического информационно-интеллектуального рынка товаров и услуг. Именно поэтому освоение новых информационных технологий является одним из ведущих приоритетных направлений сотрудничества России и Беларуси.

Базовым приоритетом в создании единого информационного пространства между нашими странами является регулирование деятельности средств массовой информации в обеспечении всех граждан необходимой информацией и максимально полным спектром фактов и мнений. Появляется ряд информационных ресурсов и площадок по распространению объективной информации об отношениях Беларуси и России. В последние годы неоднократно рассматривались итоги и планы развития телерадиовещательной компании Союзного государства, различных аспектов распространения журнала «Союзное государство» на территории Беларуси и России [1]. Также обсуждались вопросы развития интернет-ресурсов интеграционной направленности, так как этот сегмент информационного рынка особенно привлекателен не только для молодежи, но и для людей среднего возраста. В центре внимания был и остается также вопрос об издании регулярной газеты «Союз. Беларусь–Россия» – первого печатного проекта Союзного государства, награжденного Почетной грамотой Совета Министров Беларуси за весомый вклад в развитие белорусско-российской интеграции. Одной из инициатив также является ребрендинг телеканала «ТРО», который сейчас называется «БелРос», так как для телезрителя сочетание «ТРО» являлось малосодержательным. Контентной стороной данного телеканала является информирование населения о союзе Беларуси и России, а также о процессах, происходящих в Союзном государстве. Однако на данном этапе влияние канала на общественное мнение ограничено и несопоставимо с федеральными каналами Российской Федерации и республиканскими – в Республике Беларусь. Требуется осуществление серьезных мер по стимулированию его развития. План мероприятий по созданию общего информационного пространства Союзного государства на 2016–2020 гг. подчеркивает необходимость разработки коллективных информационных проектов и совместной организации пресс-мероприятий и выставок белорусских и российских СМИ, а также желательность обмена опытом в сфере освещения политических процессов. Отдельно подчеркивается развитие взаимодействия между СМИ регионов Беларуси и России, а также распространение печатной продукции на территории Союзного государства [2].

В настоящее время Россия и Беларусь создают канал связи для обмена данными о налогах. Министерство по налогам и сборам Беларуси и Федеральная налоговая служба России уже начали разработку порядка автоматического обмена налоговой информацией по отдельному защищенному каналу связи, создание которого существенно сократит сроки передачи данных между налоговыми администрациями. Речь идет об обмене широким спектром данных о российских и белорусских налогоплательщиках для сбора достоверных сведений и контроля уплаты налогов [3].

Также одним из приоритетов в формировании единого информационного пространства является возможность отмены роуминга между Республикой Беларусь и Российской Федерацией. Однако данный шаг требует существенной его проработки регулирующими органами и операторами сотовой связи. Одним из способов осуществления проекта является формирование общей дорожной карты, в рамках которой операторы связи Беларуси и России будут совместно осуществлять практическую реализацию мероприятий [4].

В мае 2017 г. в рамках проведенной на базе Полоцкого государственного университета XXII международной научно-практической конференции «Комплексная защита информации» был выделен ряд дополнительных перспективных направлений сотрудничества Беларуси и России в информационной сфере, требующих особого внимания. Среди них можно отметить техническую защиту информации, криптографию, стандартизацию в области информатизации, подготовку кадров. Развитие криптографии, систем и алгоритмов информирования гарантирует конфиденциальность при передаче и хранении информации, подтверждении идентификации сообщения и отправителя. Среди перспективных методов защиты информации также отмечается стеганографический метод. Такой способ основан на сокрытии сообщения и уведомления о том, что они скрыты. Таким образом обеспечивается двухуровневая защита информации. Достигается она встраиванием зашифрованного сообщения в файл на компьютере. Реализация представленных направлений требует значительных финансовых ресурсов. Они включены в проект новой программы «Совершенствование системы защиты информационных ресурсов Союзного государства и государств-участников договора о создании Союзного государства в условиях нарастания угроз в информационной сфере».

Особое внимание в содержании представленных выше направлений уделяется обнаружению аномалий (в том числе вирусов и вредоносных кодов) в сетевом потоке автоматизированных систем управления криптографически важными объектами, разработке методов поиска недеklarированных возможностей в программном обеспечении, созданию новых криптографических стандартов и методик испытания средств криптографической защиты информации [5, с. 20]. Реализация союзных программ по комплексной защите информации окажет положительный эффект в рамках Союзного государства за счет предотвращения или сокращения вреда, причиненного нарушением работы информационно-телекоммуникационных систем органов власти и организаций Союзного государства.

Сотрудничество Беларуси и России в информационной сфере предполагает в качестве своего важнейшего аспекта и приоритета осуществление кооперации в области компьютерных и иных высоких технологий в приложении к различным сферам жизнедеятельности как материальной основы создания единого информационного пространства.

За последние два года прошло несколько заседаний комиссии по единому научно-технологическому пространству Союзного государства. В рамках данных заседаний обсуждались вопросы всестороннего прогноза научно-технического прогресса Союзного государства на период до 2040 г. Для сотрудничества были определены области машиностроения, связанные с производством компонентной базы радиоэлектроники, с космическими разработками и производством электронных микросхем.

В соответствующем контексте началась реализация следующих программ. Во-первых, эта программа «Разработка комплексных технологий создания материалов, устройств и ключевых элементов космических средств и перспективной продукции других отраслей (“Технология-СТ” 2016–2020 гг.)». Финансирование происходит за счет средств бюджета Союзного государства. Цель данной программы – разработки технологических решений уменьшения массы и габаритов устройств, систем и элементов ракетно-космической техники. Ожидаемые результаты нацелены на совершенствование существующих и разработку новых технологий создания элементов устройств и систем космических средств, влекущих за собой принципиальную модернизацию информационно-коммуникационных технологий, а именно разработку специализированных микросистемных устройств с интеграцией функций сбора и обработки информации [6].

Во-вторых, программа «Разработка нового поколения электронных компонентов для систем управления и безопасности автотранспортных средств специального и двойного назначения (Автоэлектроника 2016–2020 гг.)». Она позволит обеспечить независимость от импорта важнейших изделий автоэлектроники для автомобильной техники специального и двойного назначения, а также более глубокую и комплексную производственную и информационную кооперацию российских и белорусских предприятий в создании и развитии передовых и востребованных технологий [6].

В-третьих, программа «Разработка современных технологий геологического изучения, рационального и экологически безопасного использования ресурсов недр России и Беларуси». В ее рамках планируется:

- формирование системы новых критериев и технологий поиска месторождений металлических и неметаллических полезных ископаемых, основанных на современных представлениях о рудной минерализации;
- разработка технологий более быстрой обработки информации, предотвращения и ликвидации загрязнений геологической и окружающей природной среды на территории Беларуси и России при поиске и эксплуатации полезных ископаемых на основе прикладных суперкомпьютерных технологий, которые обрабатывают информацию в разы быстрее обычного

компьютера. Предполагается, что в результате проекта будут созданы специализированные системы высокопроизводительных вычислений для нефтегазовой отрасли [7].

В-четвертых, программа «Обустройство пограничных проектов пропуска, оснащенных современными информационными технологиями». Внедрение в таможенную деятельность современных информационных технологий и интеграция информационных ресурсов таможенных органов Российской Федерации и Республики Беларусь дают возможность существенно ускорить выполнение таможенных процедур при перемещении товаров через внешнюю границу Союзного государства, одновременно повысив эффективность контроля соблюдения таможенных правил. Соответствующие наработки, реализованные в рамках Союзного государства, а также высокая степень интеграции наших стран в таможенной сфере являются сегодня основой функционирования Евразийского экономического союза. Выполнение всех мероприятий союзных программ по созданию Евразийского экономического союза позволит интегрировать информационные ресурсы таможенных служб Беларуси и России, обеспечить информационно-правовую и техническую поддержку таможенного администрирования на территориях государств-участников Союзного государства, что, в конечном итоге, позволит создать благоприятные условия для развития внешнеэкономических связей и роста инвестиций в экономику Российской Федерации и Республики Беларусь. В данный момент ведется объединение ряда баз данных между таможенными и пограничными службами Российской Федерации и Республики Беларусь с целью предотвратить злоупотребления определенного ряда лиц, использующих сложившуюся практику отсутствия таможенного и пограничного контроля граждан Союзного государства, что позволяет покидать пределы Российской Федерации или Республики Беларусь. Уже объединены базы данных о лицах, имеющих задолженность по уплате алиментов, находящихся в розыске, и некоторые другие [8].

Одним из базовых приоритетов в развитии технологического сотрудничества в сфере информационных технологий является программа «Суперкомпьютерная Инициатива Феникс», сокращенно «СКИФ», направленная на создание и развитие суперкомпьютеров. Уже к настоящему времени разработанные в рамках программы «СКИФ» суперкомпьютеры входят в топ 50 мощнейших в мире. Дальнейшее развитие суперкомпьютеров позволит в рамках еще большего сокращения времени, необходимого машине на обработку информации, решать сложные задачи по 3D-моделированию за 7–8 минут вместо обычных 48 часов. Среди потенциальных заказчиков офисного суперкомпьютера значатся Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, РУП «Научно-производственный центр по геологии» и ОАО «Беларуськалий». В данный момент суперкомпьютерами разных моделей семейства «СКИФ» оснащены такие ведущие университеты Союзного государства, как БГУ (Минск), МГУ (Москва), СПбГУ (Санкт-Петербург) [6].

В рассматриваемом контексте серьезные перспективы имеет сотрудничество между Республикой Беларусь и отдельными регионами Российской Федерации. В качестве примеров можно привести развитие и создание IT-парков и обмен научными сотрудниками между Республикой Беларусь и Карелией, а также совместные проекты БНТУ (Минск) и Государственного технологического университета им. М. Т. Калашникова (Ижевск, Удмуртия) в области информационных технологий.

Исключительное значение для дальнейшего позитивного развертывания кооперации в сфере информационных технологий между Беларусью и Россией является планируемый в конце 2020 – начале 2021 г. запуск нового российско-белорусского спутника дистанционного зондирования Земли. Работы над созданием нового космического аппарата ведутся в рамках подписанного меморандума между Национальной академией наук Беларуси и госкорпорацией «Роскосмос». Он будет включен в действующую российско-белорусскую орбитальную группу спутников дистанционного зондирования Земли высокого разрешения. Контроль и прием информации со спутника будут осуществляться пропорционально распределенным ресурсам. Спутник будет иметь усовершенствованные технические характеристики по сравнению с действующим белорусским космическим аппаратом. По прогнозам вес российско-белорусского спутника составит 1 т, американские аппараты такого класса весят около 2,5 т. При его разработке будут задействованы новые материалы и технологии обработки. Необходимо моделирование, испытание спутника на Земле и в космосе, чтобы подтвердить конструкторские решения. Инновационный проект позволит расширить области применения космической информации. На его реализацию потребуется 180 млн \$ [9].

Россия предлагает Беларуси создать совместный центр или предприятие по выпуску беспилотных летательных комплексов – эффективных, конкурентоспособных и соответствующих мировым стандартам. Беспилотная авиация упрощает решение ряда таких оперативных задач, как обнаружение без вести пропавших, похищенного транспорта и т.д., что позволит обмениваться полученной информацией о том или ином происшествии намного быстрее.

Необходимо отметить, что в планы обоих государств также входит:

- развертывание активного сотрудничества таких организационных структур инновационного типа, как Сколково (Москва), Парк высоких технологий (Минск), Иннополис (Казань), в контексте которого разрабатываются разнообразные проекты по стимулированию интеллектуальной деятельности в сфере информационных технологий;
- интеграция между университетами в рамках реализации таких совместных программ, договоров, научных проектов, как проект БГУ и МГУ им. М. В. Ломоносова «Акустоплазменные наноструктуры для сверхбыстрого управления оптическим излучением», совместная программа БГУ с Государственным университетом информационных технологий, механики и оптики

Санкт-Петербурга «Разработка новых методов оптического манипулирования за счет конфигурирования мультипольных моментов нанообъектов». В планах БГУ по взаимодействию с российскими университетами – сотрудничество в космической сфере [10].

Существует, однако, и ряд сдерживающих факторов кооперации Беларуси и России в сфере информационных технологий. Одной из главных помех является бюрократическая система согласования программ Союзного государства. Длительный период согласования не позволяет оперативно реагировать на вызовы и угрозы современного динамичного мира. По этой причине ориентир задается на те направления сотрудничества, которые рассчитаны прежде всего на долгосрочную и среднесрочную перспективу. Меньшее внимание уделяется проектам на перспективу краткосрочную.

Большой проблемой является также сохраняющееся различие в хозяйственных системах Российской Федерации и Республики Беларусь. Основным показателем здесь является то, что в Российской Федерации доля государства в ВВП значительно ниже, чем в Республики Беларусь [11]. Так, например, в Российской Федерации существуют такие крупные частные компании, как «Яндекс» и «Джет Брейнз», которые могут самостоятельно вносить существенный вклад в развитие НИОКР. При этом стоит подчеркнуть ассиметрию в демографическом, экономическом и геополитическом потенциалах двух стран.

К другим важным сдерживающим факторам можно отнести пока еще далекий от оптимального уровень спроса на продукты научно-технологической деятельности в сфере ИТ, недостаточно развитую материальную базу для кооперации в информационной сфере (как в университетах, так и на предприятиях), сохраняющуюся «утечку мозгов» в развитые страны, которые предлагают специалистам более выгодные условия работы, сохранение во многих случаях устаревших парадигм в образовательных программах университетов. По нашему мнению, уровень финансирования проектов сотрудничества в информационной сфере, а также уровень его правового регулирования не адекватны значимости задач такого сотрудничества. Преодоление представленных выше ситуаций позволит значительно усилить позиции Союзного государства в таком важнейшем сегменте инноваций, как информационные технологии.

Подводя итог, можно отметить, что, как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации, намечена реализация значительного количества совместных государственных программ, направленных на создание и внедрение информационных товаров и услуг для всех сфер жизнедеятельности от сельского хозяйства до таможенного дела. Это в содержательном плане значительно обогатит информационное пространство в рамках двух государств, укрепит его единое основание. Предпосылкой и одновременно результатом формирования и развития данного пространства в российско-белорусских отношениях являются активная синхронизация проведения научных исследований и создание высокотехнологичных производств в информационной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа «Совершенствование системы защиты общих информационных ресурсов Беларуси и России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://government.by/ru/rus_events28060602.html. – Дата доступа : 13.12.2017.
2. Как «работает» единое информационное пространство Союзного государства? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/slushat-i-slyshat-souz.html>. – Дата доступа : 13.12.2017.
3. Россия и Беларусь создадут канал связи для обмена данными о налогах [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.rg.ru/2017/12/22/regzfo/rossiia-belarus-sozdadut-kanal-sviazi-dlia-obmena-dannymi-o-nalogah.html>. – Дата доступа : 22.12.2017.
4. Беларусь предложила РФ подготовить дорожную карту для отмены роуминга [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tass.ru/ekonomika/48559021>. – Дата доступа : 22.12.2017.
5. Михайловская, С. Противопоставить киберугрозам комплексную защиту / С. Михайловская // Беларуская думка. Союзна Вектар. – 2017. – № 10. – С. 18–25.
6. Реализуемые союзные программы и проекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.postkomsg.com/programs/>. – Дата доступа : 13/12/2017.
7. Разрабатываемые союзные программы и проекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.postkomsg.com/programs/>. – Дата доступа : 13.12.2017.
8. Масловская, Е. А. Строительство союзного государства: итоги и перспективы / Е. А. Масловская [Электронный ресурс]. – Народная газета. – Режим доступа : <https://www.nb.by/publications/archive/201014/stroitelstvo-sojuznogo-gosudarstva- itogi-i-perspektivy-prodolzhenie/>. – Дата доступа : 18.10.2017.
9. Около \$180 млн потребуется на создание российско-белорусского спутника [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://postkomsg.com/science/215115/>. – Дата доступа : 17.12.2017
10. Теория инновационного взрыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.souzveche.ru/articles/our-union/40041/>. – Дата доступа : 24.12.2017.
11. Антонов, В. А. Опыт инновационного сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь в условиях становления Союзного государства / В. А. Антонов, А. Н. Корнеев // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 4. – С. 1–24.

Поступила в редакцию 21.03.2019

И. В. Ковалёва

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ПОСЛЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА: ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

В статье рассматривается влияние миграционного кризиса на изменение статуса правых партий в государствах Европейского союза. На примере различных стран проанализирована динамика электоральных результатов правопопулистских партий,

строивших свою предвыборную программу на проблемах миграции и неэффективности соответствующей политики правительств. Отмечено, что добившись успехов на выборах и обеспечив себе место в законодательной и исполнительной власти, антимиграционная и националистическая риторика правых партий становится менее радикальной; наблюдается переформатирование программ и лозунгов в сторону прагматизма; в целях устранения имиджа партий «одного вопроса» большее внимание начинает уделяться экономическим аспектам развития. Одновременно часть повестки дня, формируемой правопопулистскими партиями, переходит в программы традиционных правящих партий, которые реализуют ее в демократическом ключе.

Последнее десятилетие для Европы оказалось насыщенным различного рода кризисными событиями: глобальная рецессия экономики, долговой кризис целого ряда стран во главе с Грецией, рост центробежных тенденций, ярко проявившийся в событиях вокруг каталонского референдума, Брексит. Все эти события сопровождались во многих европейских странах сдвигом электоральных настроений, выразившимся в кризисе доверия к традиционным партиям и росте поддержки популистских партий правого и левого толка. Основным катализатором подобных изменений большинство исследователей называет миграционный кризис 2015 года. Целью настоящей статьи являются обзор изменений в политическом спектре и оценка причин, приведших к подобным явлениям.

Глобальный характер миграционных процессов в начале XXI в. подтверждается их масштабом, охватом практически всех стран мира, распространением на различные сферы жизнедеятельности общества, изменением форм миграции. По оценкам ООН в 2010 г. количество международных мигрантов достигло 214 млн человек, или 3,1 % мирового населения, при этом в 10 странах с наибольшим количеством мигрантов было сосредоточено 52 % их численности, а треть мигрантов проживали в Европе [1]. Классическая трудовая миграция дополнилась такими формами, как политические беженцы, беженцы из зон военных действий и гуманитарных катастроф, нелегальная миграция.

Даже на фоне такой глобализации миграционных процессов события 2015–2016 гг. в Европе по ряду причин рассматриваются исследователями как миграционный кризис. Во-первых, число мигрантов-беженцев резко возросло. Поток беженцев из зоны военных конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке начался с 2011 г., а в 2015 г. достиг своего пика. Число лиц, впервые ищущих убежища, составило 1 255 600 человек [2, с. 177]. Во-вторых, возникла проблема странового дисбаланса размещения прибывающих, обусловленная как «выгодностью» получения статуса беженца в той или иной стране ЕС, так и политикой нежелания принимать мигрантов правительствами некоторых стран (Польша, Чехия, страны Балтии) [3, с. 170]. По общему количеству принятых мигрантов явным лидером выступила Германия (около 890 тыс. человек в 2015 г.), но по количеству заявлений о признании беженцами на 1 млн местных жителей лидировали Венгрия (17 699), Швеция (16 016) и Австрия (9 970). Для сравнения в Хорватии этот показатель составил 34, Словакии – 50, Румынии – 64 [2, с. 176–177].

В-третьих, необходимость единовременной интеграции значительного количества инокультурных мигрантов (53 % прибывших представляли три страны – Сирию, Афганистан и Ирак) тяжелым бременем ложилась на бюджет. Возможное позитивное влияние в виде трудового участия мигрантов в национальных экономиках (в среднем они на 25 лет моложе европейцев, 51 % мигрантов относились к возрастной группе 18–34 года и еще 32 % были несовершеннолетними) нивелировалось недостаточным уровнем квалификации. Это обуславливает необходимость инвестиций в повышение квалификации в краткосрочном периоде перед угрозой размывания национальной идентичности в случае неинтегрированности мигрантов в долгосрочном.

Осознавая необходимость разрешения возникшей кризисной ситуации, европейские правительства предприняли ряд достаточно эффективных политико-правовых мер, соблюдая при этом базовые принципы европейской политической культуры – гуманизм и соблюдение прав человека. На надгосударственном уровне Еврокомиссии эти меры сводились к распределению квот на прием беженцев с целью выравнивания финансовых и гуманитарных усилий на их адаптацию и интеграцию в различных странах.

На уровне странового регулирования важнейшим примером выступает Германия, применившая разнообразные инструменты миграционной политики. Часть из них была направлена на ограничение миграции. Заключенное в марте 2016 г. по инициативе Германии соглашение между ЕС и Турцией содержит обязательство принятия турецкой стороной обратно нелегальных беженцев, прибывших в ЕС с ее территории, при финансировании европейской стороной обустройства лагерей для беженцев. Законодательно была упрощена процедура депортации нелегальных мигрантов; было ограничено право на воссоединение семей (приглашение ближайших членов семьи допускается теперь не ранее, чем через два года после получения разрешения на пребывание); для содержания соискателей, вызывающих сомнения, было создано пять специальных центров с ограничением права передвижения данных лиц районами размещения данных центров. Второе направление политики касалось интеграции. Стали обязательными интеграционные курсы, их количество увеличилось, а для ощущения сопричастности к процессу интегрирования участвующие в курсах мигранты должны вносить частичную оплату в размере 10 евро в месяц. Третье направление – изменение подходов к финансированию: кроме пропорционального распределения бюджетных расходов по землям в соответствии с распределением беженцев были сокращены расходы на медицинское сопровождение беженцев, а денежные выплаты заменены на материальную помощь (одежда, еда). Наконец, был облегчен доступ на рынок труда: по программе Министерства труда 2016 г. планировалось трудоустроить около 100 тыс. человек [4].

Несмотря на активные политические меры по урегулированию кризиса его начальные негативные эффекты в совокупности с произошедшими в европейских городах крупными террористическими актами подорвали доверие к традиционным политическим партиям, способствовали росту

радикальных настроений в обществе, расширению политического влияния партий правого толка. Особенно ярко данные тенденции проявились в Германии, Австрии и странах Северной Европы.

Германская система основывалась на противостоянии двух основных партий – блока ХДС/ХСС и СДПГ, организовывавших правительственную коалицию либо с третьей по силе Свободной демократической партией, либо между собой. Трансформация модели началась в конце 1990-х годов. Партийная система усложнилась, произошел отход от «управляемой многопартийности» – появились Партия зеленых, Объединенная левая партия и Альтернатива для Германии (АдГ). АдГ возникла в 2013 г. вокруг выделившейся из ХДС группы с целью противодействия политике правительства в отношении евроинтеграции. Поддерживая в целом участие ФРГ в Евросоюзе, АдГ выступала за строгое соблюдение всеми участниками финансовых критериев Маастрихтских соглашений, касающихся предельных показателей дефицита госбюджета, госдолга, темпов роста цен. Несоблюдение критериев привело ряд стран к финансовым проблемам, решаемым за счет стран с устойчивой финансовой системой, в первую очередь – ФРГ. Даже с такой «одновопросной» повесткой на выборах в бундестаг в 2013 г. партия почти преодолела пятипроцентный барьер, получив поддержку 4,8 % избирателей.

Миграционный кризис позволил партии нарастить политический капитал. Недовольство неэффективностью миграционной политики (нерешенная проблема нелегальной миграции, рост связанных с мигрантами преступлений, их культурная чуждость) стало основой программы сначала региональных избирательных кампаний партии, а затем и на федеральных выборах 2017 года. Чтобы отвести упреки в шовинизме, АдГ перестроила предвыборные акценты – в частности, призыв к радикальному развороту в миграционной политике мотивировался озабоченностью судьбой демократии; произошла смена наиболее одиозных фигур в руководстве партии [4, с. 44]. В результате был достигнут серьезный электоральный успех – третье место (12,6 % голосов) и руководство тремя из 15 профильных комитетов парламента на фоне наихудших в истории результатов традиционных партий-лидеров. Блок ХДС/ХСС получил 33 %, а СДПГ – 20,5 % голосов. При этом миграционная политика вызвала недовольство и внутри правящего блока (председатель ХСС премьер-министр Баварии Х. Зеехофер потребовал от А. Меркель ограничения притока мигрантов), и со стороны СДПГ, которая еще до выборов заявила, что после них станет оппозиционной партией, поскольку участие в правительственной коалиции с ХДС на фоне непопулярности миграционной политики ведет к потере поддержки избирателей.

После создания парламентской фракции депутаты АдГ выступили за значительное сокращение притока мигрантов и против планов реформирования ЕС в ущерб финансовому и государственному суверенитету Германии [5, с. 59]. Экономические аспекты выступают на первый план. Огромное финансовое бремя миграции (расходы на обустройство беженцев

составляют 0,8 % ВВП) в совокупности с детально проработанной экономической платформой позволили АдГ распространить начальную поддержку в восточных землях, где партия заняла первых два места на выборах в бундестаг, на всю территорию страны. На сегодня у нее есть фракции в парламентах всех шестнадцати земель. «Альтернативе» не свойствен излишний популизм, основной упор в партийной пропаганде делается на интересы экономически активных групп. Поддержка избирателями АдГ продемонстрировала традиционным партиям необходимость изменения миграционной политики.

Разочарование ведущими партиями в Австрии ярче всего проявилось на президентских выборах 2016 г., когда во второй тур не вышли представители ни одной из двух традиционных партий-лидеров (Австрийской народной партии и Социал-демократической партии Австрии), а за пост боролись бывший лидер Партии зеленых и представитель Австрийской партии свободы (АПС).

Генезис АПС в чем-то сходен с переформатированием АдГ. Изначально ультрарадикальная националистическая партия в течение 1950–1990 гг. регулярно получала небольшое количество мест в парламенте, соответствующее 5–10-процентной поддержке избирателей. Выдвижение в 1986 г. в лидеры партии Й. Хайдера ознаменовалось успехом на федеральных выборах 1989 г. и содействовало созданию коалиционного блока с АНП. По итогам выборов в ландтаг Каринтии – родной земли Хайдера – он получил пост губернатора, которого был лишен после хвалебных высказываний в адрес политики занятости в Третьем рейхе. В 1990-е гг. партия наращивала присутствие в парламенте (16,6 % в 1990 г., 22,5 % в 1994-г. и, наконец, триумф в 1998 г. – 27,2 % и 2 место). Успех пришел несмотря на произошедший в партии раскол: в 1994 г. предпринимательское крыло партии, которое не устраивала националистическая риторика Хайдера, создало новую партию – Либеральный форум, сразу же преодолевшую парламентский барьер. АНП, впервые в 1998 г. не занявшая ни одного из двух ведущих мест, вступила в коалицию с АПС; лидер АНП был избран канцлером, а политики от АПС; заняли посты вице-канцлера, министров финансов, юстиции, обороны, соцзащиты, транспорта, инноваций и технологий. Вхождение в правительство европейской страны правых националистов привело к волне протестов в самой Вене и санкциям Брюсселя в отношении страны-члена ЕС. Поскольку одним из предвыборных лозунгов АПС было ограничение миграции (а уже тогда доля мигрантов в промышленности страны составляла 10 % занятых, и Хайдер умело пользовался этим фактом на фоне растущей безработицы среди коренного населения), ЕС инициировал проверку деятельности министров АПС, которая показала отсутствие в поведении мотивов для критики [5, с. 55].

В результате уже следующие выборы в 2002 г. возвратили АПС на уровень ниже 10 % голосов избирателей, что привело партию к осознанию необходимости перемен – и с 2005 г. она все более превращается в обычную

правопопулистскую. Тем не менее, антииммиграционная программа позволила нарастить парламентское присутствие – 11 % в 2006 г., 17,5 % на досрочных выборах в 2008, 20,5 % в 2013 и 26,5 % (51 место в нижней палате парламента) в 2017 году. По итогам последних выборов снова сформирована коалиция АНП – АПС, канцлер С. Курц представляет АНП (62 места), лидер АПС Х.-К. Штрахе занял пост вице-канцлера, представители АПС заняли еще ряд министерских кресел. Невзирая на жесткую предвыборную риторику в отношении беженцев, Штрахе выглядит «не воинствующим евроскептиком-националистом, а взвешенным рассудительным политиком с тонкой нюансировкой ... проблем миграции, внутренней и внешней безопасности... АПС отвергает всякое проявление насилия, тоталитаризма и расизма» [5, с. 56–57]. Партии удалось дистанцироваться от национализма, произошла эволюция ее воззрений в пользу демократии и правового государства.

На фоне успехов АПС несколько в тени оказывается еще одна партия, основной темой которой также является миграция. Созданная в 2012 г. партия NEOS (Новая Австрия/Либеральный форум) также представлена в парламенте, получив 4,9 % и 5,3 % голосов на выборах 2013 и 2017 годов. Политическая позиция партии включает сокращение государственного долга, снижение налогов, отказ от государственного финансирования политических партий. В социальной сфере при благосклонном отношении к беженцам в целом партия выступает за их прием после длительных проверок, за ограничение воссоединения семей, за сокращение пособий, пресечение нелегальной миграции и избирательном привлечении мигрантов в зависимости от потребностей рынка труда – минимизация привлечения в сельское хозяйство и туристическую индустрию при максимальном привлечении лиц с высшим образованием.

Также на волне миграционных проблем состоялся взлет популярности Партии свободы в Нидерландах, созданной в 2006 г. и занимающей жесткую позицию по вопросам иммиграции и связанных с ней социокультурных процессов. На парламентских выборах партия постоянно преодолевала необходимый минимум: 2006 г. – 5,9 %, 9 депутатских мандатов; 2010 – 15,5 %, 24 мандата, 3 место; 2012 – 10,1 %, 15 мандатов, 3 место; 2017 г. – 13,1 %, 20 мандатов, 2 место [6]. Интересно, что правящая Народная партия за свободу и демократию еще в 2010 г. приняла на вооружение идею Партии свободы об уменьшении пособий для иммигрантов в целях борьбы с последствиями экономического кризиса.

Скандинавские партии прогресса (в Дании и Норвегии) возникли до эры массовой миграции, и основой их предвыборной программы было сокращение налогов на бизнес, уменьшение государственного вмешательства в экономику в сочетании с ростом расходов на здравоохранение и образование. Это обеспечивало поддержку избирателей на уровне создания парламентских фракций (процент голосов доходил до 15,6). Реформы 1980-х гг. сделали предыдущую повестку дня неактуальной – и партии переключились на злободневные миграционные проблемы. В Норвегии Партия прогресса

в последнее десятилетие занимает 2–3 место по результатам выборов в парламент, а в 2013 г. впервые получила посты министров финансов, нефти и по делам иммиграции и интеграции. Датская Партия прогресса с 2001 г. становится третьей по величине в парламенте и участвует в формировании коалиционного большинства в обмен на выполнение своих требований по вопросам ужесточения миграционной политики [6, с. 39].

Правопопулистская партия «Истинные финны» выступает за повышение пенсий и стипендий, рост субсидий аграрному сектору и сокращение налогов на полезные продукты, а также за ограничение притока мигрантов и ускорение их адаптации и социальной интеграции путем запрета государственного финансирования поддержки привносимой культуры. На последних двух парламентских выборах в 2011 и 2015 гг. партия набирала 19,1 % и 17,6 % (соответственно 3-е и 2-е место).

«Шведские демократы» – партия, выступающая за сокращение неевропейской иммиграции в страну (особенно за ограничение возможностей въезда в страну родственников уже находящихся в ней мигрантов), за социальное равенство, снижение налогов и экологическое сознание, сохранение истинных шведских ценностей – в 2010 г. впервые попала в парламент (5,7 %). В последующем партия получила поддержку 12,9 % избирателей в 2014 г. и 17,5 % в 2018 г. (оба раза – 3 место). Последние выборы в Швеции в очередной раз показали, что общеевропейская проблема с мигрантами становится благодатной почвой для получения хорошего результата правыми партиями.

Консервативная народная партия Эстонии, программа которой включает антииммигрантские меры, заняла 3-е место на выборах в парламент 3 марта 2019 г. (17,8 % и 19 мест в сравнении с 7-ю местами в 2015 г.) [7].

Миграционный кризис явился одним из основных факторов формирования политического ландшафта на европейском континенте в последнее десятилетие. Недовольство европейской общественности неэффективностью миграционной политики позволило правопопулистским партиям получить небывалую поддержку избирателей. Число их сторонников выросло почти во всех странах ЕС. Политический успех приводил руководство данных партий к расширению политической повестки, чтобы не выглядеть партиями «одного вопроса», и к смягчению антииммигрантской риторики в сторону более взвешенной политики. Кроме того, традиционные партии вынуждены обратить внимание на проблемы, которые реально волнуют электорат, перехватывая часть предвыборной повестки популистских партий, включая миграционную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербакова, Е. Международные миграции: мировой срез / Е. Щербакова // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. – 2012. – № 513–514. – Режим доступа : <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/barom02.php>. – Дата доступа : 10.03.2019.

2. Суворова, В. А. Миграционный кризис в Европе: проблемы вынужденной миграции / В. А. Суворова // Власть. – 2018. – № 1. – С. 176–179.
3. Медушевский Н. А. Миграционный кризис в Европе сквозь призму статистических данных / Н. А. Медушевский // Власть. – 2017. – № 11. – С. 169–172.
4. Малахов, В. С. Германия после «миграционного кризиса»: политика, экономика, общество / В. С. Малахов // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 5. – С. 41–51.
5. Васильев, В. И. Европейская политика Австрии и Германии: между прагматизмом и правым популизмом / В. И. Васильев // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 8. – С. 54–64.
6. Бадаева, А. С. Ультраправые в Западной Европе: на пределе возможностей / А. С. Бадаева // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 2. – С. 37–46.
7. Парламентские выборы в Эстонии выиграла Партия реформ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belta.by/world/view/parlamentskie-vybory-v-estonii-vyigrala-partija-reform-338788-2019>. – Дата доступа : 06.03.2019.

Поступила в редакцию 14.03.2019

А. М. Кушнярэвіч

АБ РОЛІ ГЕРМАНСКІХ УПЛЫВАЎ НА ЕЎРАПЕІЗАЦЫЮ БЕЛАРУСКІХ ЗЯМЕЛЬ У XIV–XVIII ст.: СУЧАСНЫ ПОГЛЯД У АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ І КУЛЬТУРАЛОГІІ

В статье характеризуется история исследования немецких влияний на правовую и конфессиональную культуру белорусских земель XIV–XVIII вв. в отечественной гуманитарной науке XX – начала XXI в. Отмечается, что данная тема характеризуется недостаточной ее разработанностью в отечественной историографии с точки зрения концептуальных обобщений и конкретных выводов по основным аспектам роли германских влияний на степень интеграции белорусской культуры рассматриваемого времени в европейскую цивилизацию. Предшествующие работы, по мнению автора, подготовили основу для обобщающе-культурологического исследования данной проблемы.

Актуальнасць вывучэння германа-беларускіх культурных стасункаў дадзенага часу абумоўлена тым, што на сучасным этапе развіцця міжнародных адносін Германія пераўтварылася ў адну з вядучых еўрапейскіх краін, якая дынамічна развіваецца і рознабаковыя ўплывы якой у свеце пастаянна ўзрастаюць, таму развіццё двухбаковых кантактаў з гэтай краінай у розных сферах дзейнасці мае для Беларусі вялікае значэнне. Асновай жа для паўнавартаснага ўзаемага культурнага супрацоўніцтва з'яўляюцца, з аднаго боку, унікальнасць і самабытнасць культурных традыцый абедзвюх краін, а з другога – назапашаны ў папярэднія часы прадуктыўны вопыт культурных кантактаў, які можа стаць прадметам навуковых даследаванняў і асновай далейшых плённых германа-беларускіх міжкультурных сувязяў.

Заходнееўрапейскім жа ўплывам на культуру Беларусі садзейнічала яе геапалітычнае становішча паміж усходняй візантыйскай і еўрапейскай цывілізацыямі, у кантактнай зоне культурна-рэлігійных арэалаў праваслаўя і каталіцтва. Гэта выпрацавала спецыфічны менталітэт беларускага народа па ўспрыманні не толькі ўсходняй, але і заходне-еўрапейскай культуры і цывілізацыі, а таксама абумовіла шырокія кантакты з Захадам, у прыватнасці з Германіяй, сувязі з якой садзейнічалі працэсу еўрапеізацыі беларускай культуры.

Адным з сведчанняў гэтаму з'яўляецца распаўсюджванне магдэбургскага права – сістэмы нямецкага гарадскога самакіравання, якое назіралася ў Еўропе ў XIII–XVIII ст. У айчыннай гістарыяграфіі XX ст. адным з першых да гэтага пытання звярнуўся В. Д. Дружчыц, які даследаваў формы і функцыі войтаўскай улады і магістратаў у беларускіх гарадах з гэтым правам [1], а таксама арганізацыю і функцыяніраванне магістратаў беларускіх гарадоў на прыкладзе Вільні, Бярэсця, Полацка, Мінска, Магілёва, Віцебска [2].

Грунтоўны артыкул дзеянню магдэбургскага права ў гарадах Беларусі прысвяціў З. Ю. Капыскі, у якім ахарактарызаваў саслоўны склад іх магістратаў [3]. Даследчык А. П. Грыцкевіч адзначыў важную ролю магдэбургскага права ў эканамічным і сацыяльна-політычным развіцці беларускіх гарадоў [4, с. 63].

У. І. Пічэга ў фундаментальным выданні «Гісторыя беларускага народа» вылучыў на першае месца эканамічны фактар у наданні магдэбургскага права гарадам і мястэчкам Беларусі [5, с. 107].

У артыкуле «Самакіраванне гарадоў Беларусі па Магдэбургскаму праву ў другой палове XVII–XVIII ст.» А. М. Карпачаў ахарактарызаваў яго ролю ў развіцці саслоўных правоў мяшчан [6].

В. І. Мялешка на прыкладзе Магілёва звярнуў увагу даследчыкаў на тое, што магдэбургскае права «не было механічным перанясеннем нямецкага права ў яго чыстым выглядзе на тэрыторыю Беларусі, яе гарады мелі свае асаблівасці, якія ўплывалі на змены яго асобных палажэнняў» [7, с. 176–177].

На думку вядомага гісторыка права І. А. Юхо, запазычванні з нямецкага права па адміністрацыйных і крымінальна-працэсуальных пытаннях былі прыстасаваны да агульнадзяржаўнага заканадаўства [8, с. 82].

Удасканальванне сістэмы органаў дзяржаўнай улады і кіравання пасля абвяшчэння незалежнасці Рэспублікі Беларусь выклікала неабходнасць далейшых грунтоўных даследаванняў гісторыі дзяржавы і яе асноўных інстытутаў. Беларускія навукоўцы працягвалі даследаванне гісторыі гарадоў і іх самакіравання, якое было распачата яшчэ дарэвалюцыйнымі гісторыкамі.

У 90-я гады XX – пачатку XXI ст. быў выдадзены шэраг абагульняючых даследаванняў па гісторыі Беларусі, у якіх асвятляліся і пытанні гарадскога самакіравання. Асобныя яго аспекты раглядаліся ў навуковых артыкулах, выступленнях на навуковых канферэнцыях, прысвечаных развіццю гарадоў з нагоды гадавін надання ім магдэбургскага права [9, с. 64–72].

Так, А. Б. Доўнар прывёў агульную характарыстыку магдэбургскага права ў фундаментальным энцыклапедычным выданні «Вялікае Княства Літоўскае» (далей ВКЛ), у якім ён, у прыватнасці, адзначае, што «магдэбургскае права афармляла горад як самастойную адміністрацыйную адзінку са сваімі атрыбутамі – тэрыторыяй, грамадзянствам, інстытутамі ўлады і суда, гербам, падатковай сістэмай і г.д.» [10, с. 241].

Навуковец П. А. Лойка, разглядаючы пытанні гарадскога самакіравання ў артыкуле, прысвечаным унутранай палітыцы ВКЛ у XIV–XV ст., адзначае, што адпаведна граматам на магдэбургскае права ў гарадах у той час былі вызначаны асноўныя прынцыпы самакіравання [11, с. 183].

В. Ф. Голубеў, асвятляючы працэс фарміравання агульнадзяржаўнага рынку і мяшчанскага саслоў'я, звяртае ўвагу на той факт, што беларускія гарады, дабіўшыся магдэбургскага права, пры гэтым набывалі не толькі судова-адміністрацыйную, але і фінансава-гаспадарчую самастойнасць [12, с. 376–378].

Па меркаванні Ю. М. Бохана, магдэбургскае права «не насіла ў беларускіх гарадах усеабдымны характар, бо не толькі не ўсе гарады яго мелі, але і ў саміх прывілегіяваных гарадах частка насельніцтва яму не падлягала» [13, с. 360].

У манаграфіі А. К. Цітова «Вольныя беларускія места» [14] разгледжаны гістарычныя аспекты існавання самакіравання ў вялікакняжацкіх беларускіх гарадах, арганізацыя іх жыцця на прынцыпах магдэбургскага права.

Шматлікія аспекты ўжывання сярэднявечнага нямецкага права на землях, размешчаных на усход ад Германіі, аналізуюцца ў працах В. Б. Келер [15–18]. Даследчыца істотна пашырыла поле навуковых даследаванняў у галіне германістыкі, якія дазваляюць рэканструяваць невядомыя аспекты ў цывілізацыйным узаемадзеянні паміж германскім і славянскім культурным светам.

Значную навуковую цікавасць таксама ўяўляюць манаграфіі М. Д. Макарава [19] і С. П. Стрэнкоўскага [20], прысвечаныя нямецкаму праву на беларускіх землях. Пры гэтым М. Д. Макараў даследаваў сістэмы самакіравання, што сфарміраваліся ў гарадах Падзвіння пасля надання ім магдэбургскага права, а таксама тыя, што грунтаваліся на мясцовым праве.

С. П. Стрэнкоўскі разгледзеў шырокі спектр пытанняў развіцця гарадскога самакіравання з нямецкім правам на беларускіх землях. У выніку даследчык устанавіў, што ў XV–XVIII ст. побач з магдэбургскай сістэмай існавалі і мясцовыя формы самакіравання [20, с. 236].

Сістэмна і комплексна даследаваць працэс распаўсюджвання нямецкага сярэднявечнага права на Беларусі дапамагае і публікацыя Н. В. Місарэвіча «Магдэбургскае права ў гісторыі беларускай дзяржаўнасці», у якой навуковец прыйшоў да высновы, што нормы гэтага права «не толькі стымулявалі далейшае распаўсюджванне ідэі самакіравання ў беларускіх гарадах, але і аказвалі уплыў на развіццё і удасканаленне агульна-дзяржаўнага судовага заканадаўства ВКЛ» [21].

Акрамя нямецкага права другім важным фенаменам уплыву Германіі на беларускія землі была Рэфармацыя, якая мела шматгранныя сувязі з культурным і палітычным развіццём краіны у складзе ВКЛ. Грамадска-палітычныя і філасофскія аспекты дадзенай праблемы доўга вывучаў С. А. Падокшын, які ў манаграфіі «Рэфармацыйная і грамадская думка Беларусі і Літвы (другая палова XVI – пачатак XVII ст.)» прыйшоў да высновы, што «беларускі і літоўскі рэфармацыйны і гуманістычны рух не быў адгалоскам Заходняй Рэфармацыі і гуманізму, а выступаў як нацыянальная гістарычная і культурная з’ява, а ідэолагі Рэфармацыі і гуманізму Беларусі і Літвы былі не эпігонамі еўрапейскіх рэфармацыйных дзеячаў і гуманістаў, а самастойнымі мысліцелямі» [22, с. 205].

Для вывучэння нямецкіх уплываў на культуру Беларусі важным з’яўляецца і другое даследаванне С. А. Падокшына «Роздум над Рэфармацыяй у Вялікім Княстве Літоўскім», з якога вынікае, што дзякуючы «...Адраджэнню і Рэфармацыі ў шматканфесійнай і шматэтнічнай беларуска-літоўскай дзяржаве паўстала рэнесансава-гуманістычная, або ліберальная мадэль грамадскага і духоўнага жыцця, падставай для якой з’яўляліся прынцыпы рэлігійнай талерантнасці (Варшаўская канферэнцыя 1573 г.), вяршэнства закона (Статут 1588 г.), духоўна-культурнага плюралізму, цяпкасці і павягі да іншага (дзённік Фёдора Еўлашоўскага, рознаканфесійныя школы, друкарні, кнігі, антычная літаратура» [23, с. 26]. Духоўна-філасофскія дасягненні рэфармацыйнага руху на Беларусі ахарактарызаваны даследчыкам у 3-м томе «Гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі» [24, с. 134–142].

Гістарычныя аспекты распаўсюджвання Рэфармацыі ў беларускай культуры распрацоўвае Л. С. Іванова, якая лічыць, што Рэфармацыя на тэрыторыі Беларусі развівалася ў рэчышчы еўрапейскага рэфармацыйнага руху і ўспрыняла знешнія формы заходне-еўрапейскага пратэстантызму, яго асноўныя накірункі, дагматы, формы царкоўнай арганізацыі, але мела своеасаблівыя рысы [25; 26].

Сярод навуковых артыкулаў неабходна згадаць змястоўную характарыстыку Рэфармацыі ў Еўропе, якую прывёў А. П. Грыцкевіч у зборніку матэрыялаў навукова-практычнай канферэнцыі «Рэфармацыя і залаты век Беларусі», арганізаванай у 2001 г. згуртаваннем беларусаў свету «Бацькаўшчына». На яго думку, гэты рэлігійны феномен стаў папярэднікам эпохі асветніцтва і новага грамадска-палітычнага ладу, што ўсталяваўся ў канцы XVIII–XIX ст. [27, с. 9].

У сваёй публікацыі С. Акінчыц засяродзіў сваю ўвагу на тым, што Рэфармацыя змяніла эканоміку, палітычнае аблічча Еўропы і сфарміравала заходнюю цывілізацыю [28, с. 20]. «На фоне ўсяго, што адбывалася ў Еўропе, цяжка не заўважыць, як адзначае даследчык, сувязі паміж распаўсюджваннем ідэй Рэфармацыі і развіццём беларускага грамадства, бо Біблія Скарыны і развіццё школьніцтва і кнігадрукавання, і зямельная, судовая, адміністрацыйныя рэформы XVI ст., і Статуты ВКЛ, рост гарадоў, уздым культуры і эканомікі маюць сваёй прычынай нішто іншае, як ідэі Рэфармацыі» [28, с. 21–22].

У артыкуле «Залаты век Беларусі: Рэфармацыя і мова» Л. Лыч сцвярджае, што «невядомая дагэтуль павага царквы да мясцовых моў з’явілася адной з асноўных прычын таго, што прагрэсіўныя ідэі Рэфармацыі атрымалі шырокае распаўсюджванне ў краінах Еўропы, што спачатку многія каталіцкія, а затым і праваслаўныя храмы сталі ператварацца ў пратэстанцкія» [29, с. 29].

Т. Доўнар дапоўніла матэрыялы гэтай канферэнцыі звесткамі аб уплывах Рэфармацыі на беларускую культуру ў сферы палітыка-прававой думкі на прыкладзе Статута ВКЛ 1566 г. [30].

Уяўленне аб формах германа-беларускіх кантактаў часоў Рэчы Паспалітай пашырыў артыкул А. Самусіка, прысвечаны сувязям беларускіх зямель з краінамі Захаду і Цэнтральнай Еўропы ў XVIII ст., у тым ліку і з Германіяй, у сферы адукацыі [31].

Але ўсё ж патрэбна адзначыць, што у айчыннай гістарыяграфіі і гістарычнай культуралогіі адсутнічаюць абагульняючыя даследаванні, прысвечаныя нямецкім уплывам на духоўную культуру Беларусі, што ў многім тлумачыцца складанасцю вывучэння поліэтнічных і мультыкультурных дзяржаў гэтага часу, якімі былі Вялікае Княства Літоўскае і Германская імперыя. У галіне духоўнай культуры гэтыя ўплывы вывучаліся беларускімі гісторыкамі і філосафамі пераважна на прыкладзе распаўсюджвання нямецкага сярэднявечнага права і Рэфармацыі на беларускіх землях у XIV–XVIII ст. Каштоўныя працы беларускіх навукоўцаў па гісторыі сацыяльна-эканамічных, палітычных і культурных працэсаў паступова падрыхтавалі глебу для абагульняльна-тэарэтычнага даследавання германа-беларускіх культурных сувязяў у іх гістарычнай дынаміцы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Дружчыц, В. Д.* Войты і іх улада ў беларускіх месцах з магдэбургскім правам / В. Д. Дружчыц. – Мінск : Інбелкульт, 1928. – 58 с.
2. *Дружчыц, В. Д.* Магістрат у беларускіх месцах з магдэбургскім правам у XV–XVII стагоддзях / В. Д. Дружчыц. – Мінск : Друк. Беларус. акад. навук, 1929. – 79 с.
3. *Капыскі, З. Ю.* Магдэбургскае права ў гарадах Беларусі (канец XV – першая палова XVII ст.) / З. Ю. Капыскі // Советское славяноведение. – 1972. – № 5. – С. 26–41.
4. *Грицкевич, А. П.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. / А. П. Грицкевич. – Минск : Наука и техника, 1975. – 248 с.
5. *Пичета, В. И.* История белорусского народа / В. И. Пичета. – Минск : БГУЦ, 2003. – 184 с.
6. *Карпачоў, А. М.* Самакіраванне гарадоў Беларусі па магдэбургскаму праву ў другой палове XVII–XVIII ст. / А. М. Карпачоў // Весці Акад. навук Беларускай ССР. Сер. грамадскіх навук. – 1969. – № 2. – С. 56–64.
7. *Мелешко, В. И.* Могилёв в XVI – первой половине XVII в. / В. И. Мелешко. – Минск : Наука и техника, 1988. – 264 с.

8. *Юхо, И. А.* Правовое положение населения Белоруссии в XV в. / И. А. Юхо. – Минск : БГУ, 1978. – 141 с.
9. *Стрэнкоўскі, С. П.* Сучасная айчынная гістарыяграфія гарадскога самакіравання Беларусі ў канцы XIV–XVIII ст. / С. П. Стрэнкоўскі // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2012. – № 2 (130). – С. 64–72.
10. *Доўнар, А. Б.* Магдэбургскае права / А. Б. Доўнар // Вялікае Княства Літоўскае: энцыкл.: у 2 т. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2006.
11. *Лойка, П. А.* Унутраная палітыка ВКЛ у XIV–XV ст. / П. А. Лойка // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва. – Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 2008. – С. 179–186.
12. *Голубеў, В. Ф.* Фарміраванне агульнадзяржаўнага рынку і мяшчанскага саслоў'я ў беларускіх гарадах перыяду ВКЛ / В. Ф. Голубеў // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва. – Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 2008. – С. 186–197.
13. *Бохан, Ю. М.* Сацыяльнае развіццё беларускіх гарадоў у складзе ВКЛ / Ю. М. Бохан // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва. – Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 2008. – С. 198–212.
14. *Цітоў, А. К.* Вольныя беларускія месцы / А. К. Цітоў. – Мінск : БРФПДР, 1996. – 36 с.
15. *Келлер, О. Б.* Средневековое немецкое право на землях Центральной и Восточной Европы в XIII–XVIII вв. / О. Б. Келлер. – Минск : РИВШ, 2012. – 242 с.
16. *Келлер, О. Б.* Разновидности немецкого средневекового права на белорусских землях Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой / О. Б. Келлер // Працы гістарычнага факультэта БДУ. – Мінск, 2014. – Вып. 9. – С. 176–186.
17. *Келлер, О. Б.* Применение Магдебургского права на белорусских землях Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой / О. Б. Келлер // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: зб. навук. артыкулаў. – Мінск, 2015. – Вып. 10. – С. 118–129.
18. *Келлер, О. Б.* Трансферт средневекового немецкого права на земли к востоку от Германии / О. Б. Келлер. – Минск : РИВШ, 2017. – 392 с.
19. *Макараў, М. Д.* Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XVI – першай палове XVII ст. / М. Д. Макараў. – Мінск : Экаперспектыва, 2008. – 248 с.
20. *Стрэнкоўскі, С. П.* Прывілеі і вольнасці беларускіх гарадоў з нямецкім правам у канцы XIV – канцы XVIII ст. / С. П. Стрэнкоўскі. – Мінск : МГІРА, 2008. – 251 с.

21. *Мисаревич, Н. В.* Магдебургское право в истории белорусской государственности / Н. В. Мисаревич // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. – 2013. – № 3 (155). – С. 29–35.
22. *Падокшын, С. А.* Реформационная и общественная мысль Белоруссии и Литвы (вторая половина XVI – начало XVII в.) / С. А. Падокшын. – Минск : Наука и техника, 1970. – 224 с.
23. *Падокшын, С. А.* Роздум над Рэфармацыяй у Вялікім Княстве Літоўскім / С. А. Падокшын // Рэфармацыя і залаты век Беларусі: матэрыялы навук.-практ. канф., Мінск, 1 чэрв. 2002 г. / уклад. С. Акінчыц. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2002. – С. 23–27.
24. *Падокшын, С. А.* Рэфармацыйны рух: духоўна-філасофскія дасягненні і асэнсаванні / С. А. Падокшын // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. Т. 3: Рэфармацыя. Контррэфармацыя. Барока / аўт. тома: В. Б. Евароўскі [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2013. – С. 96–197.
25. *Іванова, Л. С.* Еўрапейскае аблічча і рэгіянальныя асаблівасці рэфармацыі на Беларусі (другая палова XVI – сярэдзіна XVII ст.) / Л. С. Іванова. – Мінск : ЗАО «Пропилеи», 1998. – 11 с.
26. *Іванова, Л. С.* Рэфармацыя / Л. С. Іванова // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2008. – С. 504–519.
27. *Грыцкевіч, А.* Рэфармацыя ў Еўропе ў XVI стагоддзі / А. Грыцкевіч // Рэфармацыя і залаты век Беларусі: матэрыялы навук.-практ. канф., Мінск, 1 чэрв. 2002 г. / уклад. С. Акінчыц; рэдкал.: А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2002. – С. 3–9.
28. *Акінчыц, С.* Рэфармацыя – аднаўленне першапачатковага вобразу / С. Акінчыц // Рэфармацыя і залаты век Беларусі: матэрыялы навук.-практ. канф., Мінск, 1 чэрв. 2002 г. / уклад. С. Акінчыц; рэдкал.: А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2002. – С. 15–22.
29. *Лыч, Л.* Залаты век Беларусі: Рэфармацыя і мова / Л. Лыч // Рэфармацыя і залаты век Беларусі: матэрыялы навук.-практ. канф., Мінск, 1 чэрвеня 2002 г. / уклад. С. Акінчыц; рэдкал.: А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2002. – С. 28–34.
30. *Доўнар, Т.* Рэфармацыйны рух на Беларусі і Статут 1566 года / Т. Доўнар // Рэфармацыя і залаты век Беларусі: матэрыялы навук.-практ. канф., Мінск, 1 чэрвеня 2002 г. / уклад. С. Акінчыц; рэдкал.: А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2002. – С. 48–58.
31. *Самусік, А.* Навукова-асветныя кантакты беларускіх зямель з краінамі Заходняй і Цэнтральнай Еўропы ў XVIII ст. / А. Самусік // Журнал міжнароднага права і міжнародных адносін. – 2007. – № 1 (40). – С. 39–41.

Поступила в редакцию 14.03.2019

САЦЫЯЛЬНЫЯ АСПЕКТЫ ГІСТОРЫІ ПРАЦОЎНАЙ ПАЎСЯДЗЁННАСЦІ
АКУПАВАНАГА МІНСКА Ў АДЛЮСТРАВАННІ ДАКУМЕНТАЎ
КАЛЕКЦЫІ ГЕНЕРАЛЬНАГА КАМІСАРЫЯТА «БЕЛАРУСЬ»

В статье освещаются источниковедческие аспекты социальной истории военной повседневности гражданского населения в оккупированном Минске. Раскрываются масштабы привлечения трудоспособных минчан разного возраста и уровня профессиональной подготовки к выполнению работ на хозяйственных, гражданских и военных объектах. На основе новых данных открывается одна из малоизвестных страниц трудовой повседневности городского населения, нанятого на работы разными отделами Генерального комиссариата «Беларусь», а также другими оккупационными гражданскими и военными службами. Показывается важность продолжения научного исследования проблемы в современной белорусской историографии на основе использования метода критического анализа малоизученных трофейных немецких документов с целью объективной реконструкции событий социальной истории трудовой повседневности как в Минске и других оккупированных городах, так и на всей территории Беларуси в 1941–1944 гг.

Аб'ектам даследавання з'яўляецца крыніцазнаўчы патэнцыял арыгінальных матэрыялаў трафейнай Калекцыі дакументаў Генеральнага камісарыята «Беларусь» [1]. У якасці прадмета крыніцазнаўчага аналізу вызначана выяўленне максімальна поўных гістарычных звестак з нямецкамоўных крыніц, датычных аднаго з важных аспектаў гісторыі ваеннай паўсядзённасці ў Мінску – асобнай карціны вытворчай кааперацыі гарадскога грамадзянскага насельніцтва з акупацыйнымі органамі ў сферы працоўных адносін.

Нагадаем чытачу, што з восені 1941 г. і да вясны 1944 г. амаль чацвёртая частка тэрыторыі перадаваеннай Беларускай ССР з насельніцтвам у 3 138 256 чалавек (звесткі па стане на пачатак снежня 1941 г.) утварала Генеральную акругу Беларусь, уключаную ў склад рэйхскамісарыята «Остланд» [2, с. 171]. Паводле нямецкіх звестак на гэтай тэрыторыі пражывала толькі чвэрць насельніцтва, такая ж яго колькасць знаходзілася на тэрыторыі рэйхскамісарыята «Украіна», яшчэ палова насельніцтва – на тэрыторыі тылавога раёна групы армій «Цэнтр» [3, с. 106]. Адзначым, што адначасова тэрытарыяльна і адміністрацыйна Мінск-горад і Мінск-вобласць разам з іншымі 9 акругамі – Баранавічы, Барысаў, Вілейка, Ганцавічы, Глыбокае, Ліда, Навагрудак, Слонім, Слуцк – знаходзіліся ў падпарадкаванні Генеральнага камісарыята «Беларусь» на чале з В. Кубэ [4, S. 90].

У Мінску з першых дзён акупацыі былі сканцэнтраваны не толькі важнейшыя ваенныя, паліцэйскія, адміністрацыйныя, але і гаспадарчыя акупацыйныя органы кіравання. Аб дзейнасці апошніх на тэрыторыі акругі сведчыць амаль трэць матэрыялаў згаданага фонду. Некаторыя беларускія і нямецкія гісторыкі звярталіся да гэтых матэрыялаў, але часцей за ўсё да «Пракола нарады гебітскамісараў» у Мінску 8–10 красавіка 1943 г. [5]. На падставе звестак гэтага дакумента паспрабуем аднавіць карціну падзей

з гісторыі працоўнай паўсядзённасці, у фокус якой вылучым адну з практык выжывання людзей у катастрофічных умовах акупацыі горада – працоўную кааперацыю мясцовага насельніцтва.

Заўважым, што ў апошні час у беларускай гістарыяграфіі двойчы рабіліся спробы аналізу гістарычных матэрыялаў гэтай справы не толькі з мэтай раскрыцця інфармацыйнага патэнцыялу дакумента [3], але і выяўлення яго археаграфічнага значэння [6]. Увядзенне ж яго ў шырокі ўжытак стварае спрыяльныя ўмовы для атрымання адказаў на некаторыя пытанні маладаследаванай сацыяльнай гісторыі, у тым ліку аб пошуку стратэгий выжывання беларускіх грамадзян у экстрэмальных сацыяльна-эканамічных умовах акупацыі. У гэтай сувязі навуковы аналіз фактаў, якія знайшлі замацаванне ў «Пратаколе», садзейнічае як высвятленню стратэгий выжывання грамадзянскага насельніцтва, так і раскрыццю маштабаў выкарыстання наяўнай працоўнай сілы (кваліфікаваных работнікаў (спецыялістаў), рабочых (рознарабочых) і служачых) у нямецкіх цывільных службах, а таксама на розных ваенных, вытворчых аб'ектах і прадпрыемствах Мінска.

Прыведзены дакумент стварае прыдатную глебу для фарміравання гістарычнага наратыву, на аснове якога можна, з аднаго боку, працягнуць дакументальнае ўдакладненне маштабаў выкарыстання мясцовай рабочай сілы. У гады акупацыі для Мінска вызначальнай адметнасцю з'яўлялася канцэнтрацыя ў горадзе 150 буйных прамысловых прадпрыемстваў, у тым ліку: 20 металургічных, 14 – тэкстыльнай і скураной прамысловасці, 15 прадпрыемстваў папярова-цэлюлозных і паліграфічных, 21 – транспартнае, 3 электрастанцыі, 41 будаўнічае прадпрыемства, 6 дрэваапрацоўчых, 13 прадпрыемстваў харчовай прамысловасці, 7 – хімічнай прамысловасці і вытворчасці будматэрыялаў, а таксама 180 ваенных і цывільных устаноў. З другога боку, важнай адметнасцю можна лічыць тое, што з 105 тыс. жыхароў Мінска большая палова – каля 56 тыс. – стаяла на картачным уліку. Адпаведна выдадзеным пасведчанням працавала толькі трэць – 35 тыс. чалавек, да таго ж яшчэ 8 500 яўрэяў і 3 190 ваеннапалонных. Розніцу паміж узятай на ўлік працоўнай сілай і працуючымі складалі непрацаздольныя, дзеці, тыя, хто чакаў доўгатэрміновай работы, а таксама працы ў гаспадарчых службах вермахта. Апошнія былі выяўлены ў асобных вайсковых часцях вермахта, але без адпаведнай рэгістрацыі на біржы працы. У пачатку 1943 г. востра паўстала пытанне аб незабяспечанасці 6 000 працоўных месцаў кваліфікаванымі рабочымі і прыкладна палову гэтай лічбы – некваліфікаванымі [3, с. 154].

Фатальны недахоп рабочай сілы на той час стаў характэрнай прыкметай фактычна для ўсіх сфер гарадской гаспадаркі. Недахоп кваліфікаваных спецыялістаў з'яўляўся відавочным фактам для цывільнага кіраўніцтва горада [3, с. 143]. З дакументаў вынікае, што ў канцы 1942 г. недахоп рабочай сілы ў Мінску толькі на прамысловых прадпрыемствах складаў амаль 24 тыс. чалавек, з якіх 4 568 – у будаўнічай галіне, 4 365 – на прадпрыемствах ваеннага прызначэння, 3 323 – на аб'ектах сельскай гаспадаркі і ў лясной пра-

мысловасці, 2 882 – на прадпрыемствах па нарыхтоўцы торфу, 2 297 – у транспартнай службе, 2 033 – у ваенна-будаўнічай арганізацыі «Тодт», 677 – на прадпрыемствах металаапрацоўкі, 180 – дрэваапрацоўкі, 95 – у хімічнай прамысловасці і 3 128 чалавек – на іншых прадпрыемствах і вытворчасцях [7, Вл. 4].

Паводле ацэнкі нямецкага даследчыка К. Герлаха, доля працуючых у адносінах да агульнай колькасці насельніцтва ў асобных гарадах акупаванай тэрыторыі Беларусі была *не самай высокай* (выдзелена мной. – С. Н.) і складала: у Барысаве – 33 %, Оршы – 45 %, Суражы і Гарадку – адпаведна 38 % і 47,5 % [8, S. 456]. У тылавым раёне групы армій «Цэнтр», дзе дзейнічала эканамічная інспекцыя «Цэнтр», агульная занятасць складала 41 %, пры гэтым суадносіны колькасці мужчын і жанчын складалі 2 да 3 [8, Вл. 359]. У той жа час у Мінску гэта доля непасрэдна занятых на працы на розных гаспадарчых, адміністрацыйных і прамысловых аб'ектах горада складала амаль 44,5 %, тады як доля працаздольных, тых, хто знаходзіўся на ўліку ў акупаваным горадзе, у пачатку 1943 г. дасягнула самага высокага паказчыка 53,3 % (падлікі аўтара. – С.Н.).

Заўважым, што прыведзеныя колькасныя паказчыкі раскрываюць чытачу толькі адзін сюжэт з рэальнай карціны выкарыстання мясцовага грамадзянскага насельніцтва ў якасці працоўнай сілы, тады як сацыяльныя сюжэты гісторыі працоўнай паўсядзённасці пакуль што застаюцца зусім не даследаванымі. Як нам бачыцца, адным з самых важных сюжэтаў павінен з'яўляцца сацыяльны аналіз, г.зн. якасны паказ складу занятых, пераліку пасад і прафесій працуючых, узроставых і палавых звестак, памераў заробку і г.д. Інакш кажучы, на цяперашні час неабходна паспрабаваць скласці агульны сацыяльны партрэт працоўных рэсурсаў горада, задзейнічаных у якасці працоўнай сілы ў акупаваным Мінску.

З выяўленых аўтарам гэтых радкоў даных паспрабуем зрабіць пакуль што частковую замалёўку карціны працоўнай паўсядзённасці ў Мінску, зробленую на падставе аналізу выбаркі асабістых звестак тых, хто не толькі працаваў па найме, выконваў службовыя абавязкі, але і атрымліваў заробак у акупацыйнай нямецкай установе. Возьмем толькі палову ад усяго ўліковага складу, хто па стану на 1 студзеня 1943 г. быў задзейнічаны на розных пасадах непасрэдна ў вышэйшым органе цывільнай улады ў Мінску – Генеральным камісарыяце «Беларусь» [10, Вл. 12–29].

Першы элемент замалёўкі гісторыі працоўнай паўсядзённасці для гэтай катэгорыі занятых складае пералік аб'ектаў, на якіх былі заняты і працавалі ў акупаваным горадзе: гэта аддзелы і службы Генеральнага і акруговага камісарыятаў, у тым ліку – агульны і фінансавы аддзелы, аддзел палітыкі і эканомікі, акруговы суд, каманда па ўзбраенні, ветэрынарная служба, насенная станцыя, гаспадарка па даследаванні садавіны і гародніны, іншыя даследчыя станцыі, бібліятэка, шматлікія шпіталі, атэлі, гарадскія службы, сталोўкі, у тым ліку для яўрэяў, транспартныя службы, казіно, гарадская турма і інш.

Другім элементар з'яўляецца падзел складу працуючых па *полу* і *ўзросце*. З праведзенай выбаркі даных вынікае, што суадносіны па *полу* занятых складалі 1 жанчына да 3 мужчын. У нашым выпадку размова ідзе пра ўзрост працуючых, якіх можна згрупаваць па наступным крытэрыі: I групу складаюць народжаныя ўключна да 1900 г., якіх было 24,2 %, у тым ліку: з 1861 па 1870 г. – 0,2 %, з 1871 па 1880 г. – 3,6 %, з 1881 па 1890 г. – 5,6 %, з 1891 па 1900 г. – 14,7 %; II групу складалі народжаныя пасля 1901 года, у тым ліку: з 1901 па 1910 г. – 25,3 %, з 1911 па 1920 г. – 31,1 %, з 1921 па 1928 г. – 19,27 %. Такім чынам, з прыведзеных звестак вынікае, што самую вялікую колькасць занятых на працы складала група моладзі, узрост якой вагаўся ад 12 да 30 гадоў. Самым сталым па ўзросце быў 77-гадовы статист, які працаваў у акруговым судзе. Ва ўзросце 15 гадоў працавалі прыбіральшчыцы, вучні краўца і сталяра, а таксама каваль, аграном, палявы работнік і інш. [10, Вл. 12–29].

У пераліку працоўных пасадак, службовых абавязкі якіх у Генеральным камісарыяце выконвалі жыхары акупаванага Мінска, у дакуменце зафіксаваны наступныя: паліцэйскі, бібліятэкар, прыбіральшчыца, інжынер, сакратар, статист, рабочы, аграном, машыністка, парцье, апальшчык, вахцёр, рэвізор, кур'ер, суддзя, лабарант, кухонны рабочы, повар (старшы повар), перакладчык, афіцыянт, гандляр, пастух, тэхнік, кравец, шафёр, прапагандыст, доктар, сталяр, электрамеханік, аўтаслесар, вядучы служачы, палявы работнік, геалаг, лектар, золаг, чарцёжнік, навуковы супрацоўнік, супрацоўнік бюро, загадчык, інспектар, адміністратар, заатэхнік, настаўнік, слесар, рэферэнт, ветэрынар, пакаёўка, будаўнічы тэхнік, архівіст, рабочы, мастак, хімік, радыёмеханік, каваль, рамізнiк і інш. На жаль, прыведзеная выбарка не дазваляе зрабіць поўны аналіз прафесійнай занятасці. Тым не менш з выбаркі вынікае, што ў пераліку працоўных пасадак вылучаліся дзве самыя вялікія групы; адну з іх складалі прыбіральшчыцы (15,3 %), працаваўшыя ў нямецкіх шпіталях, розных службах цывільнай адміністрацыі, і тыя (19,9 %), ці амаль кожны пяты, хто служыў у Мінскай турме, а таксама ў турме ў Бараўлянах у якасці паліцыянтаў [10, Вл. 12–29].

Самым цікавым аспектам у карціне працоўнай паўсядзённасці Мінска, як нам бачыцца, можа з'яўляцца каштарыс памераў месячнага заробку тых, хто працаваў на розных пасадах і атрымліваў матэрыяльнае заахвочванне ў выглядзе грашовага ўзнагароджання ў нямецкіх марках (DM). Сумы заробку пададзены без адліку падаткаў. Адразу ж адзначым, што асноўная маса працуючых атрымлівала заробак памерам да 100 нямецкіх марак, у тым ліку: ад 13 да 20 DM – 7,2 %, ад 21 да 30 DM – 14,9 %, ад 31 да 40 DM – 10,96 %, ад 41 да 50 DM – 10,06 %, ад 51 да 60 DM – 7,5 %, ад 61 да 70 DM – 2,19 %, ад 71 да 80 DM – 2,6 %, ад 81 да 90 DM – 4,3 % і ад 91 да 100 DM – 11,6 %. Звыш 100 DM атрымлівала меншая трэць занятых, у тым ліку: ад 111 да 120 DM – 1,9 %, ад 121 да 130 DM – 21,7 %, ад 131 да 140 DM – 0,4 %, ад 141 да 150 DM – 1,3 %, ад 161 да 170 DM – 0,65 %, ад 171 да 180 – 1,3 %, ад 191 да 200 DM – 0,4 % і ад 241 да 250 DM – 0,21 %. У абсалютных лічбах размова

ў апошніх двух выпадках ідзе пра служачага акруговага суда і галоўнага інспектара, тады як мясцовыя паліцэйскія ў мінскай турме штомесячна атрымлівалі 130 DM [10, ВІ. 12–29].

У пераліку адметнасцей, якія характарызавалі становішча занятага ў горадзе грамадзянскага насельніцтва, варта згадаць таксама факт пашыранага выкарыстання на розных работах жанчын, якія выходзілі на працу на няпоўны працоўны дзень. З прыведзенай вышэй выбаркі гэтая рыса не вынікае, але пры канчатковым аналізе такая тэндэнцыя назіраецца больш выразна. Па назіраннях галоўнага інспектара біржы працы ў Мінску Мооса, на нямецкіх прадпрыемствах і ў службах Генеральнага і акруговага камісарыятаў мела месца імкненне да вызвалення ад працы мясцовых жанчын, асабліва матуль з малалетнімі дзецьмі і немаўлятамі. У асобных выпадках такім жанчынам прадстаўляўся нават дародавы адпачынак [3, с. 155].

На кожным нямецкім прадпрыемстве дзейнічалі пэўныя дагаворныя нормы па найму на працу мясцовага насельніцтва. Асновай для пачатку працоўных адносін з'яўляліся дагаворы. Як паказвала практыка, на амаль трэці прадпрыемстваў мела месца даволі частае скасаванне дагаворных адносін, тады як на асобных гарадскіх вытворчых аб'ектах гэта было даволі рэдкаім выключэннем. Гэта сведчыла аб адказным стаўленні рабочых да службовых абавязкаў, а таксама аб якасным і своєчасовым выкананні заданняў цягам працоўнага тыдня не менш за 54 гадзіны. Ва ўмовах, калі ў горадзе не хапала працоўнай сілы, парушэнне дагавора мясцовым насельніцтвам часам заканчвалася пакараннем, нават турэмным зняволеннем. Пры гэтым, праз два тыдні, якія зняволены праводзіў у турме, кіраўнік прадпрыемства зноў атрымліваў у сваё распараджэнне гэтага рабочага. Аднак, у тым выпадку, калі зняволенне адбывалася на тэрыторыі працоўнага лагера СС, разлічанага на 200–300 чалавек, рабочы больш не вяртаўся на сваё ранейшае працоўнае месца [3, с. 154–155].

Такім чынам, праведзеная выбарка звестак з'яўляецца пэўнай асновай для раскрыцця элементаў агульнай сацыяльнай панарамы жыцця насельніцтва ў акупаваным Мінску на прыкладзе аналізу наяўных звестак тых, хто на розных пасадах стала працаваў у Генеральным камісарыяце «Беларусь». Але і ў новых дакументах мы пакуль не знаходзім адказы на іншыя важныя пытанні, у тым ліку аб матывах, умовах, абставінах працы і інш., а галоўнае – аб прычынах працоўнай кааперацыі з акупантамі. У той жа час з прыведзеных, хоць і няпоўных, звестак можна казаць пра выяўленне вельмі важных фактаў для стварэння агульнай карціны працоўнай паўсядзённасці мясцовага грамадзянскага насельніцтва ў акупаваным Мінску. Але на парадку дня застаецца задача аб стварэнні поўнай карціны гэтай гістарычнай з'явы, з акцэнтам на сацыяльных аспектах прыцягнення працоўнай сілы як у Мінску, так і на тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. Гэта асабліва важна, калі ўлічыць рэальныя маштабы мясцовай рабочай сілы, занятай у акупаванай гаспадарцы. Напрыклад, толькі ў пачатку 1943 г. аддзелам выкарыстання працоўнай сілы Генеральнага камісарыята «Беларусь» было ахоплена

650 тыс. чалавек, 470 тыс., ці 72 % з іх, былі заняты ў сельскай гаспадарцы [3, с. 113]. Датчына тэрыторыі акупаванай Беларусі гэта лічба перавышала 1,5 млн чалавек [11, с. 21].

Як бачна, сацыяльны партрэт мясцовых работнікаў, створаны на прыкладзе толькі адной катэгорыі мясцовага насельніцтва, занятага на працы ў германскай установе акупаванага Мінска, з'яўляецца пэўным люстэркам таго факта, што падобная карціна выкарыстання мясцовай працоўнай сілы пакуль не стала прадметам спецыяльнага даследавання беларускай гістарыяграфіі. Выяўленыя мазаічныя звесткі пра мясцовую працоўную сілу, занятую на розных пасадах у Генеральным камісарыяце «Беларусь», складаюць вельмі важны гістарычны фрагмент, без якога германская акупацыя па цяперашні час застаецца як бы абязлічанай, у ёй фігуруюць толькі лічбы, але фактычна няма імёнаў, няма людзей. Што сёння не скажаш пра беларускіх оstarбайтараў, шматлікія ўспаміны якіх хоць часткова дазваляюць зусім інакш убачыць праблему прымусовага выкарыстання беларускага грамадзянскага насельніцтва на працы ў рэйху.

Інакш кажучы – у беларускай панараме працоўнай паўсядзённасці пакуль не стае поўнаўартаснага галоўнага суб'екта гісторыі, які пераўтварыўся ў галоўны аб'ект дзейнасці германскіх гаспадарчых службаў, што забяспечвалі мясцовую працоўную сілу розныя акупацыйныя установы, інстытуты і службы. Між тым, выяўленыя факты маюць толькі першы погляд на праблему выкарыстання мясцовай працоўнай сілы, без чаго надалей будзе практычна немагчыма рэканструяваць агульную карціну гісторыі працоўных рэсурсаў у акупаванай Беларусі. Вядучай лініяй пры гэтым мы разглядаем факт кааперацыі з акупацыйнай германскай уладай у сферы працы. Гэта азначае, што для ўсебаковага разгляду гэтай праблемы неабходна правядзенне падобных даследаванняў з мэтай напісання агульнай карціны тых падзей на аснове асабовых звестак, канкрэтных імёнаў і дакладных фактаў.

Выкарыстанне новых дакументаў дазваляе не толькі значна пашырыць дакументальную базу для вывучэння асобных старонак гісторыі, але і ўнесці важныя ўдакладненні ў сучасную беларускую гістарыяграфію з мэтай максімальна поўнай рэканструкцыі падзей сацыяльнай гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай войны. Выявіць новыя гістарычныя факты для ўсебаковага даследавання праблем працоўнай паўсядзённасці грамадзянскага насельніцтва магчыма на аснове больш крытычнага выкарыстання вядомых дакументальных крыніц і фарміравання новага інфармацыйнага кантэнту шляхам увядзення малавядомых нямецкамоўных матэрыялаў, без чаго на цяперашні час немагчыма правядзенне аб'ектывнага навуковага даследавання.

Аналіз эмпірычных фактаў, выяўленых у матэрыялах калекцыі дакументаў Генеральнага камісарыята «Беларусь», сведчыць аб невычэрпнасці крыніцзнаўчага патэнцыялу, які захоўваюць арыгінальныя нямецкія дакументы, пакуль не ў дастатковай меры выкарыстаныя даследчыкамі для ўсебаковага вывучэння сацыяльнай гісторыі працоўнай паўсядзённасці грамадзянскага насельніцтва як ў акупаваным Мінску, так і ў іншых гарадах Беларусі ў 1941–1944 гг.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 370. – Воп. 1. – Спр. 1395.
2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. Т. 1. / гл. редкол. : А. Т. Кузьмин [и др.]. – Минск: Беларусь, 1983. – 591 с.
3. Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8–10 апреля 1943 г.) / авт.-сост. С. В. Жумарь, С. Е. Новиков, Р. А. Черноглазова; пер. с нем. Г. Г. Белькевич [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2006. – 220 с.
4. *Dien, M.* Ghetto im Generalkommissariat Weißruthenien / M. Dien // Reichskommissariat Ostland. Tatort und Erinnerungsobjekt / hrsg. durch Sebastian Lehmann gemeinsam mit Robert Bohn und Uwe Danker. – Paderborn; München; Wien; Zürich : Ferdinand Schöningh, 2012. – S. 89–100.
5. НАРБ. – Ф. 370. – Воп. 1. – Спр. 1395. – Bl. 1–162: Protokoll über die Tagung der Gebietskommissare, Hauptabteilungsleiter und Abteilungsleiter des Generalkommissars in Minsk vom 8. April bis 10. April 1943.
6. *Жумарь, С. У.* Стэнаграма нарады вышэйшага кіраўніцтва Генеральнай акругі Беларусь. Мінск, 8–10 красавіка 1943 г. [прадмова, каментарыі, навуковае рэдагаванне і археаграфічная падрыхтоўка тэксту дакумента] / С. У. Жумар // *Arche*. – 2010. – № 7–8. – С. 270–485.
7. Латвійскі дзяржаўны гістарычны архіў (далее – LVVA). – P-70. Ap. 5. Nr.13: Der Reichskommissar für das Ostland: Arbeitseinsatz: Vermerk für Herrn Gauleiter Lohse, Anlage I: Kräftebedarf im Ostland, v. 1.11.1943.
8. *Gerlach, Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941–1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg: Hamburger Edition, 2000. – 1232 S.
9. Архіў Інстытута найноўшай гісторыі ў Мюнхене (далее – A IfZ). ED 2/I, Bd. 2: Kriegswirtschaft im Operationsgebiet des Ostens in den Jahren 1941–1943.
10. НАРБ. – Ф. 370. – Воп. 1. – Спр. 1628: Die Aufstellung für die beim Generalkommissar im Minsk beschäftigten einheimischen Arbeitskräfte vom 1.01.1943. – Bl. 12–29.
11. *Літвін, А. М.* Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1945 гг. / А. М. Літвін, Я. А. Грэбень, С. Я. Новікаў; агул. рэд. А. М. Літвіна. – Мінск: Тэсей, 2010. – 584 с.

Поступила в редакцию 19.05.2019

О. М. Рощинская, М. Н. Трушко

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье определяются стратегические задачи в сфере обучения и воспитания учащейся молодежи. Анализируются возможности учебных учреждений в деле формирования и совершенствования личности на всех этапах образовательного процесса, под-

черкивается необходимость более активного использования положительного опыта развития личности, накопленного как отечественными, так и зарубежными учреждениями образования.

Сегодня совершенно очевидным является тот факт, что прогрессивное развитие любого государства напрямую связано с состоянием системы образования, ее целями и моделями. Не может быть процветающей страна без эффективной системы образования, работа всех звеньев которой должна быть нацелена на развитие и совершенствование личности учащихся. Обучение и воспитание молодого поколения – важная задача государства. От целей, стоящих перед всеми ступенями образования, избранных векторов развития, содержания смысловых модулей в большей степени зависит то, каким вступит в завтрашний день молодое поколение, каковы будут его ориентиры и идеалы, базовые ценности. Стратегической целью образования должно быть, прежде всего, формирование в личности высоких человеческих качеств, нравственности, ответственности, человеколюбия. А основной путь ее достижения – это приобщение обучающихся к выработанным человечеством высшим идеалам и духовным ценностям. Подобный подход позволяет молодежи, опираясь на опыт, накопленный предшествующими поколениями, пойти дальше и сказать свое новое слово в науке, искусстве, производстве и других сферах деятельности.

Сегодня систему образования в Республике Беларусь (это касается всех ее уровней) захлестнула волна новшеств, которые постоянно навязываются чиновниками-«реформаторами». Ее пытаются бездумно ориентировать на западные образцы, слепо копируя их и отказываясь при этом от нелегко добытого опыта педагогической науки советского периода. Более того, в последние годы отчетливо проявляется тенденция придать образованию прикладной характер, свести всю работу к чисто профессиональной подготовке, игнорируя при этом проблемы общекультурного развития молодого поколения. Результат подобного подхода – снижение уровня подготовки выпускников школ, колледжей, университетов. Очевидным становится смещение нравственных ориентиров и духовных ценностей у значительной части молодежи. У многих ее представителей потеряно ощущение принадлежности к стране, обществу и, как следствие, приступая к трудовой деятельности, они чувствуют себя исполнителями, временщиками, наблюдателями, стоящими на обочине. Не отсюда ли у многих молодых специалистов низкие показатели, равнодушие при выполнении своих непосредственных обязанностей в сфере профессиональной деятельности. Главное для них – заработать побольше денег, а качество выполняемой работы, ответственность – дело второе. Обидным является и тот факт, что наиболее подготовленные молодые люди стремятся уехать из страны, считая, что за рубежом труд человека с прочными знаниями и творческими способностями не только оплачивается, но и котируется неизмеримо выше, чем на родине. Понимая это и часто не видя перспектив в своем будущем профессиональном утверждении, они решаются на столь не простой в психологическом и моральном отношении шаг.

Все это свидетельствует о серьезных проблемах в современной системе образования. Утвердившиеся в ней приоритеты ведут не только к отставанию от лучших мировых моделей образования, потере конкурентоспособности на международном рынке образовательных услуг, но и к постепенной деградации части представителей молодого поколения.

Да, в Советском Союзе стратегические задачи воспитания и образования молодежи были чрезмерно идеологизированы. И поэтому поливать прошлое грязью стало хорошим тоном, а попытки проанализировать все то ценное, что было в советской системе образования, взять лучшее на вооружение, расцениваются как признак застойности и отсталости. В то же время в навязанных школе реформах преобладают формализм, примитивные шаблоны, начетничество, отсутствует видение перспектив. Среди имеющихся недостатков прежде всего следует выделить размытость и нечеткость стратегических целей и невразумительную их конкретизацию применительно к каждому этапу образования. Сегодня недооценивается, а часто попросту игнорируется то, что развитие молодого поколения занимает длительный период и осуществляется на всех ступенях образовательной системы: детский сад – начальная школа – средние классы – старшие классы – профессиональная подготовка (колледжи, университеты). Все эти уровни образования должны быть подчинены единой цели, согласованы и в их работе необходимы взаимосвязь и преемственность.

В качестве основных задач для всех ступеней образования в области развития и совершенствования личности обучаемых можно выделить:

1. Подготовку молодого человека к будущей жизни и профессиональной деятельности с учетом максимального раскрытия заложенных в нем от природы потенциальных способностей.

2. Воспитание гражданина и патриота своей страны. Эта проблема приобретает особую остроту в связи с развитием процессов глобализации.

3. Формирование культурной и нравственной среды, способствующей повышению уровня интеллигентности и обеспечивающей выработку чувства нравственной ответственности человека. Решение этой задачи – дело не менее важное, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда нужна для его духовной, нравственной жизни.

Именно такой подход к стратегическим задачам воспитания подрастающего поколения позволяет вырастить человека, способного принести пользу обществу, который может совершать прорывы, позитивно отражающиеся на будущем страны. В каждом звене образовательной системы эти задачи должны конкретизироваться с учетом психолого-возрастных особенностей учащихся.

Детский сад – это период познания окружающего мира и самого себя, приобретения основных жизненных навыков. В это время маленькому человеку предстоит научиться обслуживать себя (одеваться, снимать и надевать носочки, обувь, варежки, пользоваться стаканом, ложкой, вилкой,

наливать жидкость в стакан). Важной задачей является развитие моторики рук. Ребенка учат строить домики из кубиков, собирать конструктор, одевать кукол, перелистывать страницы книги, резать бумагу, лепить, рисовать, танцевать, декламировать, выполнять физические упражнения и т.п. Освоение этих навыков чрезвычайно важно для развития речи и мышления маленького человека. Дети в этом возрасте учатся общаться со сверстниками и старшими, закладывая тем самым основу модели поведения, манер на всю оставшуюся жизнь. Важно помнить, что ребенок в этом возрасте развивается индивидуально, воспитателю же надо просто ему помочь. Но это очень трудная задача, предполагающая высокий уровень профессиональной подготовки самих педагогов. Неслучайно в такой развитой стране, как Норвегия, именно работа педагогов дошкольного и начального образования оценивается по самому высокому разряду.

Очень важен этап *начальной школы*, задача которой – раскрепостить ребенка, снять возможные страхи, неуверенность, максимально развить эмоционально-чувственную сферу, познакомить с различными сторонами действительности, с которыми ему придется столкнуться в своей жизни. Через апробирование всевозможных аспектов человеческой деятельности с использованием игровых технологий можно добиться многого. Избавиться, например, от отдельных природных недостатков, несовершенств, комплексов, найти компенсирующие возможности, дать почувствовать, что каждый может в чем-то быть полезным и уникальным. И еще одна очень важная задача должна решаться на этом этапе – формирование у ребенка веры в себя.

К сожалению, сегодня забыты замечательные идеи Единой трудовой школы, выработанные в первые годы советской власти известными педагогами России П. П. Блонским, С. Т. Шацким, М. М. Рубинштейном, А. Г. Калашниковым, А. А. Фортунатовым. Главным, с их точки зрения, было помочь каждому школьнику *найти самого себя*. Только при реализации этой цели может, по их мнению, вырасти счастливый, полезный государству человек, способный дарить радость себе и другим. Эта система поисков самого себя предполагала «купание» ребенка в самых различных видах деятельности, прежде всего эстетической направленности. Ребенка поступательно приобщали к занятиям музыкой, танцами, рисованием, лепкой, конструированием и т.п. Ненавязчиво, независимо от природных данных конкретного ученика, ему предоставлялась возможность попробовать свои силы в этих видах деятельности, что позволяло в конечном итоге выявить, где он проявляет себя ярче, в каком направлении целесообразнее развивать его индивидуальность, и что приносит ему большее удовлетворение, что доставляет радость, развивает фантазию, стимулирует стремление к творческой деятельности. В модули, направленные на поиски творческой индивидуальности, были органично вмонтированы блоки, связанные с нравственным воспитанием обучающихся.

Средние классы. На этом этапе образования подросток должен без насилия и пренебрежения к его индивидуальным особенностям со стороны

учителей, в меру возможностей освоить комплекс общеобразовательных дисциплин, знание которых пригодится ему в жизни независимо от характера его будущей профессиональной деятельности. Сегодняшняя же школа игнорирует такой подход, в ней преобладает механическая оценка результатов труда школьников без учета их индивидуальных способностей. Плохо пишет, плохо решает, плохо говорит – и ребенок в результате неграмотного, непрофессионального отношения педагога получает глубокие комплексы на всю оставшуюся жизнь. А ведь этот пишущий «как курица», не имеющий голоса, не умеющий решить простой задачи школьник может обладать другими замечательными талантами – иметь блестящие актерские способности, руки Левши, силу Геракла, неспешный, глубокий пытливый ум и любознательность А. Эйнштейна.

История доказывает, что неудачи при обучении в школе далеко не всегда говорят о том, что ребенок бездарен. Вполне возможно, что он по какой-то причине не мотивирован на учебу, имеет сложности с концентрацией внимания или расплачивается плохими отметками за неудовлетворительное поведение. Нельзя исключать и вероятность того, что в отстающем ученике дремлет непризнанный гений, которому нестерпимо тесно в рамках школьной программы. Известно, что именно среди детей, имеющих посредственные успехи в учебе, процент нестандартно мыслящих, креативных личностей выше, чем среди круглых отличников. Чтобы не быть голословными, вспомним по-настоящему выдающихся людей, способности которых были оценены по достоинству намного позже, чем в школьные годы [1]. Проблемы с обучением в школе были у Альберта Эйнштейна, который терпеть не мог механического зазубривания и авторитарности преподавателей, у Генри Форда, ненавидевшего физический труд и с детства мечтавшего его механизировать, у английской писательницы Агаты Кристи, которую впоследствии назовут «королевой детектива». И нельзя в этой связи не упомянуть А. С. Пушкина, который в лицее по математике получал 0. Но, благодаря педагогической мудрости его наставников, когда проявился его поэтический дар, то об этом сразу стало известно в широких литературных кругах. И отстающий по многим предметам юный Пушкин не потерял веру в себя, а с помощью замечательных учителей развивал свой талант и стал выдающимся поэтом России.

Яркие индивидуальные качества и способности могут проявиться спонтанно, обнаруживая неординарную, ни на кого не похожую, незаурядную личность. Именно поэтому в средних классах надо помочь школьнику поверить, что талант есть у каждого, и сформировать у него убеждение, что для того, чтобы он проявился, важно научиться что-то делать в совершенстве, лучше других. Тогда ты сам и труд твой будут оцениваться достойно. И неважно, чем ты будешь заниматься: научными изысканиями, созданием произведений искусства или шитьем одежды, приготовлением пищи. Главное, чтобы это приносило пользу и удовлетворение тебе самому и другим.

К старшим классам молодой человек должен понять, зачем он здесь на земле, каково его предназначение. Это важная и непростая задача как для школьника, так и для учителя. На этом этапе старшеклассникам необходимо с помощью педагогов осознать свои потенциальные способности, предрасположенности и таланты и учитывать их при определении дальнейшего жизненного пути, в том числе и при выборе учебного учреждения, в которое они планируют поступать после окончания школы. При отсутствии подобной стратегии мы наблюдаем абсолютную чехарду при выборе будущей специальности. Мотивы при этом бывают самые разные: престижно, легче поступить, хорошие деньги в будущем, меньше надо платить за образование и др. Не от того ли в системе высшего образования возникают страшные перекосы и диспропорции при подготовке по отдельным специальностям, приводящие впоследствии к избытку специалистов по одним профессиям и к острой нехватке по другим? И, как следствие, огромное количество разочарованных выпускников не находят применения своим знаниям и умениям, полученным в университете. При решении подобного рода проблем можно было бы использовать опыт Норвегии – страны с одним из самых высоких уровней жизни; 99 % выпускников норвежских школ продолжают обучение в так называемых Видерогоенде (далее идущих школах), где приобретают профессию. Без этой ступени образования поступить в высшее учебное учреждение в Норвегии совсем непросто. Далее, в зависимости от уровня подготовки, способностей, интереса, выпускники, уже имеющие профессию, могут или работать, или продолжать обучение.

Что же касается *университета*, то эта ступень образования предполагает наличие высокого уровня подготовки в школе, способности к глубокому усвоению фундаментальных знаний по избранной специальности, предрасположенность к научным исследованиям. Это позволяет в процессе учебы подключать студентов к серьезной научной деятельности, что дает им возможность взаимодействовать с состоявшимися учеными, перенимать у них опыт научной работы. Подобный подход отвечает важнейшему требованию этой элитарной ступени образования – диалогичности в освоении знаний и навыков. Постоянный диалог с опытными педагогами, совместные размышления и поиски истины в наибольшей мере способствуют формированию гибкого, творческого мышления, вырабатывают самостоятельность и смелость в принятии решений. Контингент университета – это будущая интеллектуальная элита, на которую ляжет основная тяжесть по совершенствованию всех сторон жизни страны. И отбор будущих студентов университета должен быть подобен отбору спортсменов в национальные сборные. Только цена отбора интеллектуальной элиты выше.

В самоопределении личности на всех этапах образовательного процесса огромную роль призван сыграть *педагог*. Именно поэтому государство должно пересмотреть свое отношение к труду самих преподавателей. Не может специалист (за исключением единиц-энтузиастов), перегруженный большим количеством работ и получающий за свой труд вознаграждение

ниже средней зарплаты по стране, показывать высокие результаты в педагогической и инновационной деятельности. Нельзя ожидать серьезных результатов от преподавателя, который не имеет свободного времени для того, чтобы заняться в должной мере методической и научной деятельностью. А ведь хорошо известно, «что для ускоренного развития страны наиболее эффективны инвестиции в “человеческий капитал”, в сферы образования и науки, где каждый вложенный доллар в близкой перспективе оборачивается выигрышем по меньшей мере в 10 раз» [2, с. 83]. И эти инвестиции напрямую связаны с деятельностью педагогического корпуса. Неслучайно древняя восточная мудрость гласит: «Счастлив тот ученик, которому повезло встретить учителя, показавшему ему путь, по которому надо идти». Это высокое предназначение закреплено за педагогическим корпусом и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. 5 выдающихся троечников [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://deti.mail.ru/teenager/velikie-troichni-vsem-li-vazhno-horosho-uchitsu>. – Дата доступа : 21.03. 2019.
2. Панфилова, Т. В. Перспективы высшего образования в России / Т. В. Панфилова, Г. К. Ашин // Общественные науки и современность. – 2006. – № 6.
3. Гончарова, О. Эссе «Образование: вчера, сегодня, завтра» / О. Гончарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pedsovet.su/essay/6688>. – Дата доступа : 23.03. 2019.

Поступила в редакцию 26.03.2019

Саад М. М.

АРАБСКИЕ СТРАНЫ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА И КИТАЙ В XXI ВЕКЕ: НОВАЯ ЭРА ОТНОШЕНИЙ И СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье поднимаются вопросы отношений между арабскими государствами Персидского залива и Китаем в XXI веке. Автор рассматривает процесс установления дипломатических отношений в то время, когда мир претерпевал геополитические преобразования, которые изменили политическую карту мира. Китай стал одним из основных игроков на международной арене. Анализируется политическое, дипломатическое, экономическое и культурное сотрудничество ССАГПЗ с Китаем за последние 20 лет.

С начала XXI в. наблюдается, что страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) стали более активными в китайско-арабских отношениях. Это связано с изменениями, происходящими в арабском мире, и тем фактом, что эти страны являются наиболее стабильными и экономически жизнеспособными в регионе.

Важная региональная роль стран ССАГПЗ в сочетании с растущей потребностью Китая в обеспечении безопасных поставок энергии и диверсификации своих товарных рынков с низкой покупательной способностью, традиционных рынков продуктов, с ужесточениями по разным причинам торговли на рынках США и Европы, а также многие другие факторы подтверждают мнение о том, что Китай расширяет «стратегические рамки» своих глобальных интересов, в том числе в регионе Персидского залива, на долю которого приходится около 40 % производства нефти из всех стран-экспортеров (ОПЕК) и около половины ее импорта энергии в Китай [1]. Однако отношения между Китаем и странами Персидского залива приобретают всеобъемлющий характер, становятся более глубокими и разнообразными, уходят за «рамки», в которых большая часть исследований характеризует эти связи.

В стремлении Китая установить дипломатические отношения с арабскими государствами Персидского залива не только экономика являлась важным мотивом. Цель состояла в том, чтобы максимизировать усилия и дипломатическую поддержку Китая на международной арене, особенно когда самое большое и влиятельное арабское государство в заливе – Саудовская Аравия – не имело полноценных дипломатических отношений с Китаем (были установлены в 1990 г.). Кувейт является первой страной Персидского залива, установившей дипломатические отношения с Китаем в 1971 г., затем Оман – в 1978, ОАЭ – в 1984, Катар – в 1988 и Бахрейн – в 1989 году [2].

Саудовская Аравия больше не рассматривает Китай как «коммунистическое» государство, и в то же время Китай больше не считает Саудовскую Аравию «абсолютным союзником запада». В период, когда назрели геополитические преобразования, которые изменили карту мира, что привело к исчезновению биполярной системы и появлению США как единственной сверхдержавы и единого полюса в мире, регион Персидского залива был важной ареной для «игр наций». На территории Персидского залива велась вторая война, распался Советский Союз, и Китай на международной арене стал одним из основных игроков. Следуя позиции Китая в отношении войны в Персидском заливе и других международных проблем, страны Персидского залива признали, что Пекин является все более влиятельной международной силой и укрепление отношений с ним – это выбор будущего. Спустя почти десять лет после войны в Персидском заливе произошли события 11 сентября 2001 г., в 2003 г. США вторглись в Ирак, и арабские страны Персидского залива начали поворачиваться к Востоку, особенно к Китаю. 22 января 2006 г. Король Абдулла выбрал Китай в качестве первой зарубежной страны, которую он посетил после того, как стал правителем Саудовской Аравии. Король Абдулла и президент Китая Ху Цзиньтао подписали пять соглашений о совместном экономическом, культурном и научном сотрудничестве, а также о сотрудничестве в области нефти, газа и полезных ископаемых. В 2006 г. президент Ху Цзиньтао посетил Саудовскую Аравию с ответным визитом и подписал соглашение о сотрудничестве в области безопасности. Он также посетил страну в 2009 г., а в Китай нанесли визит правители ОАЭ, Кувейта и Катара [3; 4; 5].

Президент Си Цзиньпин посетил Саудовскую Аравию в январе 2016 года. В совместном коммюнике по итогам переговоров главами государств было заявлено об установлении всеобъемлющих стратегических партнерских отношений между двумя странами [4].

16 марта 2017 г. король Саудовской Аравии Салман ибн Абдул-Азиз посетил Китай с официальным визитом, который внес вклад в достижение трех важных целей. Во-первых, это содействие интеграции между проектом Саудовская Аравия – 2030 и инициативой «Один пояс, один путь». Во-вторых, обсуждение роли Китая в решении разногласий с Ираном, и, в-третьих, повышение открытости Саудовской Аравии в отношении с азиатскими странами. Были подписаны соглашения с Китаем на сумму более 65 млрд долларов [5].

В июле 2018 г. во время визита китайского президента в ОАЭ были подписаны 13 соглашений, что подтверждает стремление к дальнейшему развитию двусторонних отношений и установлению стратегического партнерства для углубления сотрудничества во всех областях. Обе страны подчеркнули свое стремление к укреплению координации работы в рамках инициативы «Один пояс, один путь» для создания устойчивых торговых и инвестиционных партнерств с целью достижения общих интересов двух стран [6].

Визиты высокопоставленных должностных лиц стран ССАГПЗ и Китая сыграли важную роль в продвижении политических и экономических отношений между государствами. Страны Персидского залива рассматривают свои отношения с Китаем с прагматизмом, основанным на общих экономических интересах, используя все аспекты, способствующие этим отношениям, в том числе религиозную составляющую присутствия более 20 млн мусульман в Китае.

Отношения между Китаем и ССАГПЗ многогранны и расширяются с каждым днем в разных областях.

Безопасность стратегического сотрудничества

Область Персидского залива расположена в центре региональной и международной карты безопасности. Саудовская Аравия расположена к востоку от залива, в котором сосредоточена половина мировых запасов нефти, и к западу от Красного моря, через которое идет торговля между Востоком и Западом. Расположение страны является платформой для стратегического движения как на восток, так и на запад, однако стоит отметить ее близость к очагам конфликтов (Иран, Пакистан и Афганистан). В то же время международные интересы Китая растут, расширяются стратегические рамки его интересов и возрастает потребность в защите этих интересов. Современный Китай представляет собой новую мировую мощь, не менее важную, чем такие мировые державы, как США и Япония, что может сделать XXI век отчетливо китайским.

Эти ожидания заставили политических и экономических аналитиков определить, как угрожают новые отношения Китая со странами Персидского залива интересам США в регионе и каков будет характер реакции США на

эти новые отношения и угрозы. Китай не смог бы добиться такого впечатляющего экономического прогресса, не открывшись на внешние рынки, особенно в Персидском заливе [7; 8].

В этих различных климатах и государственных устройствах формировался характер отношений между Китаем и странами Персидского залива, которые в течение последних двух десятилетий плодотворно развивались и представляли интерес для всех сторон.

В целом отношения между Китаем и странами Персидского залива определяются в свете трех основных аспектов, первым из которых является изменение ситуации глобального мира и характера доминирующих мировых держав в этом контексте; второй – определяется изменениями в собственной политике Китая. Наконец, третий аспект определяется преобразованием представлений стран Персидского залива и их готовностью занимать новую позицию, в том числе и по отношению к таким динамично развивающимся державам, как Китай и Индия.

Первая и вторая войны в Персидском заливе заложили основу, благодаря которой Китай оказался в центре новых глобальных преобразований и впервые понадобилось его присутствие в регионе Персидского залива. Во время первой войны в Персидском заливе, которая длилась 8 лет (с 1980 по 1988 г.), Китай продал оружия Ираку на сумму в 2,6 млрд долларов. Важно отметить, что основными импортерами китайского оружия с 1986 по 1990 г. были Ирак, Иран и Саудовская Аравия [7; 8; 9].

Если первая война в Персидском заливе открыла путь для экспорта оружия в регион Персидского залива, то вторая – помогла Китаю стать новым игроком в принятии глобальных решений, затрагивающих регион и касающихся мировой стабильности. Во второй войне в Персидском заливе в 1990 г., после вторжения Ирака в Кувейт, Китай использовал политический прагматизм для поддержания своих растущих экономических интересов в регионе.

Сдержанная взвешенная политика является важной чертой международной деятельности Китая во многих вопросах, которые требуют проведения заседания Совета безопасности, связанных с безопасностью региона Персидского залива, с одной стороны, и с безопасностью арабского региона в целом – с другой. Однако стоит обратить внимание на решения, принятые против Ирана и проведенные через Международное энергетическое ведомство. Китай дипломатично поддерживает прочные отношения с Ираном и одновременно не нарушает различные международные резолюции.

Со времени первой войны в Персидском заливе Китай проводил прагматичную политику, заключающуюся в том, чтобы никого не раздражать и таким образом обеспечивать непрерывность и эффективное восстановление отношений. Это можно объяснить в значительной степени отсутствием прежних идеологических установок, которыми Китай был связан во время «холодной войны».

И, возможно, это мешало ему добиться некоторой гибкости в своих внешнеполитических отношениях. Главная цель внешней политики Китая –

поддержание глобальной стабильности, особенно на территориях, имеющих решающее значение для его экономического роста, например, таких, как регион Персидского залива [7; 10].

Темпы экономического сотрудничества между Китаем и ССАГПЗ резко возросли после начала второй войны в Персидском заливе. Важность этого региона для Китая объясняется растущими потребностями страны в различных источниках энергии, получаемых от нефти и природного газа и используемых с целью промышленно-экономической экспансии.

Китай принимает участие в охране и обеспечении безопасности судов при их прохождении через Красное море, а также в борьбе с пиратством на побережье Сомали. Данные действия подтверждают участие Китая в системе международной и региональной безопасности, однако требуется их координация с государствами Персидского залива, чтобы обеспечить трансфер китайских товаров в разные регионы мира. Это особенно важно для проверки прочности отношений стран региона с США, которые сталкиваются с серьезными проблемами после вывода своих войск из Ирака, а также по причине ухудшения взаимоотношений между Тегераном и Вашингтоном. В докладе, подготовленном Исследовательским центром Никсона в ноябре 2009 г., прослеживалась мысль, что США не хотят да и не могут обеспечивать безопасность на Ближнем Востоке и считают, что Китай может взять на себя эту функцию. Однако китайская внешняя политика исключает такие направления деятельности, принимая во внимание многие соображения, связанные с глобальным стратегическим видением Китая и возможностями безопасности региона на современном этапе и в обозримом будущем [8; 11; 12].

Энергетическое и торговое сотрудничество

Энергетическое сотрудничество является наиболее заметным в отношениях между Китаем и странами Персидского залива. Китай является второй страной в мире по величине потребления энергии, более половины его импорта нефти приходится на государства Персидского залива, а арабские страны в настоящее время являются крупнейшим экспортером нефти в Китай. Ожидается, что к 2030 г. Китай станет крупнейшим рынком для экспорта нефти из Персидского залива, превосходящим Соединенные Штаты и Японию. Действительно, страны Персидского залива рассматривают Китай как огромный рынок не только для экспорта сырой нефти, но также и для нефтехимической и металлургической промышленности — двух секторов, в которых страны Персидского залива значительно расширяются в соответствии с долгосрочной стратегией диверсификации своей экономики. SABIC (Saudi Industries Company) и другие компании из стран Персидского залива, работающие в нефтехимическом, металлургическом и промышленном секторах, все чаще сотрудничают с Китаем. В этой области есть определенные намерения, в их числе проект по строительству нефтеперерабатывающего завода на юге Китая с совместными инвестициями в размере 9 млрд долларов США, который был согласован в январе 2012 г. Кувейтской нефтяной корпорацией и Китайской нефтяной и химической корпорацией (Sinopet), и проект

по созданию нефтеперерабатывающего завода в Тайчжоу, Чжэцзян Китай, с инвестициями от Qatar Petroleum International, China National Petroleum Corporation (CNPC) и US Shell, которые подписали рамочное соглашение в 2011 году [1].

Торговый оборот между Китаем и странами Персидского залива вырос благодаря соглашению о свободной торговле, а также политике невмешательства в арабский регион, которая сделала Пекин более надежным союзником, чем западные страны.

Саудовская Аравия возглавляет список стран, поставляющих энергию в Китай. В 2013 г. Эр-Рияд поставил Пекину 19 % энергии от всех его потребностей [1; 3]. Объем торговли между странами с 2004 по 2013 г. составил около 390,3 млрд долл., объем торговли между ОАЭ и Китаем за последние 10 лет вырос на 35 %, достигнув 100 млрд долл. к концу 2015 г., тогда как в 2014 г. с Кувейтом он достиг 13 млрд долл., с Оманом – 23 млрд долл., с Бахрейном, за исключением торговли нефтью и ее производными, – 1,98 млрд долл., с Катаром увеличился с 3,4 млрд долл. в 2010 г. до 10,6 млрд долл. в 2014 году. Экономические отношения между Дохой и Пекином значительно развились в последние годы. Qatargas и China National Oil Company подписали соглашение в области энергетики о поставке 2 млн т сжиженного природного газа в 2008 году. В апреле Катар открыл первое отделение на Ближнем Востоке для урегулирования сделок с китайской валютой (юанем), что способствует обмену товарами и инвестициями между экономиками Китая и стран Персидского залива [1; 3; 6].

В марте 2011 г. Катар подписал контракт с компанией China Engineering Ports на сумму 879 млн долл. США для строительства первого этапа нового порта Доха [1; 6].

В январе 2012 г. Китайская национальная нефтяная корпорация, Qatar Petroleum и Royal Dutch Shell договорились о строительстве в Восточном Китае нефтеперерабатывающего и нефтехимического комплекса стоимостью 12,6 млрд долларов. PetroChina подписала соглашение в мае 2012 г., чтобы приобрести 40 % прав на разведку и добычу нефти в четвертом секторе Катара, из GDF Suez Qatar [1; 3].

Китай, который стремится увеличить свою экономику до 4 трлн. долл. к 2020 г., ожидает, что страны Персидского залива будут играть заметную роль в достижении этой цели. Торговля между двумя сторонами возросла с 1991 г., когда объем торговли составлял 1,5 млрд долл., до 11,2 млрд в 2002 г., 33,8 млрд долл. в 2007 г., а в 2008 г. он достиг 70 млрд долл., из которых 42 млрд составлял экспорт стран Персидского залива и 28 млрд долл. – импорт из Китая. В 2014 г. торговый оборот достиг 175 млрд долл., в котором экспорт стран Персидского залива в Китай составил около 110 млрд долл., а импорт – 65 млрд долл. [2; 3].

Наблюдатели считают, что Пекин осознает необходимость укрепления своих позиций в регионе Персидского залива в будущем для обеспечения своих фундаментальных интересов в сферах энергетики, торговли, промышленности. Эксперты также отмечают важность реализации инициативы

«Один пояс, один путь» – шелкового пути XXI века, который способствует развитию экономических отношений в мире и прогрессу в ближайшей перспективе.

Арабские страны Персидского залива с их высокой покупательной способностью, обеспечиваемой более высокими доходами от нефти, являются для китайской продукции высокого качества перспективным рынком. Успех опыта Dragon Market в Дубае – это образец перспективных возможностей китайских продуктов в данном регионе, который в течение многих лет имел дело с высококачественными западными продуктами. По оценкам Makanza & Company Foundation оборот торговли между Китаем и ССАГПЗ к 2020 г. достигнет 350 млрд, прежде всего, благодаря созданию зоны свободной торговли между двумя сторонами [1; 7].

Людские ресурсы, туризм и культура

По данным китайской статистики за 2010 г. Объединенные Арабские Эмираты посетили 150 тыс. китайцев, Саудовскую Аравию – около 60 тыс. китайцев (в том числе 13 тыс. для совершения хаджа). По неофициальным подсчетам число китайцев только в Дубае составляет около 200 тыс. человек [13]. Это означает, что в странах Персидского залива проживают не менее 300 тысяч китайцев, которые работают в китайских или местных компаниях, занимаются собственным бизнесом.

С другой стороны, и Китай стал местом притяжения для растущего числа жителей стран Персидского залива. Они направляются сюда с целью обучения, шопинга, терапевтического и рекреационного туризма. В настоящее время в стране около 500 студентов из арабских стран Персидского залива обучаются разным специальностям. Сотрудничество между Китаем и ССАГПЗ в рамках развития людских ресурсов осуществляется как в коллективных рамках арабо-китайского форума сотрудничества, так и в двусторонних. Например, была открыта кафедра арабских исследований им. султана Кабуса в университете Пекина, а при поддержке ОАЭ – Центр арабского языка и исламских исследований в университете иностранных исследований в Пекине [13; 14].

В процессе сотрудничества между Китаем и ССАГПЗ выявились и направления, над которыми еще предстоит поработать:

1. Отсутствие единой внешней политики государств ССАГПЗ, несмотря на многие общие факторы, поэтому законы и процедуры могут отличаться.
2. Нынешние бюрократические правила и процедуры, применяемые в сотрудничестве между двумя сторонами, например, к потоку товаров или отдельным лицам, ограничивают скорость развития этих отношений.
3. Отсутствие интереса к изучению китайского языка в странах Персидского залива, в отличие от распространения арабского языка в Китае.
4. Культурное сотрудничество между двумя сторонами все еще не соответствует уровню экономических отношений и интересов между ними.
5. Растущее количество китайцев в странах Персидского залива, частных лиц и компаний требует от сторон достичь механизмов, связанных с урегулированием трудовых споров и прав работников, инвесторов, ценза оседлости

и т.д. Создание совместных фондов, поток инвестиций в недвижимость, торговлю и промышленность, особенно из арабских стран Персидского залива в Китай, также требуют скорейшего завершения соответствующих механизмов урегулирования споров.

Китай в настоящее время не способен создать стратегические союзы ввиду слабости своего политического аспекта, в отличие от экономического, и опасается, что это приведет к негативной реакции со стороны США и конфликту, прежде чем страна сможет к нему подготовиться.

К тому же (несмотря на напряженность между Ираном и ССАГПЗ) Пекин поддерживает хорошие отношения с Тегераном, что представляет собой своеобразный тест для дипломатии Китая: сможет ли он достичь баланса в отношениях со всеми государствами.

Многие факторы свидетельствуют о том, что китайско-арабские отношения находятся на пороге нового этапа и могут рассматриваться сторонами с большими надеждами и реальным желанием развивать и углублять их. Кажется, что международная и региональная среда будет способствовать их продвижению в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. واقع ومستقبل العلاقات الخليجية الصينية (Реалии и перспективы арабо-китайских отношений) [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <https://alwafd.news>. – Дата доступа : 23.10.2018.
2. Саад, М. М. История арабо-китайских отношений: установление и перспективы / М. М. Саад // Вестн. МГЛУ. Сер. 3. – 2017. – № 16. – С. 13–21.
3. Четырнадцать соглашений объясняют развитие саудовско-китайских отношений [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://sa.china-embassy.org/ara/zt/75/t1335641.htm>. – Дата доступа : 11.09.2018.
4. Три важнейших цели визита короля Салмана в Китай [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2017/03/16/3-اهداف-هامة-في-زيارة-الملك-سلمان-إلى-الصين.html>. – Дата доступа : 12.10.2018.
5. بيان مشترك بين جمهورية الصين الشعبية والمملكة العربية السعودية (Совместное заявление КНР и Саудовской Аравии) [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://sa.china-embassy.org/ara/gdxw/t1335124.htm>. – Дата доступа : 21.09.2018.
6. 13 Соглашение между Пекином и Абу-Даби, итоги визита Президента Китая в ОАЭ [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://www.soutalomma.com/Article/822020/13>. – Дата доступа : 13.10.2018.
7. Китайско-саудовское сближение и его ограниченное влияние на отношения между Саудовской Аравией и США [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <https://www.alhurra.com/a/ksa-china/416907.html>. – Дата доступа : 11.11.2018.
8. ССАГПЗ: региональная организация и безопасность региона [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://mciars.com/?p=446 lang=ru>. – Дата доступа : 18.10.2018.

9. Ближневосточный вектор внешней политики КНР [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/blizhnevostochnyy-vektor-vneshney-politiki-knr>. – Дата доступа : 02.11.2018.
10. Особенности и приоритеты внешней политики Китая в странах Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-prioritety-vneshney-politiki-kitaya-v-stranah-blizhnego-vostok>. – Дата доступа : 05.11.2018.
11. Многообещающее будущее: американское видение отношений Персидского залива с Китаем [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://rawabetcenter.com/archives/24665>. – Дата доступа : 10.11.2018.
12. Как удалось Китаю одновременно установить хорошие отношения с тремя врагами – Ираном, Израилем и Саудовской Аравией [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <https://arabicpost.net/politics/2018/07/الصين-الشرق-الأوسط-إسرائيل-إيران3>. – Дата доступа : 14.11.2018.
13. Историческое развитие отношений стран Персидского залива и Китая [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://lasirener.com-التطور-التاريخي-للعلاقات-الخليجية-الصينية>. – Дата доступа : 12.09.2018.
14. Саудовско-китайские отношения [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://www.spa.gov.sa/viewstory.php?lang=ar&newsid=1531872>. – Дата доступа : 12.09.2018.

Поступила в редакцию 28.03.2019

А. Г. Цымбал

ІНФАРМАЦЫЙНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ КАЛЕКЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ ГЕНЕРАЛЬНАЙ АКРУГІ БЕЛАРУСЬ АБ ПАЎСЯДЗЁННЫМ ЖЫЦЦІ ГРАМАДЗЯНСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА (1941–1943)

В статье исследован информационный потенциал Коллекции документов Генерального округа Беларусь (фонд 370 Национального архива Республики Беларусь). Документационное наследие оккупационных структур Генерального комиссариата «Беларусь» представляет собой исключительный по значимости и малоисследованный комплекс документов, который содержит богатый фактический материал относительно жизни населения Беларуси периода германской оккупации.

На частцы акупаванай тэрыторыі Беларускай ССР нацысцкай Германіяй была створана кіруючая акупацыйная адміністрацыя – Генеральны камісарыят «Беларусь» (ГКБ). Яго кіраўніцтва знаходзілася ў Мінску, дзейнасць ахоплівала каля 60 тыс км², а адміністрацыйны падзел ГКБ налічваў 11 абласных камісарыятаў.

Дакументальная спадчына акупацыйных структур ГКБ, змешчаная ў Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі Беларусь (фонд 370 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь), уяўляе сабой выключны па значнасці і мала даследаваны фактычны матэрыял, датычны жыцця насельніцтва Беларусі

перыяду германскай акупацыі. Установа ажыццяўляла функцыі грамадзянскай адміністрацыі на частцы беларускіх зямель і з'яўлялася ключавым правадніком акупацыйнай палітыкі. Матэрыялы Калекцыі даюць уяўленне аб многіх аспектах жыцця праз прызму дзейнасці акупацыйнай адміністрацыі і праліваюць святло на шматлікія «белыя плямы» ў адносінах да выкарыстання эканамічнага патэнцыялу і штодзённага жыцця насельніцтва Беларусі ў гады германскай акупацыі. У ёй прадстаўлены як загады, распараджэнні, цыркуляры, інструкцыі, разнастайныя ўказанні і перапіска чыноўнікаў акупацыйнай адміністрацыі ў Генеральнай акрузе Беларусь, так і дакументы, якія дасылаліся сюды з кіраўніцтва рэйхскамісарыята «Остланд» у Рызе. Наяўныя дакументальныя матэрыялы дазваляюць рэканструяваць асобныя аспекты стану эканомікі і паўсядзённага жыцця насельніцтва ва ўмовах германскага акупацыйнага рэжыму.

Галоўным накірункам дзейнасці акупацыйных структур было забеспячэнне эканамічных патрэб Германіі. Улады адчувалі недахоп працоўных рэсурсаў, а таксама варожае стаўленне насельніцтва і былі вымушаны ісці на пэўныя прапагандысцкія крокі, каб палепшыць сітуацыю з рабочай сілай. Так, паводле крыніц Калекцыі, пастановай ад 24 красавіка 1942 г. прадпісвалася ўвядзенне страхавання з нагоды няшчаснага выпадку і хваробы мясцовага насельніцтва (за выключэннем яўрэяў і цыганоў) на тэрыторыі Генеральнай акругі Беларусь.

Страхованне на выпадак хваробы павінна было ўключаць грашовыя выплаты пры нараджэнні дзіцяці, медыцынскае абслугоўванне сям'і «бальнічнай касай», медыцынскую дапамогу пры няшчасных выпадках на вытворчасці і прафесійных хваробах. Страховы ўзнос павінен быў складаць 8 %. Прадпісанне ўступала ў сілу з 1 кастрычніка 1943 г. [1, арк. 6–10].

Шмат увагі ў матэрыялах Калекцыі надаецца эканамічным пытанням, асабліва становішчу ў сельскай гаспадарцы, з пункту гледжання вырашэння вайсковых задач. Так, у запісцы ад 8 красавіка 1943 г. прапановаліся крокі па інтэнсіфікацыі выкарыстання акупаваных тэрыторый ва ўмовах, якія склаліся. Па-першае, адзначалася неабходнасць размяшчэння дадатковых ваенных баз з даручэннем праводзіць аперацыі ў пэўным рэгіёне, што павінна было б стабілізаваць ваенную сітуацыю і спрыяць барацьбе з партызанамі. Па-другое, далейшае рэгуляванне сельскагаспадарчай вытворчасці і стварэнне аднаасобных гаспадарак на ўсходніх тэрыторыях Беларусі і адначасовая перадача ім уласнасці. Па-трэцяе, паступовая прыватызацыя сельскай гаспадаркі і гарадскога і прамысловага сектара на Захадзе і Усходзе [2, арк. 24–32].

Асаблівая ўвага звярталася на фінансавую сферу, дзе акупацыйныя чыноўнікі ставілі пытанне аб кошце вядзення вайны. У рамках гэтай праблемы раглядалася і падатковая сістэма на тэрыторыі акупаванай Беларусі. У наяўных крыніцах падкрэсліваецца, што ўся эканамічная структура Беларусі істотна адрознівалася ад эканамічнай мадэлі імперыі і Остланда, таму падатковыя паступленні тут былі іншымі. Савецкая эканамічная мадэль

не магла быць хутка ліквідавана, таму акупанты мадыфікавалі савецкую падатковую сістэму згодна іх патрэбам. Праблему падаткаабкладання насельніцтва планавалася вырашыць у выглядзе падатку з абароту або падаходнага падатку па нямецкім узору. Але такі парадак сутыкнуўся з вялікімі цяжкасцямі: адсутнасць дакументаў бухгалтарскага ўліку, часам непісьменнасць насельніцтва, неразуменне насельніцтвам складанай падатковай тэрміналогіі, якая існавала ў Германіі. Таму планавалася ўвесці падушны падатак і сельскагаспадарчы пазямельны падатак. Грамадзянскі, падушны падатак складаў 16 нямецкіх марак. Тарыфы сельскагаспадарчага пазямельнага падатку былі ад 3 да 40 нямецкіх марак за гектар зямлі. Але тарыфы ў 1943 г. планавалася павысіць. У дзяржаўных прадпрыемствах галоўную ролю адыгрываў падатак з абароту. Акрамя таго, існаваў падатак з абароту па савецкай сістэме, паводле якой ён спаганяўся з вытворцы адзін раз. У адрозненне ад нямецкага падатковага права ў акрузе Мінск не існавала падатку на гандаль [2, арк. 33–40]. Увогуле розніца паміж нямецкай і савецкай падатковымі сістэмамі існавала вялікая. У Германіі, напрыклад, у большай ступені, чым у СССР, ўлічвалася сямейнае становішча.

Як адзначалі акупацыйныя чыноўнікі, на ніжніх ступенях падаходнага падатку нагрузка на асобнага падаткаплацельшчыка была значна вышэйшай згодна з савецкім правам, чым нямецкім. У той час як паводле нямецкай сістэмы ваенная надбаўка ўсталёўвалася да падаходнага падатку з гадавым прыбыткам ад 2 400 нямецкіх марак, рускі падатак уводзіўся таксама для самых маленькіх даходаў. У савецкім падатковым праве нагрузка была значна ніжэйшай пры больш высокіх даходах і ступенях падаходнага падатку, чым у нямецкім праве [2, арк. 33–43].

У 1943 г. немцы асабліваю ўвагу пачынаюць звяртаць на бежанцаў, што знаходзіць сваё адлюстраванне ў захаваўшыхся крыніцах. Як адзначалася, у выніку нямецкага адступлення каля 200 000 мясцовых сем'яў адступілі разам з нямецкімі войскамі. Акупацыйныя ўлады ГKB задаваліся пытаннем, што рабіць з гэтымі людзьмі і як іх выкарыстаць у якасці працоўнай сілы. З улікам, што гэта былі ў асноўным сяляне, прапаноўвалася нават вылучыць зямлю для апрацоўкі [2, арк. 48–49].

Вельмі каштоўнымі з'яўляюцца звесткі аб дэмаграфічнай сітуацыі ў асобных акругах, нацыянальным складзе насельніцтва, узаемаадносінах розных груп насельніцтва, нацысцкай палітыцы генацыду і вывазе насельніцтва ў Германію.

Так выглядаў нацыянальны склад насельніцтва г. Ліда на 8 красавіка 1943 г.: 76 карэнных немцаў, 66 657 беларусаў, 192 474 палякаў, 2 963 літоўцаў, 225 украінцаў, 531 татар, 4 419 яўрэяў, 268 чалавек розных нацыянальнасцей. Спачатку ў рэгіёне дамінавалі палякі, але хутка немцы вырашылі замяніць іх на ўсіх галоўных пасадах на беларусаў. Былі закрыты польскія школы, а замест іх пачалі працу беларускія школы з беларускімі настаўнікамі. Акупацыйнымі ўладамі адзначалася, што ў выніку гэтага вельмі прыкметнымі сталі напады польскіх актывістаў на прадстаўнікоў улады

беларускага паходжання. Партызанскія фарміраванні, што складаліся ў асноўным з былых салдат, тых, хто ўцякаў ад прымусовых работ, яўрэяў, сялян, якіх павінны былі вывезці ў Германію, знаходзілі таксама найбольшую падтрымку сярод беларускага насельніцтва.

Яўрэі, якіх налічвалася ў Лідскім раёне каля 20 000, былі масава знішчаны ў выніку акцыі ў маі 1943 года. 4 500 чалавек, што засталіся, былі размешчаны ў лідскім і шчучынскім гета [2, арк. 50–54]. У раёне знаходзілася каля 8 000 бежанцаў. Здольных да працы вывезлі ў Германію, але іх большая частка лічылася непрыдатнай, бо складалася з дзяцей і старых людзей. У цэлым працоўныя рэсурсы раёна налічвалі па картатэцы 66 054 чалавекі. З іх 9 365 падалі заяўкі на працу ў Германіі, усяго быў накіраваны 23 751 работнік. На прымусовую працу ў Германію адаслалі прыкладна 2 500 мужчын і жанчын [2, арк. 52–54].

Становішча ў Вілейскай акрузе разглядалася акупацыйнымі ўладамі ў такіх аспектах, як 1) дзейнасць партызан; 2) польскае пытанне; 3) яўрэйскае пытанне.

Партызанскі рух першапачаткова быў падаўлены няцымі да мая 1942 г., але з лета партызаны зноў перайшлі да актыўных дзеянняў і пачалі ствараць сур'ёзную пагрозу для акупантаў. Як адзначаў кіраўнік Вілейскай акругі 8 красавіка 1943 г., партызанская дзейнасць наносіла большы ўрон, чым ваенныя падзеі [2, арк. 57]. У якасці контрмер прапаноўвалася актывізаваць прапагандысцкую работу і актыўнае супраціўленне. Але прапагандысцкая дзейнасць насіла вельмі абмежаваны характар, бо часам немагчыма было дабрацца да небяспечных раёнаў, і яна не мела вынікаў, калі яе праводзілі немцы. Мясцовыя прапагандысты, былыя палонныя, таксама не маглі выступаць без узброенай аховы. Акрамя таго, сама каштоўнасць прапаганды ўжо стаяла пад сумненнем, бо і тут партызаны мелі пэўны ўплыў, як адзначалася ў крыніцах [2, арк. 58].

Тактыка ўзброенага супраціву выглядала наступным чынам: усе вёскі ўздоўж чыгуначных шляхоў знішчаліся, а іх жыхароў вывозілі, што спачатку рабілася каля месцаў падрываў. Кіраўніцтва Вілейскай акругі выказвала сумненне ў эфектыўнасці такога падыходу.

Вынікамі дзейнасці партызан былі наступныя: да 25 лютага 1943 г. былі забіты 7 нямецкіх жандармаў; 3 нямецкіх сельскагаспадарчых упраўляючых; 7 галандцаў; 6 мужчын, якія займаліся аховай леса; прыкладна 30 мужчын з арганізацыі Тодта; 110 мужчын з мясцовай аховы; 106 членаў малодшага кіравання, старастаў супалак і вёсак і мясцовых працаўнікоў асабістых нямецкіх штабоў; 46 членаў ахоўных каманд; прыкладна 500 мясцовых жыхароў. Адпаведна, масавыя забойствы сямей мясцовай аховы значна ўплывалі на настрой яе членаў.

Гаспадарчыя страты былі яшчэ большыя для ўлад. Вялікая колькасць прамысловых прадпрыемстваў і асабістых гаспадарак знаходзілася пад кантролем партызанскіх атрадаў. Што датычыцца гаспадаркі ў вобласці, то партызаны адабралі кароў 1 000 галаў; свіней 1 100 галоў; авечак 2 238 галоў;

птушак 1 900 штук; жыта 945 т; пшаніцы 150 т; ячменю 325 т; аўса 500 т; грэчкі 20 т; бабовых 50 т; ільнянога зерня 10 т; ільнянога валакна 26 т; канаплянага валакна 7 т; сена 850 т; саломы 500 т; масла 3,65 кг; вяршкоў 970 кг; тварагу і сыру 700 кг. Сюды яшчэ адносіцца безліч кармавых раслін, такіх як лубін, віна пасяўная, палявы гарошак, проса і гэтак далей. З усіх 27 лесапільных заводаў па стане на 25.02.1943 працавалі толькі 6. Большасць была знішчана ці занята партызанскімі атрадамі [2, арк. 59–61].

Польскае пытанне адыгрывала ў акрузе важную ролю з пункту гледжання кіравання. Уся ніжэйшая адміністрацыя складалася з палякаў, і такім чынам яны атрымалі магчымасць кіраваць гаспадаркай, асабліва сельскай і лясной. Але да пачатку 1942 г. адбыліся змены, усіх без выключэння тагачасных раённых бургамістраў польскага паходжання замянілі на беларусаў. Таксама палякі былі зняты з усіх кіруючых пастоў. Але ва ўсіх сферах гэта зрабіць было немагчымым, у лясной гаспадарцы і прамысловасці ўлады не змаглі знайсці ім замену сярод беларусаў. Па меркаванні немцаў, гэта было звязана не з тым, што беларусы атрымалі іншую адукацыю, але з тым, што яны мелі зусім іншае прадстаўленне аб рэчах і іншае стаўленне да зямлі, што было абумоўлена знаходжаннем пад савецкім рэжымам [2, арк. 55–60]. Пры гэтым вырашэнне польскага пытання і пазбаўленне іх уплыву лічылася абавязковым, адначасова было неабходным даць добрую адукацыю беларускай моладзі ва ўсіх патрэбных навуковых галінах.

У 1941 г. у Вілейскім раёне пражывала прыкладна 20 000 яўрэяў, з якіх засталася каля 3 000. З іх ніхто не застаўся жыць на старым месцы. Усе гета ліквідавалі. 2 850 яўрэяў размеркавалі паміж палявым паркам і будаўнічай службай сухапутных войскаў у пасёлку Краснае. Каля 50 яўрэяў выкарыстоўвала для сваіх мэт СД. Прыкладна 100 чалавек адаслалі ў невялічкае гета, падпарадкаванае адміністрацыі, і там яны працавалі ў майстэрнях. Прагназавалася, што яўрэйскае пытанне ў раёне будзе хутка канчаткова вырашана [2, арк. 61].

Галоўным для акупацыйных улад заставалася пытанне выкарыстання працоўных рэсурсаў. Гэтай праблеме, якая ўздымалася рэгулярна, прысвечана большасць дакументаў Калекцыі. Так, 9 красавіка 1943 г. была прадстаўлена запіска, у якой аналізавалася эканамічнае значэнне беларускіх тэрыторый для рэйха. Генеральная акруга Беларусь разам з астатнімі акупаванымі акругамі, на думку немцаў, як рэзервуар працоўных сіл мела вельмі вялікае значэнне, але вось яе гаспадарчая дапамога ў параўнанні з іншымі акругамі, як напрыклад, Украіна, не ўяўляла каштоўнасці. У адносінах да сельскай гаспадаркі і загатоўкі сыравіны акруга была важнай крыніцай торфу і драўніны [2, арк. 72].

Германскія ўлады сцвярджалі, што індустрыя Беларусі, якую можна было параўнаць з адным якім-небудзь вялікім горадам рэйха, з'яўлялася для іх вельмі важным рэзервуарам працоўных сіл. Галоўнай праблемай выкарыстання працы мясцовага насельніцтва была савецкая мадэль арганізацыі працы і безадказнасць работнікаў [2, арк. 72]. Пастаўкі рабочых у Германію

на 1943 г. мелі выключную значнасць. Генеральная акруга адаслала ў рэйх да красавіка 1943 г. 40 000 остарбайтараў, з якіх большая частка была схоплена падчас паліцэйскіх акцый.

Прапаноўваліся шляхі інтэнсіфікацыі працы ў гэтым накірунку. Напрыклад, паляпшэнне ўмоў для остарбайтараў пры перавозцы ў рэйх, а таксама змена назвы «остарбайтар» на абазначэнне нацыянальнасці ў дакументах ці стварэнне знака, які б паказваў колер краіны. Асобныя меры павінны былі быць распрацаваны адносна моладзі. Звярталася ўвага на неабходнасць прафесійнай адукацыі. Сцвярджалася, што на тэрыторыі генеральнай акругі шмат рабочых, але назіраецца недахоп добрых спецыялістаў.

У прамысловасці мелася дастаткова працоўных сіл. Паляпшэнне вынікаў улады бачылі ў неабходнасці ліквідацыі шматлікіх перашкод, якія адносіліся да сферы кіравання людзьмі, але часткова былі звязаны і са старым абсталяваннем на вытворчасці, недапушчальнымі ўмовамі на прадпрыемствах. Па нямецкім прыкладзе ўводзіліся мерапрыемствы па перадухіленні няшчасных выпадкаў, адводзіліся сцёкавыя воды, рабілася добрае асвятленне, вырашалася пытанне наконт прыбіральні і месц, дзе работнікі маглі памыцца. Распрацоўвалася пытанне ўвядзення асабістага страхавання, стварэнне спецыяльнай установы «Страховое таварыства Беларусі» планавалася на 1 ліпеня 1943 г. Яно павінна было займацца пенсійным і сацыяльным страхаваннем. Асобная ўвага звярталася на зароботную плату. Як сцвярджалася ў запісцы, праз увядзенне здзельнай зароботнай платы немцы змаглі дасягнуць на некаторых прадпрыемствах значнага павышэння працаздольнасці. Асаблівае значэнне надавалася калектыўнай здзельнай зароботнай плаце з мэтай матывацыі работнікаў. Падкрэслівалася пытанне неабходнасці інфармавання аб гігіене. Нягледзячы на неймаверна цяжкія жыллёвыя ўмовы, акупацыйным уладам удалося адхіліць узнікненне эпідэміі і падтрымліваць стан здароўя работнікаў на задавальняючым узроўні. Паказчыкі захворвання для ўлад былі задавальняльнымі і маглі сістэматычна паляпшацца.

У дакументах падкрэслівалася, што праяўленыя поспехі павінны быць адразу ж узнагароджаны, а лепшыя рабочыя – асабліва адзначаны. Улады імкнуліся дасягнуць таго, каб прадпрыемствы давалі сваім лепшым работнікам прадукты харчавання. «Калі мы імкнемся палепшыць харчовае забеспячэнне, выдаваць абутак, спецвопратку і дазволіць выдачу пэўных харчовых запасаў асабліва тым рабочым, якія вылучыліся поспехамі, тады гэта пачатак шляху, які прынясе нам поспех» [2, арк. 77].

Такім чынам, матэрыялы Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі Беларусь (фонд 370 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь) утрымліваюць велізарны аб'ём новай фактычнай інфармацыі адносна эканамічнага выкарыстання беларускіх тэрыторый акупацыйнымі ўладамі і паўсядзённага жыцця грамадства, што дазваляе істотна пашырыць фактаграфічную базу даследаванняў гісторыі перыяду германскай акупацыі Беларусі, а таксама ўдакладніць палажэнні айчыннай гістарыяграфіі, датычныя страт гаспадаркі і насельніцтва за гады акупацыі. Новыя дакументальныя крыніцы пры

выкарыстанні сучасных метадалагічных падыходаў дазваляюць паглыбіць вывучэнне становішча ў акупаванай Беларусі на ўзроўні яе асобных рэгіёнаў, прадпрыемстваў і галін гаспадаркі. Вялікую каштоўнасць уяўляе кампаратыўны падыход да ацэнкі ролі акупаванай Беларусі ў ваеннай эканоміцы Трэцяга рэйха ў параўнанні з іншымі Генеральнымі акругамі рэйхскамісарыята «Остланд».

Шмат увагі крыніцы надаюць т. зв. «польскаму пытанню» і «яўрэйскаму пытанню». Першае ўяўляла сабой для акупантаў неабходнасць выдалення з кіруючых структур усіх асоб польскага паходжання і замены іх беларусамі. Аднак тут яны сутыкаліся з праблемай пошуку падрыхтаваных кадраў, дзеля чаго планавалася арганізаваць прафесійнае навучанне для беларускай моладзі. У эканамічным аспекце разглядалася і «яўрэйскае пытанне», калі немцы, рэалізуючы палітыку «канчатковага вырашэння яўрэйскага пытання» сутыкаліся з дэфіцытам працоўнай сілы, бо яўрэі з'яўляліся ў асноўным кваліфікаванымі работнікамі.

У нямецкіх дакументах адзначалася: «Мы павінны імкнуцца да таго, каб псіхалагічна правільна настроіць мясцовае насельніцтва. Калі гэта разнастайнасць умоў будзе выканана, тады стане магчымым перадаць Рэйху ў распараджэнне вялікую колькасць усходніх рабочых, а таксама нямецкай індустрыі, якая з-за налётаў бамбардзіроўшчыкаў павінна вытрымаць цяжкія выпрабаванні, і якая ў сувязі з пастаяннай мабілізацыяй нямецкіх рабочых сіл у шэрагі вермахта перажывае крытычныя часы. Мы павінны імкнуцца да таго, каб ва ўласнай эканоміцы дасягнуць павышэння прадуктыўнасці працы сярод беларускіх рабочых, каб, магчыма нязначны эканамічны сектар Беларусі, усё-такі па сваіх сілах, па сваёй сыравіне і г.д. мог зрабіць значны вайскова-эканамічны ўнёсак» [2, арк. 78].

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 370. Воп. 1. Спр. 1256.
2. НАРБ. – Фонд 370. Воп. 1. Спр. 1264.

Поступила в редакцию 01.04.2019

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Н. П. Баранов

ПРИОРИТЕТНЫЕ ФАКТОРЫ
СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

В статье предпринят философский анализ новейшей методологической «мир-системной» концепции современного цивилизационного процесса и акцентируемых в ней приоритетных факторов его обеспечения. В качестве таковых автор выделяет триаду органично взаимосвязанных, взаимообуславливающих факторов – развитие науки, культуры и духовности, – философски характеризуя их цивилизационный потенциал и определяя их статусы в системе приоритетных факторов обеспечения современного цивилизационного процесса. Актуальные идеи статьи могут быть активно использованы студентами и педагогами в образовательном процессе университета.

Бурный, впечатляющий своими инновациями, масштабно расширяющийся цивилизационный процесс в мировом сообществе XXI века привлекает к себе пристальное внимание ученых, в том числе исследователей, философски осмысливающих сущностные черты и актуальные факторы современного общественного развития.

Опираясь на философские достижения классиков цивилиографии Н. Данилевского (теория общей типологии культур), О. Шпенглера (циклическая теория культур), А. Тойнби (теория локальных цивилизаций), открывших в культуре живое ядро, смысл и двигатель цивилизации и обосновавших принципиально новое¹, культурологическое, глубинное видение мировой истории как цивилизационного процесса человечества, современные исследователи (В. М. Дианова, А. А. Пучковская, В. В. Шимов, А. С. Железняков, Я. Г. Шемякин и др.) [1; 2; 3; 4] активно разрабатывают новейшую, синергетическую, «мир-системную» концепцию цивилизационного процесса глоболизирующегося планетарного человечества. Данная концепция обретает в современной социальной философии статус наиболее адекватной научной парадигмы цивилизационного измерения общественного развития в XXI веке.

Синергетический, «мир-системный подход» к современному цивилизационному процессу человечества – это не только новейшая методология социально-философского анализа нынешнего общественного развития, но

¹ До цивилизационного измерения общественного развития в осмыслении истории применялись, как известно, различные подходы: простейшего *летописно-фактологического описания истории* народов и их взаимоотношений, *выделения исторических эпох* (по наиболее значимым деяниям выдающихся властителей либо другим «важным» для своего времени основаниям), а также разработанный в философии марксизма в XIX веке *формационный подход* – выделения качественных ступеней общественного развития по уровню развития общественно-экономического способа производства (определенно сохраняющий в научном отношении свою актуальность).

и новейший способ современного мировидения, в поле зрения которого попадают не отдельные, изолированные друг от друга страны, а мир в целом, во всем его многообразии и взаимосвязи. Такое видение стремится обнаружить единые факторы и закономерности, согласно которым развиваются все составляющие великого многообразного целого, трактуемого как мировая система.

Осуществляемыми в рамках данного подхода социально-философскими исследованиями выявлено и аргументированно утверждается, что на смену сформировавшейся на протяжении нескольких предшествующих столетий (начиная с XVII века) современной мир-системе¹ идет активное формирование человечеством новой мировой системы, структурные связи которой еще не прояснены и контуры которой пока недостаточно ясны.

Как это совершенно очевидно, современный цивилизационный процесс базируется на принципиально новых доминантных факторах обеспечения общественного развития. Наиболее приоритетными, на наш взгляд, факторами обеспечения современного цивилизационного процесса и формирования новой мировой системы закономерно является триада науки, культуры и духовности, рассматриваемые по потенциалу своего цивилизационного влияния в качестве самостоятельных и вместе с тем органично взаимосвязанных, взаимообуславливающих факторов.

Поистине ключевое место в их ряду занимает наука, всецело определяющая технологический базис современного цивилизационного развития общества. Именно в ней основоположник философии Нового времени Ф. Бэкон уже в XVII веке прозорливо увидел действенно-преобразующую силу, определяющую новую ступень цивилизационного развития человечества. Провозглашенная им знаменитая формула «Знание – сила» определила новое восприятие и видение феномена науки как непосредственной, активной компоненты производительных сил социума. В его знаменитых философских трактатах «Великое восстановление наук» и «Новая Атлантида» впервые было акцентировано внимание на необходимости государственной организации развития науки и планирования научных исследований, а также изыскании эффективных методов исследований и технических изобретений, умножающих могущество человека, рационализирующих его творческо-преобразующую деятельность и распоряжение природными ресурсами.

За четыре прошедших столетия по пути «Великого восстановления (и, добавим, фундаментального развития) наук» человечество, его, по характеристике Х. Ортеги-и-Гассета, «рассудочная цивилизация», одерживая победу за победой, обрела казавшееся некогда фантастическим качество «техногенной цивилизации», способной к существенному и даже радикальному изменению глубинных оснований своего дальнейшего прогресса.

¹ Согласно И. Валлерстайну, каждая историческая система проживает свою жизнь. Период жизни многих из существовавших крупномасштабных «миросистем» (рабовладельческой, феодальной, капиталистической, в том числе конкретно выраженных их форм – рабовладельческой империи Рима, арабского Халифата, европейского феодализма, капитализма евроатлантической цивилизации) длится по 400–500 лет и более [5, с. 110].

Эффекты и результаты, достигаемые расширяющимся применением науки и наукоемких технологий во всех сферах и областях общественного развития, являются объективным основанием для оценки их как приоритетного, основополагающего фактора современной цивилизационной динамики. Такова в данном отношении единая позиция ученых и народов стран мирового сообщества, осмысливающих перспективы дальнейшего цивилизационного развития и определяющих нынешний его ключевой вектор.

В современную жизнь человечества, на нынешнем этапе цивилизационного процесса, прочно вошли и закрепились новейшие понятия: *научно-технический прогресс, экономика знаний, креативная экономика, технологическая модернизация, технологическая революция, творческие индустрии, инновационная политика, инновационные стратегии, инновационные прорывы* и другие.

«Сегодня весь мир готовится к переходу к следующему технологическому укладу, – отмечает исследователь И. П. Салтанович. – Его контуры только начинают складываться в развитых странах мира, в первую очередь в США, Японии и КНР, вектор которого нацелен на развитие и применение наукоемких, или, как теперь говорят, высоких технологий [6, с. 3]. «Локомотивными отраслями рождающегося VI технологического уклада, по мнению экспертов, станут биотехнологии, нанотехнологии, робототехника, высокие гуманитарные технологии, новая медицина и природопользование. Своевременное занятие позиций в этих направлениях во многом определит, какие отрасли, страны, регионы, корпорации будут ведущими, а какие ведомыми на новом витке технологического развития» [6, с. 3].

К числу успешно развивающихся стран на нынешнем постиндустриальном цивилизационном этапе относится и Республика Беларусь – полноправный субъект мирового сообщества, акцентирующий свое внимание и усилия на реализации в социальных преобразованиях принципиально новых привлекательных цивилизационных идеалов и достаточно динамично активизирующий цивилизационные процессы в своем государственном и геополитическом пространстве.

Главный, поддерживаемый всенародно, цивилизационный ориентир нашего молодого суверенного государства на современном этапе развития – стать сильной и процветающей страной. Он ясно декларирован всему мировому сообществу как национальная идея и стратегическая политическая цель развития страны: «За сильную и процветающую Беларусь!», и наша страна поступательно движется к этой цивилизационной цели. В решении данного вопроса она руководствуется следующим образом конституционно закрепленным цивилизационным идеалом: Беларусь – социально-ориентированное, правовое, открытое всему миру государство, в основе которого лежат уважение к людям труда, идеалы равенства и социальной справедливости, стремление к взаимопониманию и единению во имя благополучия Родины.

Масштабной и, по сути, ключевой для Беларуси на нынешнем этапе цивилизационного развития является задача «модернизации нации», ее «креативной модернизации (усовершенствования) в русле постиндустриального общества» [6, с. 8].

В этой связи с принятием в 2018 году декрета № 8 «О цифровой экономике» республикой реализуется амбициозная стратегия цифровой технологической трансформации белорусского государства и общества с целью повышения конкурентоспособности национальной экономики, качества жизни населения и формирования IT-страны. Для молодых поколений республики, вступающих в активный период своей социальной жизни, эта цивилизационная цель и творческая задача становятся действительно первостепенно важными.

Вторым по потенциалу своего цивилизационного влияния в триаде приоритетных факторов обеспечения современного мирового цивилизационного процесса является фактор культуры, уровень ее развития. Фундаментальные исследования мировых ученых, сама история достаточно ясно показывают центральное значение феномена культуры в развитии цивилизаций как исторически локальных, так и формируемой человечеством современной «мир-системной» глобальной цивилизации.

С самых первобытных своих истоков культура, сущностно являющаяся творческо-преобразовательной деятельностью человека и человеческого общества во всех аспектах их земной жизни, глубинно определяла и определяет их направляемое разумом бытие и развитие. Именно она стала основой рационально приспособляемого изменения человеком среды обитания социума, последовательной исторической «модернизации» его творческих созидательных сил и окультуривания самого человека.

Культура поистине является ядром творческого развития общества, цивилизационного процесса. Не случайно понятия *культура* и *цивизованность* отождествимы, причем настолько, что с научной точки зрения наиболее адекватным считается анализ развития общественных систем именно как *культурно-цивилизационных систем*. Именно такое категориальное понятие выражает истинное понимание культурно-цивилизационной природы общественной жизни, которая представляет собою сплав, единство культурных достижений и тех цивилизационных отношений, на уровень которых поднялось, выросло данное общество.

«Культура есть творческое ядро цивилизации, дающее ей импульсы развития» [7, с. 23], «культура есть смысловая основа цивилизации» [7, с. 23], «культура есть сердцевина цивилизации, животворящее ядро ее развития» [7, с. 26], – акцентируют актуальные цивилизационные характеристики культуры ученые.

При таком видении статуса культуры как центрального фактора цивилизационного процесса становится ясным, что ее цивилизационное значение объективно и закономерно возрастает, а всякое периферийное отношение к культуре губительно для развития цивилизации, ибо может иметь тяжелые негативные последствия (снижение творческого потенциала и упадок культуры народа, деградацию и инволюцию общества, впадение общества и мировой системы в целом в кризисные состояния, вооруженные конфликты и мировые войны как попытки выхода из угрожающих социальных состояний, и превращение, в конечном счете, человечества (по меткому определению А. А. Зиновьева) снова в «зверочеловечество»).

Нельзя путать культуру с искусством, которое является лишь одной из ее частей, ипостасей, выражающих уровень творческого мастерства создателей ее уникальных исторических образцов-шедевров. Культура в целом есть широкий спектр непосредственной творческой жизнедеятельности социума, представляемый наукой, религией, философией, нравственностью, искусством, правосознанием, хозяйственной деятельностью, бытом и межличностными отношениями людей.

Еще античные греки и римляне видели задачей культуры гармонизацию окружающего хаоса и творение гармонии окружающего миропорядка. Исходя из того, что творцом и носителем культуры является народ (нация), его личности, их культурное воспитание и развитие становятся актуальной государственной задачей обеспечения современного цивилизационного процесса. К сожалению, — отмечают исследователи, — почти на всем постсоветском пространстве, да и в целом в мировом сообществе, все еще отсутствует глубокое понимание значения культуры как центрального цивилизационного фактора в жизни общества, понимание самого цивилизационного смысла культуры, а также роли государства в культурном развитии нации [7, с. 23].

Научному осмыслению путей преодоления этой актуальной культурологической проблемы посвящен целый ряд материалов международных научно-практических конференций, круглых столов, современных научных публикаций философов, деятелей культуры и политиков, [3; 7; 8; 9; 10; 11; 12], в том числе активных исследователей данной проблемы — ученых нашего университета [6; 13; 14; 15]. Квинтэссенция их главных идей выражает следующее:

- культура неоспоримо является глубинным, всевозрастающей значимости фактором обеспечения цивилизационного процесса;
- необходимо осознать это и прививать современному гражданину чувство активного, полноправного, ответственного творческого участия в обеспечении культурного, цивилизационного развития своей большой семьи — нации, а также всего мирового сообщества;
- задача общества и государства, национальных элит — созидание и защита культуры, ориентированной на развитие творческого потенциала человека и одухотворение человека.

Ведущим фактором обеспечения цивилизационного процесса может быть определена, на наш взгляд, духовность во всеобъемлющем сущностном ее видении. История человечества достаточно ясно свидетельствует об извечной и непреходящей востребованности духовного фактора в развитии мировой цивилизации. Все тысячелетия существования человечества общество сохраняло и развивало себя благодаря выбору достойных духовных ориентиров — религиозно-нравственных, эстетических, научно-познавательных, творческо-деятельностных.

Еще только начиная задумываться о сущности бытия, полных таинственности его началах, человек стихийно-интуитивно «открыл» для себя

дух, духовное и сакрализировал его в величественном образе Бога как животворящего начала вселенского мира, мирового разума – логоса, разумного Творца-устроителя и направляющей силы мира.

В служении Богу, в многовековом, поистине неоценимом духовном деянии, пастыри и подвижники веры неустанно учили и по-прежнему учат людей, целые народы священной (в религиозном ее понимании) духовности, пониманию ее непреходящей значимости для человечества. Ведь именно в ней исторически закладывались начала и идеалы нравственного совершенствования человека.

На ступени научного осмысления социокультурного содержания феномена духовности в ходе многовековой эволюции философской мысли понятие *духовность* закономерно получает свое дальнейшее развитие. В своем категориальном понимании она объемлет человекоопределяющие основы бытия – его, человеческого бытия в мире, объемлет неоценимо важные регулятивные формы всей его творческо-созидательной жизнедеятельности: знания, миропонимание, идеалы бытия, нравственные, эстетические, политические, правовые императивы человеческого поведения и человеческих деяний. Духовностью порождаемы человеческие Мудрость, Вера, Любовь, Гуманность, Милосердие, Благотворение, Миролюбие, Культура. Духовность несовместима с черствостью и равнодушием, эгоизмом и жестокостью, ориентацией сугубо на корыстные цели, низким уровнем культуры личности, отсутствием стремления к Добру, Истине и Красоте. Потеря духовности равнозначна потере человечности.

Сегодня духовность все более востребуется как фактор обеспечения цивилизационного процесса. Народы мирового сообщества все активнее говорят о духовности, необходимости ее защиты и развития.

Учением Живой Этики Н. Рериха акцентируется, что именно духовность представляет собой одно из Высших Исторических Сокровищ человеческой цивилизации. Как Непреходящая Ценность Мира Духовность уже преобразила народы и лик земной: «... мы стали другими. Над нами и небо иное. И ветер иной. Солнца лучи сияют иначе...» [16, с. 908]. И только Она – Духовность – может и должна стать Ведущей Активной Преобразующей Силой дальнейшей человеческой истории. В грядущем Великом Творении Нового Мира, как подлинный демиург, – Созидающая Духовность Человечества должна «...опираться на все эволюционирующее, на то, что несет в себе будущее и не отвергать того прошлого, на котором основывалось это будущее» [17, с. 13]. В связи с этим в учении Рерихов, понятном «...для каждого чуткого духа...», подчеркивается, что все светлое, ценное, жизнеутверждающее должно быть бережно сохранено и приумножено¹.

¹ Как известно, во имя Охраненья и Сохраненья Высших Сокровищ Человеческого Духа Н. К. Рерихом был разработан и провозглашен в тридцатые годы прошедшего столетия «Пакт Рериха», в соответствии с которым все культурные учреждения объявлялись нейтральными и требующими особого покровительства всех правительств. Отличительным знаком таких организаций должно стать Знамя Мира, представляющее собой белое полотнище, на котором помещена большая красная окружность с тремя красными кругами посередине – символ прошлого, настоящего и будущего в кольце вечности и единения.

Концепция единства прошлого, настоящего и будущего в процессе культурной преемственности и духовной эволюции человечества являлась для Рерихов тем исходным фактором, без которого поиск социальных идеалов как цивилизационных ориентиров был бы просто невозможен. Время и пространство всей человеческой истории в естественной космической эволюции наполнены сложнейшими процессами духовно-культурного взаимодействия, которое и ведет к синтезу Нового Общечеловеческого Социального. «Поэтому, – как подчеркивается в рериховских размышлениях о Миссии Духовности, – всякое увещание по сохранению всего самого и самого лучшего... своевременно и облегчает пути кратчайшие. Пусть благие символы, пусть самые благожелательные знамена развеваются над всем, чем жив дух человеческий» [16, с. 863]. Темное же, опасное и нежизнеспособное должно быть критически отвергнуто как в материальных, так и в духовных основаниях развития. Ибо «...хороша старина, пока не мешает будущему» [17, с. 65].

Едва ли адекватны и применимы в анализе современного цивилизационного процесса первоначальные критерии его оценки как ступени исторического развития человечества, следующей за варварством, связанной с переходом к собственно социальной организации общества. Объективно эта ступень давно пройдена человечеством. Несовременными представляются также сущностные характеристики цивилизации как той или иной сложившейся, самобытно развивающейся культуры, уровня (ступени) технологического и духовного развития того или иного региона либо отдельного этноса и даже понимание под цивилизациями великих культур в истории человечества в достигнутых ими степенях развития.

Как философски пророчествовали Рерихи, человечество закономерно становится подлинно планетарным. Вступая в Космическую Эру своего бытия, оно все более осознает свою «планетарность», единство, свою Миссию в мире и формирует для ее реализации Новые Социальные Идеалы. В том числе по творению цивилизации как единой новейшей всемирной истории человечества, единой во всем ее бережно сохраняемом разнообразии уникальных культур народов.

В качестве ключевых основ ее созидания, по-рериховски, видятся: Мир всего мира, «который не есть отвлеченность, но зависит от доброжелательности и благоволения человечества»; культурное творческо-созидательное сотрудничество народов с закономерно определяемым им ойкуменическим единением народов; выход на совершенно новый уровень освоения Научных Знаний, понимания их значения и умения ими пользоваться в дальнейшем цивилизационном восхождении; Духовность и Новое Эволюционное Мировоззрение, направленные не к инволюции, а на становление единой новейшей всемирной истории человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дианова, В. М.* Мир-системный и цивилизационный подходы: точки сопряжения / В. М. Дианова, А. А. Пучковская // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 6, Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2014. – Вып. 3. – С. 57–63.
2. *Шимов, В. В.* Цивилизационный подход в современном мире: локальные цивилизации и глобализация / В. В. Шимов // Новая экономика. – 2016. – № 2. – С. 213–218.
3. *Железняков, А. С.* Цивилизационные основания модернизации России / А. С. Железняков // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 186–191.
4. *Шемякин, Я. Г.* О пределах процесса глобализации / Я. Г. Шемякин // Общественные науки и современность. – 2017. – № 6. – С. 158–172.
5. *Валлерстайн, И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн; пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб. : Университетская книга, 2001. – 416 с.
6. *Салтанович, И. П.* Социокультурная среда как фактор формирования стратегий инновационного развития Республики Беларусь / И. П. Салтанович. – Минск : МГЛУ, 2017. – 92 с.
7. *Шарипов, А. М.* Культура – живое ядро цивилизации и смысл нации / А. М. Шарипов // Вопр. культурологии. – 2012. – № 9. – С. 23–27.
8. *Чумаков, А. Н.* Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем в современном мире / А. Н. Чумаков // Вопр. философии. – 2013. – № 1. – С. 35–42.
9. *Шугуров, М. В.* Инновационная культура в глобальном мире: проблема смысловых оснований глобального инновационного развития / М. В. Шугуров // Философия и культура. – 2012. – № 10 (58). – С. 19–31.
10. *Поелуева, Л. А.* Русская цивилизация перед вызовом истории: к вопросу о перспективах актуальных культурных стратегий / Л. А. Поелуева // Вопр. культурологии. – 2017. – № 2. – С. 29–34.
11. *Бондарь, Ю. П.* Национальная культура как основа устойчивости государства / Ю. П. Бондарь // Проблемы управления. – 2015. – № 2. – С. 20–24.
12. *Бондарь, Ю. П.* Культура политического мышления – достояние человечества / Ю. П. Бондарь // Беларуская думка. – 2018. – № 6. – С. 3–6.
13. *Захарова, Т. С.* Актуальность культурологических концепций Н. Рериха и С. Хантингтона в современном мире / Т. С. Захарова // Вестн. МГЛУ. Сер. 3, История, философия, социология, экономика, культурология, политология. – Минск, 2018. – № 17. – С. 152–157.
14. *Баранов, Н. П.* Мультикультурализм как образ жизни человечества XXI века / Н. П. Баранов // Идеи мультикультурализма и толерантности : сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Гейдара Алиева. – Баку : Бакинский Центр мультикультурализма, 2018. – С. 138–142.

15. Баранов, Н. П. Беларусь в современном цивилизационном процессе / Н. П. Баранов // Вестн. МГЛУ. Сер. 3. История, философия, социология, экономика, культурология, политология. – Минск, 2018. – № 17. – С. 43–49.
16. Рерих, Н. К. Семь великих тайн Космоса / Н. К. Рерих // Семь великих тайн Космоса: сочинения. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 959 с.
17. Рерих, Н. К. Шамбала / Н. К. Рерих // Шамбала. – Междунар. Центр Рерихов, 1994. – 207 с.

Поступила в редакцию 20.03.19

Д. В. Майборода

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ДИАЛОГИКЕ ДРУЖБЫ

Диалогика видит дружбу продуктом диалога и условием его продолжения, а также основой всякой подлинной общественности. Настоящая дружба (совпадающая с истинной любовью вне ее эротической составляющей) – утверждение максимальной ценности Другого при надежде на взаимность, посредством чего устанавливается взаимодействие как максимальное благо; при этом человек постигает себя в сосуществовании с Другим и через существование Другого. Это можно рационализировать как реципрокный альтруизм, имеющий вид альтруизма родственного, но этот образ искажает суть дружбы. Возникшие на основе дружбы институты гармоничны, но для их функциональности важно также диалогическое учреждение в них самостоятельности со свойственными ей критичностью и состязательностью.

В философии *дружба* имеет особое значение – греческое *филия* переводится не только как «любовь», но и как «дружба», а потому *философия* – «дружба с мудростью», а *философ* – «друг мудрости». Потому совсем не странно появление мысли «Платон мне друг, но еще больший друг – истина». Однако если любовь, мудрость и истина часто и глубоко анализировались в истории философской мысли, то того же нельзя сказать о дружбе, интерес к которой вспыхивал спорадически, в большей мере же эта тема отдавалась на откуп художникам, психологам, социологам, культурологам и даже биологам.

Художник пытается отразить суть дружбы, но вместо этого представляет искусственный образ, который выразительнее реальности, но не может ее подменить. Глупо постигать природу дружбы по «Трем мушкетерам», зато вполне разумно рассматривать это повествование как ключ к пониманию наших ожиданий в отношении дружбы. Искусство, и особенно ренессансная и романтическая литература – кладезь данных о человеческих идеалах и нормах дружбы, но было бы неоправданным идеализмом сводить постижение дружбы к анализу ее аксиологии. Научное же изучение дружбы сводит ее либо к эффектам, ею порождаемым (привязанности, взаимопомощи и единству), либо к биологическим или социокультурным контекстам ее складывания. Но изучение условий и последствий явления не равнозначно раскрытию его сути, хоть и необходимо для него.

Нет метафизики без физики, но нет метафизики и без выхода за пределы физики. Философия дружбы должна фундироваться конкретно-научными данными изучения ее условий и эффектов, но вместе с тем не может сводиться лишь к их аналитике. Наиболее очевидный пункт выхода за пределы эмпирики – подключение к тому диалогу о сути дружбы, который, так или иначе, имеет место в философской традиции.

В данной статье основной спектр исследования задается диалогизмом, для которого постижение подлинной дружбы особенно важно в той мере, в какой она считается непосредственно восходящей к диалогу и в то же время создающей возможности его возобновления. Экзистенциальный диалогизм видит дружбу как такой модус человеческого сосуществования, в котором обнаруживается подлинность жизни человека. Хайдеггеровская герметичная формулировка «слышание конституирует даже первичную и собственную открытость присутствия для его самого своего умения быть в качестве слышания голоса друга, которого всякое присутствие носит с собой» [1, с. 163]), говоря упрощенно, означает, что человек постигает себя, обнаруживая в себе Другого, принимаемого как близкого. Это постижение задает как обретение человеком подлинности существования, так и углубление понимания Другого в его конкретной значимости, что предопределяет формы действительной солидарности. Дружба закодирована в человеческом существовании как исток социальности от непосредственно межличностных объединений через семью и гражданское общество вплоть до государства и цивилизации как суперсистемы обществ, если только признавать за ними причастность к подлинному человеческому существованию.

Философия диалога не должна сводиться к целиком рационализированной системе высказываний, совершенно игнорирующей некую неявную составляющую сути дружбы, приоткрываемую лишь интуитивно в ее непосредственном переживании и проживании. Тайна дружбы – не обязательно мистична, она вполне может быть простым следствием недостатка имеющейся информации, принципиально восполнимым последующим рациональным осмыслением новой эмпирической информации. Правда, нельзя и просто так декларировать то, что нет ничего сверхъестественного в дружбе, так как данных для этой декларации также недостаточно. Зато вполне возможно утверждать, что существует в дружбе нечто такое, что не может быть адекватно описано сегодня без существенного отступления от принципов рациональной корректности описания.

В то же время нельзя и игнорировать значение рационального познания в той мере, в какой вне его велика вероятность подмены дружбы как предмета анализа ее художественными изображениями, повседневным приятельством или эротическими связями. Вместе с тем важно понимать, что эти феномены – модификация того, что относится к сути дружбы, а потому нельзя их полностью не учитывать. Постигание дружбы в ее сути подразумевает осознание конкретного значения приятельства и эротических отношений как феноменов сосуществования, и в этом осознании должны

сочетаться опытно-рациональные и феноменально-практические факторы. В установлении меры их участия в целостном постижении следует руководствоваться основными интенциями тематизации дружбы в истории философской мысли и культуры вообще. В смысле же реализации задачи создания наброска диалогии дружбы важно интерпретировать это через основные положения диалогизма.

Дружба – устойчивое взаимодействие с Другим (совмещающим в себе черты подобия и своеобразности) как другом. Друг – близкий Другой, отношения с которым ценны сами по себе, а не в силу их последствий. Аристотель отмечал, что если люди дружат ради пользы или удовольствия, то такая дружба быстро вырождается и даже не кажется дружбой, если только она не перерождается в дружбу ради самой дружбы, настоящую дружбу [2, с. 222–223]. Польза и удовольствие, в то же время, имманентны настоящей дружбе как важные ее составляющие, средства актуализации дружественности. Друг помогает другу не для последующего получения ответной услуги, а ради самой дружбы, которая вполне может выражаться в получении этой ответной услуги. Благо дружбы достигается только при преследовании интересов друга, причем таковое должно быть, по крайней мере, потенциально взаимным. Для дружбы недостаточно стремиться только к той пользе, которую получишь вместе с Другим, нередко требуется отказаться от своей пользы ради пользы Другого.

Эта особенность дружбы непосредственно связана с феноменом альтруизма. Наиболее отчетливо фиксируемый (и, возможно, изначальный) тип альтруизма – родственный альтруизм («кин-отбор»), стратегия обеспечения репродуктивного успеха родственников особи посредством жертвы собственным, определяемая коэффициентом родственности, удачно выраженная популярной формулой, приписываемой Дж. Холдейну: «я готов пожертвовать собой ради восьми кузенов или двух братьев». Дружба – далеко не только отношение родственников, хоть при этом и нельзя не видеть в ней некоторого отношения к родству, выражаемого понятием «братства». Дружба – идеализированное родство, понимаемое как связь не по крови, но по духу (по сходству культуры, в том числе в силу подобия биологических параметров подключения к ней – возраста, пола или темперамента).

В некотором смысле дружбой можно считать реципрокный альтруизм, которому придается форма альтруизма родственного. Реципрокный, или взаимный, альтруизм – стратегия обеспечения успеха других особей посредством жертвы особью собственным в расчете на аналогичный ответ (то, что в этике называется «золотым правилом нравственности» – «(не) делай другим то, что (не) хочешь, чтобы делали тебе»). Эта стратегия считается основой различных видов сотрудничества от симбиоза до развитых форм социокультурной жизни и может напрямую объяснять направленность на благо Другого в дружбе. Придание формы родственного альтруизма реципрокному означает усиление жертвенности и значимости Другого сверх некоторой меры.

Взаимный альтруизм трактуем как успешная стратегия «око за око» в решении повторяющейся «дилеммы заключенного», но такая расчетливость (даже в формах «око за два ока» или «око за око с прощением») кажется противной дружбе и более подходящей для организации эффективного экономического взаимодействия. Смещение от расчетливости к проявлениям немотивированного добра из интуитивной приязненности позволяет дружбе превзойти по социальному значению для общественной жизни даже справедливость (что отмечал Аристотель).

Суть дружбы несводима к рационально высчитываемой стратегии или наилучшему соглашению о сочетании стратегий для наиболее продуктивного взаимодействия. Глубокая приязненность дружбы – не просто доверие с возможностью прощения, но интуитивно полагаемая открытость другу в его уникальной конкретности, подразумевающая также и бескорыстное жертвование своими возможностями ради блага Другого. Но это не означает, что дружба – слепая самоотдача одного. В случае, когда реакция на дружественность – безразличие или манипуляция, дружба быстро разрушается, как будто она и была стратегией «око за око с двумя (тремя...) прощениями».

Подлинной своей формы интенциональность дружбы достигает при ответной дружественности, но поскольку такой баланс – крайне редкое событие (в том числе в силу сильного соблазна использовать друга как подвластного), то и подлинная дружба оказывается крайне редким явлением, практически чудом. Следует учесть, что этот баланс дружественности опять-таки не полагается рационально, но нащупывается интуитивно, хоть рациональность и позволяет фиксировать дисбаланс и прогнозировать гипотетические способы его преодоления. Интересно, что рациональность с присущей ей критичностью нередко способствует не преодолению дисбаланса, а, напротив, способствует окончательному разладу дружбы, вследствие чего дружба более присуща молодым людям (недаром в античности она считалась попечением Харит, богинь юности) и примитивным культурам, чем развитым интеллектуалам и современным рационализированным обществам. В этом смысле стоит особенно чутко прислушаться к высказанной в «Федре» платоновской идее, что мы ценим более то, в чем проявляется «божественное неистовство», а не только расчетливость (244a – 245b).

В отличие от экономически обоснованных стратегий дружба преследует цель не максимизации своей выгоды за счет наиболее удачно организованного взаимодействия, но достижения максимального совместного блага за счет жертв ради блага друг друга. Доверие, которое в экономической системе постигается как величина переменная, рационально измеримая и избираемая для конкретного взаимодействия, в дружбе предполагается как константа в ее максимальном значении, интуитивно постигаемом. Изменение доверия в дружбе означает ее кризис. Доверие в дружбе всегда максимально, но это не означает, что человек просто не понимает, что его друг может вести себя иначе. Друг – не машина, всегда воспроизводящая заданный алгоритм. Дове-

рять – значит полагаться на друга в том, что он всегда будет выбирать наилучшее для меня решение из осознания долга дружбы (а не, например, просто по привычке, или из-за только ожидания адекватного воздаяния).

Однако дружба – не служба, в соответствии с известной поговоркой, а значит, долг дружбы принципиально разнится с теми типами долга, что базируются на внешнем принуждении. В той или иной культуре вполне может содержаться правовая норма, в соответствии с которой предательство друга может вызывать тяжелые санкции, но это способствует подмене дружбы институционализированной общностью, в которой диалогичность отношений выхолащивается. Подобное происходит в отношении любви при правовой зарегулированности супружества – она исчезает, сменяясь просто операционным взаимодействием по предписанным регламентам.

В любви и дружбе важно добровольное принятие на себя долга вследствие стремления совершенствовать диалогичность взаимодействия как самоценного, а не просто по причине жажды законсервировать связь в формах с наилучшими функциональными показателями по отношению к другим феноменам. Как неверно говорить, что долг любви – размножение, сексуальное удовлетворение или решение демографической проблемы, так и ошибкой является сведение долга дружбы к обеспечению лучшего доступа к важным ресурсам, реализации потребности принадлежности или формированию социальных структур. Долг любви – сама любовь, что не отменяет того, что она может включать эротические удовольствия и рождение детей, которое потенциально благоприятно для развития общества. Аналогично и долг дружбы – сама дружба, которая тем не менее вполне может способствовать успеху в конкуренции за блага, иметь терапевтический эффект для психики или содействовать созиданию более сложных форм общественной жизни.

Ясно, что такой диалогический взгляд на суть любви и дружбы сильно их сближает, так что единственной спецификацией любви оказывается эротическая составляющая. Духовная любовь и дружба неразличимы. Любовь, в которой затухает эрос, становится дружбой, а дружба, в которой появляется эротическая составляющая, перерастает в любовь. Сказанное в целом соответствует тому, как взаимосвязь любви и дружбы представлялась в античности, прежде всего в диалогах Платона. У Пифагора и Эмпедокла филия – сила единения всего мира, всех существ как одновременно значимых, она противостоит разобщению, и эрос – лишь ее частное проявление. Платоновский эрос – стремление к прекрасному, которое по мере перерастания в дружбу порождает нечто бессмертное (в силу чего дружба ценнее любого другого взаимоотношения). В философии Платона также можно найти и другие значимые для философии дружбы идеи.

Платон в своих произведениях часто возвращается к проблематике филии и связанным с ней темам, а специально анализируется любовь-дружба в диалоге «Лисид» («Лисис»). В этом диалоге Платон (устаами Сократа) ставит под вопрос представления, что дружба-любовь подразумевает покорность, взаимность и подобие. Известная часть этой проблематизации опи-

рается на особенности древнегреческого языка, прежде всего поскольку филия сочетает в себе не только значение дружбы и любви (в том числе как страстного стремления и природной склонности, альтернативы фобии), но и родства, солидарности, единства. Именно в этом смысле лисидовский Сократ утверждает, что о дружбе можно говорить не только как о взаимной, но и как об однонаправленной – филия к детям, собакам, телесным упражнениям или к мудрости (философия) (212d).

Лисидовский Сократ также подвергает сомнению представление, что источник любви-дружбы – во влюбленном (стремящемся к дружбе), ведь поскольку филия – стремление к благу, тогда бы получалось, что источник ее – отсутствие блага, или зло. Но это представляется неприемлемым в первую очередь потому, что, как утверждает Сократ «Лисида», злой человек не дружелюбен ничему, находясь в разладе даже с самим собой, а затем – потому, что не само по себе зло направляет к благу, но нечто, что противится злу (и вообще идея того, что противоположности притягиваются, противна сократизму и платонизму). Потому в диалоге предлагается взгляд, по которому исходное состояние стремления – нечто среднее между добром и злом, а настоящим источником филии выступает благо, обнаруживающееся в том, к чему стремятся, в еще большей мере – в том, ради чего стремятся, и в меньшей мере – в том, кто стремится. Именно поэтому не подобие, а родство (по причастности благу) считается необходимым условием дружбы. Первоначало дружбы – «первично дружелюбное», дружелюбное само по себе, то, чему «дружелюбно» всякое производное дружелюбное, и это – благо как таковое (219d – 220e) [3, с. 336–337]. Недостаток блага может быть назван условием стремления к благу, но настоящий его перводвигатель – само благо, притягивающее к себе все родственное как его целевая причина. Следует также отметить, что дружелюбность-влюбленность как учреждение ценности любимого не означает покорности ему (в случае взаимодействия людей – позволения абсолютного произвола), но установление таких отношений, в которых дружелюбное-любимое достигает наилучшего своего проявления, значимого не только для самого друга-влюбленного, но и для всех вокруг (207d – 210d).

Выраженные в «Лисиде» взгляды содержит ряд ценных идей, способных прояснить и обогатить диалогическую аналитику дружбы. В о - п е р в ы х, это касается асимметрии дружбы. Несмотря на то, что дружба часто описывается как взаимосвязь равных, само по себе это равенство – не исходная реальность дружбы, а нечто, что в ней утверждается. Даже если пренебречь тем, что ни один человек не может быть назван в абсолютном смысле равным другому, всякий диалог подразумевает постоянное изменение ценности Я и Другого в зависимости от того, кто в тот или иной момент ведет диалог, а кто является ведомым. О равноценности можно говорить лишь во взаимодействии, взятом как целое, и только поскольку собеседники ее солидарно учреждают.

При этом равноценность создается не непосредственно, а благодаря тому эффекту балансировки, который возникает вследствие придания значимости друг другу. Взаимная забота сглаживает практически любую асимметрию позиций. Дружба старших/вышестоящих с младшими/нижестоящими вполне возможна, когда друзья в их заботе о благе друг друга тем совместно конституируют равноценность как значимый фактор для взаимоотношения. И именно это с древности пытались выразить, утверждая подобие (или подобие в добродетели) как основу дружбы, даже когда это было очевидно неадекватно конкретным статусам друзей. Дружба – не математическое равенство тех или иных качеств друзей, но их духовное родство, проявляющееся в равной причастности благу (именно это Аристотель называл подобием друзей в добродетели).

Во-вторых, идеи «Лисида» позволяют подметить интересные особенности моральности дружбы. Даже если не соглашаться с лисидовским Сократом в том, что плохие люди принципиально не способны дружить, придется все же принять, что дружба даже среди негодяев – нечто ценное, и более того, в той мере, в какой люди дружат, они причастны благу, даже если в иных аспектах они и далеки от него. Но это, конечно, не касается союза ради удовольствий или достижения пользы, но самоценной дружбы, достигаемой посредством ограничения эгоизма в интересах достижения блага Другого. Если плохой человек отказывается от своих интересов ради Другого, он перестает быть столь плохим. Правда, когда этот отказ вынужден, он – не морален. Друг – не машина и не раб, друг – тот, кто создает себя как друга по своей воле, направляемой признанием ценности дружбы. Платоновский идеализм отчасти прав – без идеи дружбы истинная дружба невозможна. Но правота эта ограничена, поскольку дружба как только рациональный конструкт несостоятельна.

Это связано с тем, что дружба является развитием того типа отношений, который обнаруживается уже среди животных. Эмоциональное единство индивидов, создаваемое совместной игрой и кооперацией для функционально значимых процессов жизни, реципрокным альтруизмом, не может быть названо настоящей дружбой, но содержит в себе ее исток. Рационализация этого единства порождает дружбу, но чрезмерная идеализация ее уничтожает, и точно то же происходит, когда идеализируется лишь один из ее аспектов (достижение цели и удовольствие, общность и сходство, знание друг друга и даже симпатия). Дружба – единство всех этих условий, и именно поэтому она столь редко встречается, как это отмечал М. Монтень.

Платоновская философия содержит в себе еще одну чрезвычайно важную для диалогического осмысления дружбы идею. Это – представление, что познать себя по-настоящему можно только через друга. В «Алкивиаде I» утверждается, что понять себя можно, только увидев свою мысль в размышлении Другого (133b), которое открывается в подлинном диалоге с ним, в таком взаимодействии, которое и знаменует собой настоящее единение, подлинную дружбу. Конечно, экзистенциальный диалогизм требует коррек-

ции этой формулировки: я постигаю себя, обнаруживая себя не только в мысли Другого, но – во всем его существовании с уникальным переживанием меня; я также постигаю себя, обнаруживая самого Другого в его уникальности, которую я никогда не могу ни помыслить, ни почувствовать полностью. Именно это и имелось в виду в приведенной выше формулировке Хайдеггера, и именно это и есть настоящая дружба, подлинный диалог в его устойчивом установлении, которое – основа всякой действительной общечеловеческой ответственности.

Сказанное позволяет разрешить спор тех, кто утверждает, подобно Цицерону и более поздним эстетистам, что настоящая дружба согласна государственному строю, и сторонников взгляда, что истинная дружба – вне политики или даже противна ей (Гай Валерий Катулл и последующие либерально и религиозно настроенные мыслители). Когда государство возникает из корня дружбы, сохраняя присущие ей особенности, политические институты и истинная дружба в нем будут гармонически сочетаться, если же система власти построена на отчуждении и порабощении, то она будет ниспровергать дружбу. Поскольку реальное государство организуется как дружба одних против других, то оба названных взгляда истинны, но в отношении определенных точек отчета.

Конечно, идеально дружеское общество – такая же утопия, как и абсолютно разобщенное общество. И это не случайно – стоит вдуматься в то, почему именно некоторые особенности того и другого кажутся антиутопическими. Сильное дружеское общество не позволяет индивидуальности раскрыться иначе, как только во взаимодействии с друзьями, что сильно препятствует развитию не только индивида, но и всего общества. Этот «перекос» ярко проявляется в традиционных культурах. Разобщенное общество, напротив, склонно к нестабильному развитию с постоянными кризисами и провалами, что свойственно современным культурам. Ясно, что полностью разобщенное общество тут же распалось бы, тогда как общество тотальной солидарности лишило бы людей в нем их человеческой сущности, превратив их в «винтики». В реальном обществе равно необходимы дружба и свобода, как и в диалоге – дружественность и критичность. То, что в диалоге учреждается солидарность, не значит, что в диалоге утверждается только она, ведь диалог – также и утверждение самостоятельности.

В противовес дружбе диалог устанавливает и неустойчивость, обуславливающую развитие и способствующую приспособлению к изменениям, постоянно происходящим как в индивидах, так и в окружающем мире. Это также предохраняет от ниспадения дружбы в свойственную романтизму иллюзию интимного духовного родства, противостоящего грубой реальности. Суть настоящей дружбы лучше отражает замечание А. Мальро, что друзья – лучшие воспитатели, потому что они безжалостны. Подлинная дружба учреждается в диалоге так, что она подразумевает баланс единства и различия, солидарности в самостоятельности, ответственности и свободы.

Таким образом, диалогика дружбы, учитывая данные наук, опыты искусств и философскую традицию, рассматривает дружбу как конститутив диалога и условие его продолжения, а также основу всякой подлинной общности. Дружба – устойчивое взаимодействие с Другим, в котором утверждается его максимальная ценность при надежде на взаимность, посредством чего взаимодействию придается свойство максимального блага. Дружба подразумевает не математическое равенство тех или иных черт друзей, но их единство в ориентации на благо, важным аспектом которого выступает постижение своего подлинного существования в сосуществовании с Другим и через его существование. Несмотря на то, что это можно рационализировать как реципрокный альтруизм, которому придается видимость альтруизма родственного (или стратегия решения повторяющейся дилеммы заключенного «око за око с двумя (тремя...) прощениями»), настоящую дружбу нельзя свести к такой рациональной конструкции, поскольку для самой ее сути важно переживание вовлеченности в практическое взаимодействие. Так постигнутая дружба совпадает с феноменом любви, в котором эротическая составляющая не имеет определяющего значения. Возникшие на основе так учрежденной дружбы социальные и политические институты гармоничны, но для их развития и выживаемости в условиях агрессивной среды важна также учреждаемая диалогом свобода с присущими ей критичностью, установлением различий и состязательностью. В силу этого диалогизм постулирует необходимость баланса дружбы и самостоятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Академ. проект, 2013. – 460 с.
2. Аристотель. Соч.: в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1983. – Т. 1. – 830 с.
3. Платон. Собр. соч.: в 4 т. / Платон. – М. : Мысль, 1994. – Т. 1. – 860 с.

Поступила в редакцию 29.03.19

И. П. Салтанович

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЛОВУШКИ НА ПУТИ ИННОВАЦИЙ

В статье исследуется социокультурный контекст инноваций в Республике Беларусь. Определяются понятие социокультурной ловушки, риски попадания в нее. Первичным в данном направлении является вопрос о реакции социума на распространение инноваций, которые сопровождаются или сталкиваются с социальными изменениями, связанными с социальной структурой и культурными особенностями различных сред. Анализируется белорусское общество, присущие ему черты постсоциализма через характеристики идентичности, патернализма, отношения к инновациям и других. Учитывая особенности современного белорусского общества, возможным мощным стимулом инновационного развития, выходом из социокультурных ловушек рассматривается креативная экономика.

Мир стоит на пороге шестого технологического уклада, о котором в Беларуси говорить рано, так как его доля в экономике страны составляет меньше 5 %, около 50 – 60 % – это четвертый уклад, 30–40 % – пятый (по оценке председателя Президиума НАН Беларуси В. Гусакова) [1]. Республика, опираясь на человеческие ресурсы, созданную социально-экономическую и духовную базу, исключительно выгодное географическое положение, обладает уникальными возможностями для осуществления задач, которые диктует современный этап в истории человечества. Переход Беларуси к шестому технологическому укладу не самоцель, а скорее вопрос выживания, развития экономики, достижения высокого уровня благополучия людей, на что и нацелены преобразования в стране, для осуществления которых нужны лишь политическая воля и, разумеется, время. Время, потому что при институциональном проектировании реформ, способствующих инновационному развитию и экономическому росту, в Беларуси, как ни в какой другой постсоветской стране, актуализируются риски социокультурных ловушек, процессов, когда ценностные установки группы реформаторов – людей, обладающих высокой восприимчивостью к инновациям и в то же время имеющих национальный масштаб самоопределения, – вступают в конфликт с ценностями более широких общественных групп, не поддерживаются ими на социокультурном поле.

Само понятие *социокультурная ловушка* тесным образом связано с теорией институциональных ловушек, с социальными или поведенческими ловушками, вобрав в себя некоторые черты инверсионной ловушки. При этом социокультурная ловушка имеет достаточно специфическую характеристику.

Исторически теория институциональных ловушек берет свое начало в публикации В. М. Полтеровича [2], в которой автор раскрыл роль трех групп факторов возникновения ловушек: фундаментальных, организационных и социетальных. И именно третья группа дает одну из граней социокультурной ловушки – факторы, отражающие сложившиеся ожидания и стереотипы социального взаимодействия.

Определение, данное Дж. Платтом в 1973 г. в работе, посвященной социальным ловушкам [3], основанное на анализе и выводах автора и его коллег Дж. Кросса и М. Гайера, с социальной стороны расширяет понятие *социокультурная ловушка* характеристикой ситуаций, когда индивидуумы или группы выбирают некую линию поведения, которую затем бывает очень трудно изменить. Исходя из классификации на ловушки и контрловушки, последние, говоря словами исследователей, возникают, когда мы избегаем потенциально выгодного поведения [4].

Отчасти мы можем заметить и проявление инверсионной ловушки как результат стремления людей утвердить через инверсию исторически сложившийся нравственный идеал, не замечая, что социальные условия существенно изменились, что приводит к возрастанию социокультурного противоречия, к неожиданным результатам и к быстрому нарастанию

дискомфортного состояния. Инверсионная ловушка проявляется как в управленческих решениях, так и на обыденном уровне, когда поиск разумных решений подменяется бездумной архаичной схемой (штурмовщина).

До сих пор спорным потенциальным стимулом инноваций для определенного ряда ученых является культура. При этом число исследований, связывающих культуру с уровнем предпринимательства и инноваций, продолжает расти. Американский социолог Л. Харрисон, автор книги «Culture Matters» («Культура имеет значение»), пытается ответить на один из самых интригующих вопросов всемирной истории – почему одни государства процветают, в то время как другие остаются экономически неразвитыми? Он считает, что ответ надо искать в культуре, во влиянии культурных различий и ценностей на экономику и, как следствие, на благоденствие наций [5].

На пути развития человечества наследственный культурный фактор имеет ключевое значение, будучи своего рода генетическим кодом, именно он способствует появлению колоссальных различий в культурах разных народов. «Культурный код – это бессознательный смысл той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна в контексте культуры, в которой мы воспитаны» [6, с. 2]. Разность культур, в свою очередь, может привести к появлению сообществ людей, имеющих свои неповторимые врожденные способности. Способ отличить культурные предпочтения от прочих – согласиться, что культура производится в ходе коллективных социальных процессов [7], поэтому люди, принадлежащие разным культурам, по-разному адаптируются к реалиям современной экономики, а это в свою очередь предопределяет первостепенную составляющую социокультурной среды и одну из важнейших граней социокультурной ловушки.

В итоге мы получаем интегральное понятие, характеризующее некоторые (определенные) периоды субъективной субкультурной гетерогенности, готовности, возможности или торможения инновационных изменений на определенной территории. Понятие социокультурной ловушки может помочь нам разобраться не только в том, какие факторы и причины способствуют ее появлению, но и каковы пружины ее раскрытия и исчезновения.

Неравномерность реформ в Беларуси может стать причиной возникновения ловушек, в том числе социокультурных. Направление реформ, их темпоритм должны соответствовать социокультурной среде, на которой реформы осуществляются. Иногда слишком медленные или слишком быстрые прогрессивные преобразования приводят к дезавуированию самих преобразований и равнозначны неудаче; результаты реформ не должны заставлять себя ждать слишком долго, ибо это ведет к потере доверия широких слоев населения.

Социокультурные факторы включают в себя многообразие неформальных институтов, связанных с ценностями и поведенческими установками, разделяемыми белорусским обществом и медленно меняющимися во времени; традиции, безусловно, имеющие, прежде всего, социокультурную

природу, как «факт сознания» – застывший и неизменный элемент «коллективной памяти»; культурный генетический код. Белорусское общество в силу своих социокультурных особенностей инерционно (постсоветский синдром), что значительно ограничивает возможности по проведению институциональных трансформаций, воздействуя как на скорость их осуществления, так и на саму возможность их реализации, поэтому отдельные преобразования могут блокироваться или не восприниматься населением.

Эффективность социума зависит от действующих институтов («правил игры»). Если имеет место институциональное нововведение и исходные институты меняются, то людям нужно время и ресурсы (усилия, деньги, технологии), чтобы адаптироваться к произошедшим изменениям для сохранения прежней эффективности системы. С одной стороны, институты снижают неопределенность относительно результатов и поведения людей, с другой — они также «определяют и ограничивают набор альтернатив, которые имеются у каждого человека» [7]. Соответственно, чем больше «плотность» институциональных перемен и период, в течение которого они происходят, тем больше у населения адаптационные издержки [8], социокультурная подложка не является еще той эффективной почвой, на которой будут активно произрастать инновационные всходы.

Источник и усилитель инновационных процессов – культура, но инновационный потенциал культуры может реализоваться только там, где созрели благоприятные для него объективные обстоятельства (социальность) и субъективные факторы (индивиды, способные воспринять и поддерживать эту культуру). Отправной точкой, главным критерием в данном случае является отношение белорусов к инновациям.

Как показывают результаты опроса (2017) Центра европейской трансформации (ЦЕТ) «Социальная база программ трансформаций в Беларуси», уровень знания инновативов из социальной и культурной сферы не преодолевает 20-процентного барьера. Большой известностью обладают инновативы технической сферы, новшества же в социальных, трудовых, культурных отношениях (даже такие достаточно давно практикующиеся в Беларуси, как фриланс) имеют довольно ограниченный круг употребления [9, с. 19]. Эта закономерность коррелирует с общей ситуацией инновационного развития в глобальном контексте. Интеллектуалы и аналитики во всем мире отмечают запаздывание не то что социальных инноваций (как уже реализованных новшеств), но даже и осмысления социальных последствий бурно развивающегося технического прогресса, а также рисков, которые встают перед мировым сообществом в связи с этим.

Учет социокультурного профиля населения, анализ интенсивности инновационного поведения, использования разного рода новых (и сравнительно новых) услуг, а также образовательных практик показывает, что, во-первых, технические и товарные инновации и услуги более востребованы, чем социальные и образовательные, во-вторых, что традиционные формы «пот-

ребления» образования и культуры по-прежнему превалируют над новыми. Одновременно с этим очевиден имитационный характер некоторых как бы уже идущих процессов реформирования.

Рыночная экономика и соответственно мышление, способствующее встраиванию в современный формат, предполагающий инновационный посыл, еще только формируется на белорусской почве в силу временного пути и противодействия культурного кода, то есть невыстроенности инновационной социокультурной среды. Это подтверждается и выводами Исследовательского центра «Исследования. Прогнозы. Мониторинг» (ИПМ), в которых нынешнее положение в Республике Беларусь объясняется в первую очередь тем, что приверженцы рыночной экономики видят больше противоречий между их представлениями о должном и современной белорусской реальностью, что и приводит их к некоторому разочарованию в происходящем (рис. 1, 2) [10, с.14].

Гордятся ли респонденты Беларусью в зависимости от их системы экономических ценностей

Рис. 1. Показатель отношения респондентов к стране (экономика), %

Гордятся ли респонденты Беларусью в зависимости от уровня государственного патернализма

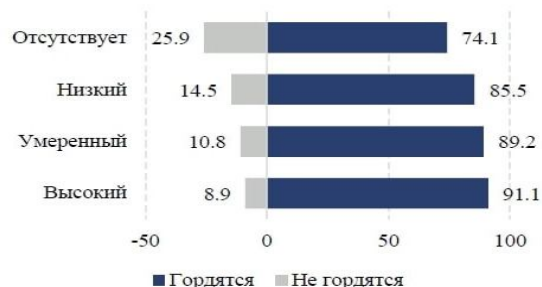

Рис. 2. Показатель отношения респондентов к стране (патернализм), %

Важным фактором развития Беларуси и единственной возможностью занять достойное место в глобальном мире является наличие в стране человеческого ресурса. Парадоксы постсоциализма проявляются в распространенности и характере советской идентичности, которая в начале 2000-х годов рассматривалась исследователями как «исчезающая», а по данным исследования (2017) ЦЕТ «Социальная база программ трансформаций в Беларуси» в количественном отношении остается на прежнем уровне, но меняются ее характеристики. Носители советской идентичности в среднем становятся «моложе», «образованнее» и «урбанизированнее», при этом сохраняя старые поведенческие стереотипы [9, с. 49].

При этом открытость общества к восприятию и реализации технических и социальных инноваций, человеческие качества и профессиональная квалификация, позволяющие участвовать в глобальных процессах, определяют потенциал развития страны в ближайшем будущем. Наличие политической воли и запуск процессов реформ в различных сферах может актуализировать этот потенциал. Следовательно, необходим поиск специфических, особенных механизмов поворотной спирали, чтобы социокультурная ловушка не захло-

пывалась, а раскрывалась с целью из ныне имеющейся сложной реальности выстроить конструктив, способный кажушиеся недостатки постсоциализма превратить в достоинства, помогающие поступательному развитию.

В различных вариантах мы можем наблюдать активное участие руководства стран в поддержке инноваций. Например, немецкое правительство в XIX веке представляло собой подходящий пример «государства развития», которое серьезно вмешивалось в развертывание ключевых отраслей промышленности (например, химической), рассматриваемых как важные столпы более широкого экономического становления, также и Соединенные Штаты усердно формировали ключевые отрасли.

То, что отличает Китай от предыдущих исторических примеров, – это более глубокое знание сопутствующих параллельных событий в истории и более высокий уровень общей координации политики в китайской системе, сочетающей элементы социалистической и свободной рыночной политики. В Китае развиваются разные формы собственности при доминировании социалистической. Таким образом, сочетание рыночного стимулирования и жесткое участие государства делают Китай уникальным в истории, поскольку контроль правительства охватывает почти все сферы деловой активности, что делает его важным участником всех инновационных мероприятий в разных отраслях. Похожая ситуация и в сегодняшней Беларуси.

В современных условиях Китай стремится заявить о себе как новый центр «мягкой силы», разработка и внедрение технологий которой является частью целенаправленной долгосрочной политики государства. Культура занимает все более важное место в соперничестве между странами, крупные государства целенаправленно наращивают «мягкую силу» культуры ради повышения своей международной конкурентоспособности. Автор теории «мягкой силы» – политолог Дж. Най, в прошлом высокопоставленный чиновник Госдепартамента и военного ведомства США, обрел в Китае невиданную известность. В изначальной трактовке Найа эта теория опиралась на три ресурса – культуру, политические ценности и внешнюю политику [11]. На XVII съезде КПК тема «мягкой силы» была включена в раздел, посвященный развитию культуры, а не внешней политики. С того времени нормативная китайская трактовка «мягкой силы» стала «культуроцентричной», то есть создание и развитие инновационной социокультурной среды превратилось для государства в одну из приоритетных задач [12]. В итоге в КНР создана успешная незападная политико-экономическая модель, неотъемлемой составляющей которой является государственное регулирование рынка и постепенное (не шоковое!) распространение рыночных механизмов в экономике.

Конечно, отдельные элементы китайских реформ или их комбинации уже встречались в XX веке в мировой истории в странах этого же региона (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур). Однако ближе всего китайские реформы находятся к советскому НЭПу. И это принципиальный момент с точки зрения использования собственного исторического опыта для реформирования Республики Беларусь на современном этапе.

Важно описать места и формы, в которых «живут» инновационное поведение и установки на инновации в Беларуси сегодня. Похоже, это отрасли, особенно тысячи малых и микропредприятий, которые находятся на переднем крае творчества и могут иметь не только растущее экономическое значение, но в некотором смысле являются предвестниками нового экономического порядка, обеспечивающего новую парадигму организации бизнеса, понимания и «развертывания» образования, оценки значимости труда и карьерного роста.

Как можно адаптировать социальную среду, чтобы создать условия для появления наиболее продуктивных социальных групп, институтов, способных воспользоваться в наилучшем варианте в своих интересах эффектом от инноваций? В первую очередь мы должны исследовать, как социум реагирует на распространение инноваций. Вместо того, чтобы определять, какое влияние оказывают инновации, мы должны рассмотреть, как двигаться к новым производственным практикам, индуцирующим инновации или специализирующимся в тех видах производства, которые имеют сильный потенциал развития либо создают социальные условия, позволяющие внедрять инновации [13].

Как было сказано выше, распространение изменений (новаций) сопровождается или сталкивается с социальными изменениями, связанными с социальной структурой и культурными особенностями различных сред. Эти изменения напрямую зависят от возможности постсоциалистического социума приспособиться к техническому прогрессу, технологическим изменениям, вызванным различными типами инноваций, и адаптировать их таким образом, чтобы создать условия для генерации инноваций как потенциала последующего экономического роста, опираясь на преимущества «остаточного советского мышления».

В Беларуси риски попадания в социокультурную ловушку достаточно велики. Выход из данной ситуации только один – использование накопленного потенциала человеческого капитала (пусть и с постсоветскими «издержками») с собственным разворачиванием инновационной спирали, в первую очередь, с опорой на актуальное образование без попытки приукрашивания, с одной стороны, и бесконечного понукания – с другой. Площадка для раскручивания спирали формируется: это и молодой сектор малых и средних предприятий, ИТ-сектор (ПВТ), однако оставшиеся с советских времен институты промышленного, сельскохозяйственного, а особенно социального секторов «засасывают», «замыливают» творческие инициативы непониманием и невозможностью их реализации.

Заметим, что в развитии инноваций есть несомненная временная логика. Инновации, которые обновляют промышленный потенциал в определенное время, появляются всегда за несколько десятилетий (точнее, за тридцать лет) до видимого эффекта. Примерно таков естественный период «приспособления» научного достижения к практическим потребностям. Для Беларуси это

означает, что страна имеет еще актуальный инновационный задел, накопленный поздней советской наукой и «оборонкой». Его и надо использовать при создании точек инновационного роста экономики.

Еще одна грань социокультурной ловушки проявляется в государственном патернализме, который, с одной стороны, обеспечивает некоторую стабильность и предоставляет социальные гарантии, с другой – поддерживает малоинициативный образ мышления и в целом жизни. Так, по результатам исследования ИПМ достаточно широко среди населения Беларуси распространено мнение о том, что лучше иметь меньшую зарплату с гарантированной работой (39,1 %), но не иметь рисков, которые неизбежно связаны с инновационной активностью [10, с. 12].

Если люди не склонны к риску, то для своих инвестиций они выберут понижающие риск социальные схемы [7]. Осторожность и малое желание «высовываться» связано с присущим достаточно большей части населения страны стереотипом поведенческой беспомощности, корни которого кроются в советском прошлом. Привычка искать и иметь поводыря, а то и жесткого авторитарного лидера, который укажет, расскажет и накажет за нерадивость, – одна из причин попадания в ловушку. Это во многом связано со склонностью предприятий уходить от риска, а также с многочисленными препятствиями на пути творчества инноваторов, «канцелярщиной», волокитой. Подобные помехи отрицательно влияют на координацию усилий, людские ресурсы и правовую сферу, что в итоге ограничивает возможности превращения научных прорывов и технологических достижений в коммерческий успех.

Уровень патернализма является одним из звеньев общей системы ценностей человека и связан с его внутренними убеждениями и мотивацией. Те, кто предпочитает стабильность развитию и гарантии риску, как правило, не готовы брать на себя ответственность и проявлять инициативу.

Как следует из таблицы, общий уровень ожиданий населения по каждому из перечисленных пунктов очень высок – не менее 87% респондентов считают, что государство должно делать все из приведенного списка.

Что государство должно делать и что оно действительно делает [10, с. 12].

	Должно	Делает
Давать возможность зарабатывать	99.6	42.6
Обеспечивать льготы, пособия	95.4	62.9
Обеспечивать пенсию	98.9	65.7
Выплачивать высокую стипендию	87.8	27.6
Обеспечивать бесплатное среднее образование	96.7	68.0
Обеспечивать бесплатное высшее образование	88.7	39.2
Обеспечивать качественное медицинское обслуживание	98.4	41.5
Защищать от криминала	98.6	69.2
Гарантировать трудоустройство	95.3	14.6
Обеспечивать бесплатное медицинское обслуживание	95.9	55.8
Гарантировать соблюдение законности, чтобы в случае проблем я мог решать проблемы через суд	97.1	58.5
Обеспечивать соблюдение работодателями обязанностей перед работниками	98.0	52.8
Обеспечивать возможности для предпринимательской деятельности	93.8	41.3
Помогать при покупке жилья, давать льготные кредиты	94.0	41.3

Источник: Исследовательский центр ИПМ.

Хотя такой высокий уровень ожиданий от государства говорит о высоком уровне патернализма, но его прямой анализ показал, что он невысок. В связи с этим здесь может возникать внешний фактор ожиданий, который самим государством и создается, при этом значительная часть респондентов отмечает в качестве проблемы и неготовность к реформам как белорусских властей (41,4 %), так и общества в целом (44,9 %) [9, с. 88].

По данным исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси, ценности, задающие самый широкий спектр социальной активности и представляющие не столько индивида или малую социальную группу, сколько общество в целом (карьера, высокое положение в обществе – 8–10 %: творчество – 5 %; общественное признание, известность, репутация – около 3 %), занимают периферийное положение в шкале предпочтений белорусов, что весьма показательно для нашей страны [14].

Существуют и положительные тенденции, произошедшие за последнее десятилетие. Так, доля людей, разделяющих ценности рыночной экономики полностью или частично, в 2018 году составила 46,8 % , что на 10 % выше результатов 2008 года, несколько снизилось количество приверженцев плановой экономики. Видимые сдвиги показывают, что необходимо направленно и очень точно стараться выстраивать инновационные стратегии и инициативы, иначе «разговорный процесс» может затянуться на многие десятилетия [15, с. 28].

Исследование, проведенное ЦЕТ, позволяет описать белорусский социум как довольно сбалансированный в отношении к инновациям, с довольно специфическими, «парадоксальными» чертами, выраженными в «ренессансе» советской идентификации с незавершенными процессами десоветизации [9, с. 93]. Но опыт Китая демонстрирует, что казалось бы недостатки («неискоренный социализм») можно при вдумчивом и грамотном подходе обернуть во благо и результат. Беларусь не Китай, но некие общие схемы и механизмы можно найти и выявить именно в социокультурном поле. Очень точные стрелы, направления удара в формировании инновационно-восприимчивой среды не дадут возможности захлопнуться социокультурным ловушкам инноваций в нашей стране.

Социокультурная ловушка – разомкнутая система. Основной вопрос заключается в том, как сделать так, чтобы общество восприняло инновацию, которая стала бы для нее органичной, и оно понесло бы эту инновацию дальше. Ведь можно привести какую-то модель извне, можно создать некие институты, можно выделить немалые средства, можно начать развивать определенные направления, но все они никак не будут связаны с остальной инфраструктурой. В нашей инновационной политике такая связь в принципе предусмотрена слабо.

Новое экономическое развитие требует творческих навыков и мыслей, их порождающих, поскольку повышения производительности уже недостаточно для создания конкурентного преимущества. Креативность с опорой на культурный базис является мощным средством переворота норм и принятых

правил с целью выделиться в условиях интенсивной экономической конкуренции. Поскольку запас человеческого капитала сложнее увеличить, чем физический запас в сообществе или стране, население с большим запасом человеческого капитала может превзойти тех, у кого он ниже с точки зрения их способности для создания предпринимательского таланта, стимулирующего инновации (Шульц, Беккер, 1979).

Самое важное в этом случае – каким образом инновационные программы усваиваются обществом. Можно собрать гениальных ученых, замечательных чиновников, прекрасных экспертов, придумавших, как осуществить прорыв через инновации, но эти инновации не получают поддержки со стороны общества или, что еще хуже, будут полностью им отторгнуты.

Значит, дело не только в инновационной политике, которая должна касаться лишь технологий и вопроса о том, куда направить деньги. Важно представлять, как эту инновационную политику выстроить на том социальном каркасе, который имеется у общества. Это, в свою очередь, предполагает необходимость понимания механизмов, лежащих в основе развития белорусского общества.

Строительство креативной экономики может являться одним из основных вопросов инновационной политики Республики Беларусь, способом выхода и непопадания в социокультурные ловушки. Чтобы решить данную проблему, необходимы системный подход и широкое сотрудничество на правительственном уровне и в регионах (местные органы власти, региональные консорциумы, местные государственные учреждения, компании, культурные организации и т.д.), а также строительство концепции национальной инновационной системы как основного элемента политики в сфере науки и технологии.

При высоком уровне инновационной культуры общества в силу взаимокорреляции, взаимозависимости ее частей изменение одной составляющей вызывает быстрое изменение других. В условиях же инновационной стагнации необходим мощный организационно-управленческий и правовой импульс, чтобы заработали механизмы саморегулирования. Для этого требуется институционализация креативной экономики, инновационной культуры, т.е. превращение ее развития в организованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, правилами поведения, ответственностью участников. Речь идет не о забюрокрачивании деятельности, а о необходимых мерах консолидации, поскольку нужно в короткие сроки решить крупные общественно значимые вопросы.

Приоритетом будущего развития Республики Беларусь должна стать креативная экономика и творческие индустрии как важнейшая составляющая экономики, а основными компонентами успеха – гибкость в принятии решений и открытость инновациям. Создание и поддержка творческих индустрий – это катализатор поиска оптимального выхода из экономического кризиса, связанного с реструктуризацией и модернизацией экономики страны, ростом конкурентоспособности; поиском новых управленческих

кадров, методов, идей; подготовкой высокообразованной рабочей силы и, как следствие, формированием идентичности и нового имиджа, решением социальных задач.

Государство должно в первую очередь вкладывать самые большие ресурсы в создание «социального капитала» посредством социальных инноваций как основы формирования инновационной культуры Беларуси. К социальным инновациям относятся все новые социальные системы, помогающие в решении существующих социальных, культурных, экономических задач, что сведет к минимуму риски попадания в социокультурные ловушки.

Организационные, технологические и социальные инновации в результате продуманных решений должны становиться нормой в белорусском обществе, продуцируя постепенные социальные изменения и поступательный экономический рост. В экономическом развитии социальные инновации добавляют то дополнительное измерение, которое способно помочь поддерживать все направления, обеспечивая социальный капитал, необходимый для экономического и социального роста в рамках Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. Общество постепенно переходит от товарной экономики к интеллектуально-творческой. Без умения сбалансировать когнитивно-креативный потенциал с товарными рынками, без создания среды для инноваций мы не будем иметь шансов на успех.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Германович, И.* В XXI веке – веке биотехнологии – важно не отстать от лидеров / И. Германович [Электронный ресурс] / СБ, 30 сент. 2014. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/v-xxi-veke-veke-biotekhnologii-vazhno-netstat-ot-liderov.htm>. – Дата доступа : 20.01.2019.
2. *Полтерович, В. М.* Институциональные ловушки и экономические реформы / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. – М., 1999. – Т. 35. – № 2. – С. 1–37.
3. *Platt, J.* Social Traps / J. Platt // American Psychologist. – US, 1973. – № 28 (8). – P. 641–651.
4. *Плаус, С.* Психология оценки и принятия решений: пер. с англ. / С. Плаус. – М. : Информ.-издат. дом «Филинь», 1998. – 368 с.
5. *Harrison, L. E.* Culture matters : how values shape human progress / L. E. Harrison, S. P. Huntington. – N. Y. : Basic Books, 2000. – 348 p.
6. *Рапай, К.* Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему / К. Рапай. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. — 167 с. – (Сер.: Сколково).
7. *Бёгельсдейк, Ш.* Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности / Ш. Бёгельсдейк, Р. Маселанд. – М.; СПб: Изд-во Ин-та Гайдара; Междунар. отношения; Ф-т свободных искусств и наук СПбГУ, 2016. – 446 с.
8. Институциональные и технологические ловушки: калейдоскоп идей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://kapital-rus.ru/articles/article/institucionalnye_i_tehnologicheskie_lovushki_kalejdoskop_idej/. – Дата доступа : 04.01.2019.

9. Шелест, О. Социальная база программ трансформаций в Беларуси / О. Шелест. – Минск : Центр европейской трансформации, 2017. – 153 с.
10. Урбан, Д. Культурные и религиозные ценности населения Беларуси в 2018 году / Д. Урбан. – Минск : Исслед. центр ИПМ, 2019. – 38 с.
11. Борох, О. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» / О. Борох, А. Ломанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643>. – Дата доступа : 09.01.2019.
12. Шабалов, М. П. Основы культурной политики Китая / М. П. Шабалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sec.chgik.ru/osnovyi-kulturnoy-politiki-kitaya-2/>. – Дата доступа : 10.01.2019.
13. Lévesque, B. La nouvelle sociologie économique / B. Lévesque; F. Lévesque. – Paris : Desclée de Brouwer. – 2001. – P. 284.
14. Лашук, И. В. Социокультурная дифференциация современного белорусского общества / И. В. Лашук // Социологический журнал. – 2011. – № 4. – С. 31–53.
15. Урбан, Д. Экономические ценности населения Беларуси в 2018 году / Д. Урбан. – Минск : Исслед. центр ИПМ, 2019. – 37 с.

Поступила в редакцию 06.05.19

Н. Г. Севостьянова

**«НЕ БУДЕМ ПРОКЛИНАТЬ ИЗГНАНИЕ»:
ОСНОВНЫЕ ИДЕИ Н. А. БЕРДЯЕВА
В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

В статье рассмотрены основные идеи историософии и моральной философии Н. А. Бердяева, сформулированные им в условиях вынужденной эмиграции из советской России. На материале философской автобиографии и ряде работ мыслителя обозначены «русская идея» как жанр отечественной философии, а также идеи христианские, свободы и творчества, теодицеи и смысла жизни человека. Акцентируется духовно-нравственная миссия философа, реализованная в многочисленных трудах и жизненном подвиге.

«Не будем проклинать изгнание» – это утешительное высказывание В. В. Набокова (1899–1977), русско-американского писателя и эмигранта «первой волны» 1919 г., отражает двуединство судьбы русской интеллигенции, депортированной из советской России в 20-х годах XX в. ввиду оппозиционности большевистской власти. Смерть и спасение, пожизненное расставание с родиной и возможность плодотворно трудиться сливаются в этом высказывании, отражающем драматизм изгнания интеллектуальной элиты из обновленной страны, в которой им не нашлось места.

Так возникла философия русского зарубежья (континентальная и диаспорная) – пласт мировой интеллектуальной культуры, отмеченный идейным и концептуальным своеобразием. Благодаря активной деятельности мысли-

телей-эмигрантов Запад узнал о русской религиозной философии и метафизике; христианском экзистенциализме и персонализме; моральной, политической, социальной философии; историософии и евразийстве. «Много даров было послано русским людям того взволнованного времени» [1, с. 145].

Изучение наследия философов русского зарубежья, которое стало возможным только в 90-е годы XX в., является *высоко актуальным* в контексте современного познания различных форм отечественного мировоззрения и осмыслении трансформаций духовного мира человека в цифровом обществе. Кроме того, «в памяти есть воскрешающая сила, память хочет победить смерть» [1, с. 24].

Цель данной статьи – обозначить основные идеи Н. А. Бердяева как философа русского зарубежья, подчеркнуть его духовно-нравственную миссию, реализованную в многочисленных трудах и в жизненном подвиге.

Николай Александрович Бердяев (1874, близ Киева – 1948, близ Парижа) – выдающийся русский религиозный и политический философ, один из основоположников христианского экзистенциализма и персонализма, один из самых читаемых философов XX в. Семь раз был номинирован на Нобелевскую премию по литературе (1942–1948). О себе он писал: «Весной 47-го года Кембриджский университет сделал меня доктором теологии *honoris causa*. Он предпочел меня Карлу Барту и Ж. Маритену, кандидатуры которых тоже выставлялись... Меня всегда не очень любили академические круги, считая меня философом слишком “экзистенциального” типа, скорее моралистом, чем ученым философом. Кроме того, я не теолог, а религиозный философ. Религиозная философия есть очень русский продукт» [1, с. 329]. «Я наследую традицию славянофилов и западников, Чаадаева и Хомякова, Герцена и Белинского, даже Бакунина и Чернышевского, несмотря на различие мирозерцаний, и более всего Достоевского и Л. Толстого, Вл. Соловьева и Н. Федорова. Я русский мыслитель и писатель. Кроме того, я сознаю себя мыслителем аристократическим» [1, с. 25].

Бердяев с семьей отбыл за рубеж как пассажир «философского парохода», который сегодня – живая метафора для обозначения акции депортации из советской России инакомыслящих ученых, философов, писателей. В узком смысле слова «философский пароход» – собирательное название для двух рейсов немецких пассажирских судов «*Oberbürgermeister Naken*» (29–30 сентября 1922 г.) и «*Preussen*» (16–18 ноября 1922 г.), доставивших изгнанников из Петрограда в Штеттин (Германия). Число их, по разным данным, колеблется от 160 до 200 человек, включая более двадцати профессиональных философов. Высылки осуществлялись также на пароходах из Одессы и Севастополя в Константинополь (19 сентября 1922 г.), поездами из Москвы в Латвию (Ригу, 23 сентября 1922 г.) и Германию (Берлин). Исследователи отмечают, что «броское определение иррациональной депортации интеллектуального потенциала государства» как символ репрессий 20-х годов XX в. появилось благодаря публицистам, литераторам и журналистам, изучавшим в 80–90-е гг. XX в. «белые пятна» в родной

истории. Тем самым был подчеркнут философский максимум изгнания и огромный вклад, который внесли высланные мыслители в создание и развитие не только отечественной, но и мировой интеллектуальной культуры. В Берлине, Праге, Париже и других центрах русской эмиграции философы стали «светильниками духа», вокруг которых концентрировалась жизнь сообщества.

19 сентября 1922 г. на пароходе из Одессы в Константинополь отправились представители украинской интеллигенции. 23 сентября поездом «Москва–Рига» и далее в Прагу убыла первая крупная партия «инакомыслящих», в числе которых были известные философы П. А. Сорокин с женой и Ф. А. Степун. Следом за ними поездом «Москва – Берлин» отправились и другие.

29 сентября 1922 г. пассажирами первого «философского парохода» из Петрограда в Штеттин (Германия) стали известные русские философы Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, М. А. Ильин (Осоргин), С. Е. Трубецкой, А. А. Кизеветтер, М. М. Новиков и многие другие философы, деятели науки и искусства. 30 сентября пароход прибыл в Штеттин: на борту находились изгнанники из Москвы, Казани и других городов. Н. А. Бердяев так вспоминает об этих днях: «Высылаемых было около 25 человек, с семьями это составляло приблизительно 75 человек... Когда мы переехали по морю советскую границу, то было такое чувство, что мы в безопасности. Но вместе с этим чувством вступления в зону большей свободы у меня было чувство тоски расставания на неопределенное время со своей родиной. Я не испытывал подавленности от изгнания, но у меня все время была тоска по России» [1, с. 241].

16 ноября 1922 г. из Петрограда отплыл второй «философский пароход», на борту которого находились Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин, И. И. Лапшин и другие философы. 18 ноября в Штеттине высадились 44 человека (с семьями). 3 декабря 1922 г. в Берлин прибыли переселенцы из Грузии (60 человек). Депортация интеллигенции продолжилась и в 1923 г. В его начале за рубеж были высланы известный философ и религиозный деятель С. Н. Булгаков, а также заведующий Толстовским домом-музеем В. Ф. Булгаков.

Основными причинами изгнания интеллигенции из советской России стали: смена курса с политики военного коммунизма на НЭП и, как следствие, развитие рыночной экономики и предпринимательской инициативы, рост требований политической свободы. Среди причин высылки исследователи называют также «попытку власти установить жесткий идеологический контроль, удалив из страны интеллектуальную элиту – тех людей, которые могли мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, а зачастую и критиковать существующий режим» [2]. Эта воля к сопротивлению указывала на потенциальных противников нового режима, вызывала боязнь утраты политической власти в условиях мирного времени.

Трагедия передовой части русской интеллигенции, долгие годы готовившей революцию, заключалась и в отсутствии у нее таланта власти и не востребованности новой властью, которая смогла дать урок не только депортированным, но и сомневающимся. «Для людей мысли и духа положение стало трагическим и непереносимым. Деятели русской духовной культуры принуждены были переселиться за рубеж. Отчасти это была расплата за социальное равнодушие творцов духовной культуры» [1, с. 164]. «В отъезде было для меня много мучительного, приходилось расставаться со многими, и впереди была неизвестность. Но мне предстоял еще длинный и интересный путь на Западе и очень творческая для меня эпоха. В моей высылке я почувствовал что-то провиденциальное и значительное. То было свершение моей судьбы» [1, с. 237].

Диапазон современных оценок феномена «философский пароход» по-прежнему широк: от инвектив в адрес депортированной «пятой колонны» (названия публикаций: «Очистим Россию надолго» [3], «Высылка вместо расстрела», «Выслать за границу безжалостно») до признания великой миссии философов русского зарубежья; от губительного до спасительного смыслов русской эмиграции. Современные исследовательские попытки объективного анализа репрессий против инакомыслящих сводятся к их квалификации как «малого эпизода в большой работе по переустройству общества» (А. А. Ермичев). Но осмысливая «философский пароход» как живую метафору, осознаешь нравственную силу и высоту призвания человека; его свободу, ответственность и достоинство; предназначение и патриотизм.

Спустя сто лет задевают за живое строки философской автобиографии Н. А. Бердяева. «Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей родины, и для всего мира. На моих глазах рушились целые миры и возникали новые. Я мог наблюдать необычайную превратность человеческих судеб. История не щадит человеческой личности и даже не замечает ее. Я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом русский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию ее победителями, я пережил изгнание, и изгнанничество мое не кончено. Я мучительно переживал страшную войну против России. И я еще не знаю, чем окончатся мировые потрясения. Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании. И вместе с тем я никогда не был человеком политическим. Ко многому я имел отношение, но, в сущности, ничему не принадлежал до глубины, за исключением своего творчества» [1, с. 23].

До эмиграции Н. А. Бердяевым были опубликованы работы: «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916)

и другие. Он принимал деятельное участие в работе религиозно-философских обществ Петербурга и Москвы. Был теоретиком нового религиозного сознания. Публиковался в сборниках «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). Был причастен к работе журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни». Основал Вольную Академию Духовной культуры. Претерпел эволюцию взглядов от легального марксизма к христианскому экзистенциализму и персонализму. «В течение пяти лет я прожил в советском коммунистическом строе, и все эти пять лет я отличался моральной непримиримостью. Могу сказать, что за это трудное время я никогда не изменял себе. Я даже горжусь этими годами своей жизни и признаю за ними особенное достоинство в моей биографии. Вокруг я видел много людей, изменивших себе» [1, с. 224]. «Годы, проведенные в советской России, давали мне чувство наибольшей остроты и напряженности жизни, наибольших контрастов. Я совсем не чувствовал подавленности. Я был духовно активен» [1, с. 226].

После эмиграции ученым были опубликованы основные труды: «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии» (1923), «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы» (1923), «Мирозерцание Достоевского» (1923), «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» (1924), «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931), «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (1939), «Русская идея» (1946), «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» (1947). Посмертно изданы книги «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (1949), «Царство Духа и царство Кесаря» (1951) «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» (1952). Через три года после смерти жены Н. А. Бердяев скончался, сидя за письменным столом.

Первые годы его изгнания прошли в Берлине, где философ участвовал в создании Русского научного института и Русской религиозно-философской академии, которая была затем перенесена в Париж. Там же в 1925–1940 гг. Н.А. Бердяев издавал религиозно-философский журнал «Путь». Активно участвовал в европейском философском процессе, поддерживая отношения с соотечественниками Л. И. Шестовым, С. Н. Булгаковым, С. Л. Франком, П. А. Флоренским, Д. С. Мережковским, П. Б. Струве; с западными философами М. Шелером, О. Шпенглером, Ж. Маритеном, Э. Мунье, Г. Марселем, К. Бартом.

Однако «трагизм положения увеличился от того, что произошло столкновение с ультрареакционным течением в эмиграции, с консервативно-традиционным и клерикальным православием, не желающим знать всего творческого движения религиозной мысли начала XX века, с реставрационной политикой, возделующей утерянного привилегированного положения» [1, с. 165]. «Меня считали левым и почти коммунистом. Но мне чужды все течения и группировки. Я остаюсь индивидуальным мыслителем и всегда возвращаюсь к себе, в свою индивидуальную мысль. Я мыслю о времени,

о своей эпохе, но я несвоевременный мыслитель» [1, с. 251]. «Я более всего дорожил независимостью и свободой мыслителя и ни для какого лагеря никогда не подходил» [1, с. 244]. «У меня всегда была большая чуткость ко всем направлениям и системам мысли. Я с большой чуткостью мог вжиться в толстовство, буддизм, кантианство, марксизм, ницшеанство, томизм, германскую мистику, религиозную ортодоксию, экзистенциальную философию, но я ни с чем не мог слиться и оставался самим собой» [1, с. 270]. Этим во многом определяется насущность оригинального дискурса «философа свободы», интерес к его рефлексии в современную эпоху критического мышления.

«Русская идея» Н. А. Бердяева связана с характером и призванием русского народа. Он «не есть народ западноевропейский, он – в большей степени народ восточноазиатский. Душа русского народа – сложная и запутанная душа, в ней столкнулись и смешались два потока мировой истории, восточной и западной. И западники и славянофилы не могли понять тайны русской души. Россия есть великий и цельный Востоко-Запад по замыслу Божьему. Революционеры, – восточники по своей стихии и западники по своим учениям, загубили великий замысел Божий о России, помешали претворению двух стихий и двух начал в подлинную всечеловечность» [4, с. 18–19].

«Русские или нигилисты, или апокалиптики». В русском народе сочетаются жестокость и человечность, индивидуализм и безликий коллективизм, искание Бога и безбожие, смирение и наглость, рабство и бунт. В истории проявились такие черты национального характера, как покорность власти, мученичество, жертвенность и склонность к разгулу и анархии. По мысли философа, русская идея коренится в идее братства людей и народов, ибо русский народ по своей душевной структуре религиозен, открыт и соборен. Впоследствии Н. А. Бердяев «сумел перевести внешнюю событийность в личностно-экзистенциальный план, избрать патриотизм как любовь к своему народу и веру в его «призвание», противостоящую национальному мессианству. Это глубоко пережитый и продуманный личный выбор» [5, с. 6–7].

«Свою русскость я вижу в том, что проблема моральной философии для меня всегда стояла в центре» [1, с. 102]. «С какими же русскими мыслями приехал я на Запад? Я принес эсхатологическое чувство судеб истории, которое западным христианам было чуждо. Я принес с собой мысли, рожденные в катастрофе русской революции. Принес с собой сознание кризиса исторического христианства, конфликта личности и мировой гармонии, индивидуального и общего. Принес также русскую критику рационализма, изначальную русскую экзистенциальность мышления. Русским я считаю также понимание христианства как религии Богочеловечества» [1, с. 247].

Христианские идеи. По сути, отношения с церковью у Н. А. Бердяева были нераздельными и неслиянными. Оставаясь православным, он рассуждал о церкви «Третьего завета» и приближении эпохи Духа, который еще не явил себя как ипостась Святой Троицы. «Я представитель свободной рели-

гиозной философии, но православие мне ближе католичества и протестантизма, и я не терял связи с Православной церковью» [1, с. 173]. «Я удержался в жизни, ни на что не опираясь, кроме искания божественной истины. Мое главное достижение в том, что я основал дело своей жизни на свободе. Я не должен представляться каноническим типом верующего» [1, с. 313].

В поисках онтологического аргумента при изучении духовного опыта вполне возможно опираться на следующее высказывание Н. А. Бердяева: «Я не верю в возможность рациональной онтологии, я верю лишь в возможность феноменологии духовного опыта, символически описываемого» [1, с. 207]. «Моя философия не принадлежит к онтологическому типу и есть философия духа. Дух же для меня есть свобода, творческий акт, личность, общение любви. Я утверждаю примат свободы над бытием» [1, с. 278].

Идеи свободы и творчества в моральной философии Н. А. Бердяева [6, с. 104–111] более всего раскрыты в книге «О назначении человека». В ней рассмотрены теоандрическая (богочеловеческая) этика, соединяющая в себе три посюсторонних этики (закона, искупления, творчества) и одну потустороннюю (эсхатологии) этику. Философия свободы и творчества, экзистенциальный персонализм мыслителя основан на рассуждениях о вере как спасении, на цельной жизни духа, реализме и мистике, истине как «пути и жизни». Прежде всего, «человек есть существо метафизическое. Этого моего убеждения не может пошатнуть низость эмпирического человека. Мне свойствен пафос человечности» [1, с. 213]. «Живое конкретное существо, вот этот человек, выше по своей ценности, чем отвлеченная идея добра. Настоящий парадокс в том, что это и есть высшая идея человечности и персонализма» [7, с. 314]. «Я пытался проповедовать человечность в самую бесчеловечную эпоху» [1, с. 215].

Человек живет в трех мирах: божественном, природном, дьявольском. Подчинен трем принципам: божественному промыслу, свободе духа и природной необходимости. Исповедует три «земные» этики. «В человеке пересекаются все круги бытия. С одинаковым правом можно сказать о человеке, что он существо высокое и низкое, слабое и сильное, свободное и рабье. Но понять его можно лишь из того, что выше его» [7, с. 55].

Примат Бога над бытием достоверен для экзистенциалиста, но над свободой даже Бог не властен, поскольку не творил ее. Свобода, в том числе добытийственная, иррациональная, интегрированная в Ничто, отделенная от Бога и от человека, является не только причиной онтологического зла, по мысли философа, но и объяснением сути и антиномий морали. Распаду духовности противостоит только творчество, гармонизирующее жизнь, ведущее к смыслу через бессмысленное. Но творчество является объективацией свободы, и тем самым выражается как необходимость, сковывающая человека. Выходит, социальная жизнь антиперсоналистична, и поэтому преодоление одиночества возможно в мистическом опыте и необъективируемой вере.

Философ утверждает, что способность к творчеству оправдывает человека, оказывается главной ценностью, направленной от личности к миру,

дарующей страдание, которое превыше счастья и радости. Смысл жизни человека усматривается в творчестве; целью жизни объявляется творческое восхождение, а не спасение. Именно в этом свете личность (дух) выступает как экзистенциальный центр творческой энергии, а создаваемый ею объект результирует две интенции духа: интериоризацию и экстериоризацию. Последняя есть несвободная форма духа, но «мир страшно беден и плосок, если он довлеет себе, если нет Тайны за ним» [7, с. 325].

Идея теодицеи. Этика и мораль закона указывают на «два разных добра»: в условиях греховного мира («оценивающее и судящее») и потустороннее (иное по качеству, «изливающее свет»). Идея второго добра ведет к более высокому нравственному уровню личности и рождается не из равнодушия ко злу, а из глубокого переживания проблемы зла. Такая этика социальна и авторитарна, потому что субъектом нравственной оценки в ней выступает общество, устанавливающее запреты, нормы и ценности. Общеобязательная этика закона человечна и бесчеловечна в одно и то же время, по тонкому замечанию философа. Это значит, данная этика охраняет личность, регламентирует ее жизнь, не проникая в интимную глубину индивидуальности; но этика закона и беспощадна к судьбе личности, она знает внешнего, но не внутреннего человека.

«Этика закона, как этика греха знает отвлеченное добро, но не знает неповторимой индивидуальности» [7, с. 93]. Здесь добро и зло неразличимы «как по ту, так и по эту сторону», потому что детерминированы свободой как главным условием нравственной жизни человека. Свобода имплицитно охватывает онтологичность зла, природу которого не могут прояснить человеческие оценочные суждения. Зло является «оболганием всех стихий бытия», выступает «духом небытия». В искуплении греха и обожении заключается смысл истории и жизни человека. Н. А. Бердяев считает необходимой социальную и моральную борьбу со злом, но скорее в форме просветления и преображения, чем насилия. Христианство усматривает победу над злом не в смерти и не в рождении, а в воскресении, признает важным не осознание своей греховности, а понимание своего метафизического положения в мире, имеющем конечное существование.

«В центре моего религиозного интереса всегда стояла проблема теодицеи. В этом я сын Достоевского. Единственным серьезным аргументом атеизма является трудность примирить существование всеблаготворного Бога со злом и страданиями мира. Я пришел к неизбежности допустить существование несотворенной свободы, что, в сущности, означает признание тайны. Бог действует в порядке свободы, а не в порядке необходимости. Он действует духовно. *Бог присутствует не в силе этого мира, а во всяческой правде, в истине, красоте, любви, свободе, героическом акте.* Бог никакой власти не имеет. К Богу не применимо ни одно понятие, имеющее социальное происхождение» [1, с. 173–174].

Идея Богочеловечества. Основными темами этики и морали искупления философ считает отношение к грешникам, силе, страданию, а также любовь, аскетизм, Царствие Божие. Тема любви – это «самая мучительная

проблема христианской этики. Человеку трудно соединить любовь к Богу с любовью к человеку» [7, с. 167]. Но именно от Бога человек получает силы, чтобы любить. «Это человек бесчеловечен. Бог же человечен. Вот как я осознал для себя основной миф христианской богочеловечности: это есть тайна двойного рождения, рождения Бога в человеке и рождения человека в Боге» [1, с. 176]. «Я мог принять и пережить христианство лишь как религию Богочеловечества» [1, с. 175]. Искупляющая идея прощения возвышается над добром и злом, призывает никого не судить, помиловать грешников. «Есть два нравственных пафоса: один требует прежде всего нравственной высоты от себя и своих, другой прежде всего обличает чужих. Второй пафос не христианский» [7, с. 106]. Мораль искупления превращает путь страдания в путь спасения человека, рекомендует сострадание как способ облегчения собственного переживания.

Идея творчества. Этика и мораль творчества выводятся философом из учения о пробуждении человеческого духа и творческой духовной силы. Так становится важным не принятие закона добра, а индивидуальное творчество добра. Мораль творчества по сути жертвенна, но ее жертвы связаны со вдохновением и забвением самого себя, поскольку «этика творчества исходит от личности, но направлена она не на личность, а на мир, в то время как этика закона исходит от мира, от общества, и направлена на личность» [7, с. 122]. В системе координат творчества становятся наиболее значимыми духовность, свобода и совесть. Путь от духовности к социальности, а не наоборот, является должным с точки зрения мыслителя. Инфернальная духовность связана с гордыней и другими грехами, а подлинная христианская духовность христологична и «горяча», коррелирует с творчеством, свободой и любовью.

Идея смысла жизни. Эсхатологическая этика и мораль содержат рассуждения о смерти, об аде и рае. Так, смерть предполагает скорее надежду, чем страх, поскольку жизнь, и без того наполненная смертью, требует «конца во времени». «Победа над смертью представлялась мне основной проблемой жизни. Смерть я считал событием более глубоким, более основным для жизни, более метафизическим, чем рождение» [1, с. 283]. «Нравственный парадокс жизни и смерти выразим в этическом императиве: относись к живым, как к умирающим, к умершим относись, как к живым, т.е. помни всегда о смерти как о тайне жизни и в жизни и в смерти утверждай всегда вечную жизнь» [7, с. 220]. Ад представляет собой отсутствие действия Бога на душу, погружение души в ее собственную тьму. Ад создается самим человеком, и ужас ада, а не смерти, является для него последним. В аду человека мучит не Бог, это сам человек мучит себя Богом.

Мыслитель словно вторит выводу С. Л. Франка «Смысл жизни – в ее утвержденности в вечном» и отмечает: «ничего нельзя любить, кроме вечности, и нельзя любить никакой любовью, кроме вечной любви. Если нет вечности, то ничего нет. Мгновение полноценно, лишь если оно приобщено к вечности, если оно есть выход из времени» [1, с. 49]. «Дух хочет вечности. Материя же знает лишь временное. Настоящее достижение есть достижение вечности» [1, с. 50].

Повествуя о своей окончательной философии, Н. А. Бердяев отмечает: «Основная метафизическая идея, к которой я пришел в результате своего философского пути и духовного опыта, это идея примата свободы над бытием» [1, с. 105]. Прибавим к этому «русскую» и христианские идеи, а также идеи творчества, теодицеи, смысла жизни, обозначенные здесь в живом резонансе с текстами мыслителя русского зарубежья в постсовременном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев, Н. А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев; вступ. ст. А. А. Ермичева. – Л. : Лениздат, 1991. – 399 с.
2. *Макаров, В. Г.* Историко-философский анализ внутриполитической борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России / В. Г. Макаров. – М. : Русский путь, 2010. – 368 с.
3. «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. : Документы. – М. : Материк, 2008. – 848 с.
4. *Бердяев, Н. А.* Философия неравенства : письма к недругам по социальной философии / Н. А. Бердяев // Русское зарубежье : Из истории социальной и правовой мысли. – Л. : Лениздат, 1991. – С. 7–242.
5. *Бердяев, Н. А.* Судьба России / Н. А. Бердяев; вступ. ст. Л. В. Полякова. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 256 с.
6. *Севостьянова, Н. Г.* Трансрациональная семантика учений о религиозной морали в русской философии конца XIX – начала XX в. / Н. Г. Севостьянова. – Минск : МГЛУ, 2003. – 143 с.
7. *Бердяев, Н. А.* О назначении человека / Н. А. Бердяев; вступ. ст. П. П. Гайдено. – М. : Республика, 1993. – 383 с.

Поступила в редакцию 21.03.2019

Б. Я. Мигас

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ И РЕГУЛИРОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (краткий обзор)

В статье рассмотрены этапные шаги в развитии подходов к исследованию международных отношений общественно-политическими науками по мере их освобождения от засилия религии и закрепления в политической практике прагматизма, геополитических установок, амбициозных претензий отдельных стран на мировое лидерство и даже господство. Показана методологическая и практическая роль политологии, социологии, конфликтологии и других общественных наук в анализе мировой политики, международных отношений, их оценки и корректировки в рамках международного права, морали и мирового общественного мнения в глобализирующемся мире.

Если исходить из того, что международные отношения (МО) появились и развиваются со времен родо-племенной организации общества и сводились первоначально, главным образом, к проблеме войны и мира, то это означает,

что они присущи человечеству на протяжении всей его сознательной истории. Но с прогрессом общества развивались и представления о международных отношениях. Эти отношения становились все более многосторонними, затрагивали все новые и новые сферы взаимодействия народов и государств: экономическую, политическую, правовую, культурную, религиозную, информационную и др. В наши дни они стали определять судьбы не только стран и народов, но в условиях глобализации во многом и жизнь каждого человека если не напрямую, то опосредованно, поставив в повестку дня стран и континентов проблему прав человека, его свободы, реализации личного потенциала и т.п. В этом аспекте многообразные МО интересны с точки зрения того, как развивались представления масс и элит, науки и практики об их сути, основах и направлениях развития, степени соответствия ожидаемым запросам и идеалам.

История показала, что возникновение и развитие науки и атеизма способствовало углубленному анализу международных отношений как отношений социальных. Стало необходимым найти ответы на многие вопросы, актуальнейшие и в наши дни. Почему, куда и как развивается человечество? Какие наилучшие формы общественного и политического устройства? Как осознанно сделать выбор социально-исторического развития?

Уже в античном мире появился логический метод «дихотомическое деление» для анализа понятий. Он предполагает деление целого на две части, деление каждой части снова на два и далее в той же последовательности для более глубокого проникновения в суть понятия по формуле исключенного третьего. Применительно к международным отношениям анализировались понятия «сила или порядок». В V в. до н.э. Фукидид объяснил силу следующим образом. Сильнейший стремится приумножить свою силу и опираться на нее, поэтому война – естественное состояние между полисами. И сейчас эта идея жива. Ею руководствуется политический реализм. Порядок же рассматривается как «космополис», в котором надо жить по законам разума и равенства. Возникшая в IV в. до н.э., эта идея развивалась школой стоиков. В настоящее время она породила такие концепции, как «всемирное правительство», «направляемое мировое развитие».

А в I в. до н.э. Цицерон объединил в одно целое идею «космополиса» с римским правом и свои рассуждения строил уже на понятии «право народов» (в современном виде это *международное право*). Но Рим считал цивилизационным миром лишь свои владения. Остальной же мир – это варвары, к которым никакое право не применимо. Двойные стандарты в международных отношениях не редкость и сегодня.

С наступлением новой эры в Европе МО рассматриваются с позиций *христианства*, ставшего уже идеологией и политической доктриной. До христианства в Европе разные религиозные течения придерживались позиции о превосходстве и избранности того народа и его судьбы, который исповедовал данную религию. А христианство стало утверждать идею универсальности всех перед единым высшим Богом. Это уже был принципиальный поворот от силового права на жизнь к установке на развитие системы общественных отношений, международных в том числе.

По мере укрепления атеизма и реализации в жизни заповеди христианства «Богу – богово, а Кесарю – кесарево» произошло разделение идеологии на религиозную и светскую с разработкой последней с опорой на науку, практику, право и мораль. Но религиозно и идеологически единое пространство Европы, несмотря на политическое и административное разделение конкурирующих между собой княжеств, многие столетия возглавлялось и управлялось Ватиканом. Он дирижировал европейской историей: сталкивал и примирял князей и королей раздачей или лишением благословения на браки, наследование власти и царствование. Но религия, живущая догмами, не могла бесконечно контролировать жизнь общества, определяемую прогрессом экономики, науки, техники.

В эпоху Возрождения (от Н. Макиавелли) стала крепнуть и побеждать идея приоритета *власти светской* по сравнению с властью *церковной*, светского начала в политике и науке. Этот подход к объяснению политики и МО соответствовал запросам формирующихся национальных государств, способствовал появлению и развитию формальных международных политических и правовых структур, активизировал научный и политический интерес к разрешению таких актуальных проблем, как *публичная мораль* и *дипломатия*, идеальное устройство общества. По этим причинам крепла в общественном сознании по сути своей иллюзорная идея, согласно которой справедливые законы и международные соглашения способны привести к миру, порядку и гармоничным отношениям внутри государства и между ними. И с XV века (от Э. Роттердамского) *нормативный подход* в отношениях между народами переходит в *этико-правовой*. Благодаря своим привлекательным качествам он смог пережить века и со второй половины XX века разовьется в *социальное проектирование* и *социальную инженерию*: становится обоснованием реформирования и переустройства общества, реализацией этих проектов на практике.

В конце XVI в. Ж. Боден разрабатывает теорию *государственного суверенитета*, его политического поведения на международной арене. И сформировавшийся *европоцентризм* опирается на три постулата:

- ✓ МО – это отношения только между государствами;
- ✓ они одномерны – это отношения компонентов силы и могущества государств (военных, экономических, политических);
- ✓ отношения рассматриваются не такими, какие они есть, а какими они должны быть, т.е. главенствует *нормативный подход*.

В Новое время лишь в XIX в. в противовес абстрактному (а часто и спекулятивному) теоретизированию *позитивизм*, как новейшее направление в социологии, указывает на необходимость и возможность отказаться от умозрительных рассуждений об обществе и создать позитивную социальную теорию, доказательную и общезначимую, как естественнонаучные теории, используя для этой цели наблюдение, сравнительный, исторический и математические методы.

В это время и возник *марксизм*, который выдвинул концепцию *всемирно-исторического развития* через смену общественно-экономических формаций и революционную классовую борьбу, вытекающую из антагонизма классовых интересов. Реализованная на практике в XX в., данная концепция привела мир к расколу на капитализм и социализм (противостоящие друг другу мировые системы), подтолкнула социально-гуманитарные науки к поиску ответов на вопросы о путях совершенствования отношений между мировыми системами, государствами и народами уже в глобальном масштабе в условиях научно-технического и экономического прогресса. В целом XX в., когда произошло осознание роли вышеупомянутых факторов в развитии отношений между государствами, стал веком более внимательного отношения к проблеме углубленного анализа сути МО, их движущих сил, направленности развития, возможности управления ими.

Две мировые войны, приведшие в первой половине XX в. к колоссальным потерям людских и экономических ресурсов, девальвации морально-правовых и идеологических устоев человечества, кардинально изменили миропорядок на планете. Развалилась колониальная система, но мировые системы социализма и капитализма создали военно-политические блоки (НАТО и Организацию Варшавского договора), сформировавшие угрозу третьей мировой войны, способной уничтожить жизнь на Земле в случае использования в военном конфликте оружия массового поражения, особенно термоядерного. А его применение, кстати, не исключалось существовавшими военными доктринами обоих военно-политических блоков.

Что же было в арсенале науки по объяснению процессов, происходящих в сфере международных отношений в этот период?

Отметим прежде всего развитие *геополитики*, возникшей в ходе Первой мировой войны как науки и идеологии. В качестве науки она обосновывала ведущую роль географических факторов в жизни и развитии общества. На базе этих аргументов оживали и закреплялись идеи мальтузианства, социального дарвинизма, неравноценности рас и народов, нехватки жизненного пространства. Геополитика в этом виде между двумя мировыми войнами усиленно культивировалась в Германии, обосновывая агрессивную внешнюю политику, идеологию фашизма и реваншизма.

После победы над фашизмом, в современных условиях геополитика трактуется более широко. Как наука она уже изучает совокупность физических и социальных, материальных и моральных ресурсов государства, т.е. потенциал, который позволяет ему добиться поставленных целей на международной арене. С 90-х годов XX в., после распада мировой системы социализма и СССР, как наука в ее современном виде геополитика широко используется и изучается и на пространстве бывшего Советского Союза. Трансформировалась и ее идеологическая составляющая. Как утверждает А. Г. Дугин, «Геополитика – это мировоззрение власти, наука власти и о власти...». В современном мире она представляет собой «краткий справочник властелина, учебник власти, в котором дается резюме того, что следует учитывать при принятии глобальных (судьбоносных) решений –

таких как заключение союзов, начало войн, осуществление реформ, структурная перестройка общества, ведение масштабных экономических и политических санкций и т.д. Геополитика – это наука править». Ее идеологическая функция в том, что она выражает интересы правящих элит и наций, а также используется для манипуляции сознанием людей и формированием определенных стереотипов их поведения [1, с. 12–13].

Чисто же научная значимость геополитики, которая сейчас рассматривает объективные закономерности и связи, определяется целым рядом функций: познавательная, прогностическая и управленческая. Они позволяют исследовать тенденции развития регионов, стран и народов, осознать региональные и глобальные сдвиги на геополитической карте мира. На этой научной базе можно определить перспективы (ближние и отдаленные), развитие геополитических сил, возможные конфигурации союзов и отдельных стран, степень их значимости в МО при проведении мониторинга (отслеживание перемен в их внутри- и внешнеполитической деятельности). В итоге имеющаяся информация будет способствовать выработке реальных действенных рекомендаций для эффективного управления геополитическими процессами, политикой в целом, включая внешнюю, международную и мировую.

Интенсивная политизация и кардинальная ломка международных отношений во второй половине XX в. вызвали повышенный интерес к разработке и использованию *политологии* как науки, объясняющей суть политики в ее разных масштабах и проявлениях. И в 1948 г. ЮНЕСКО рекомендует изучать международные отношения в блоке политических наук всем университетам стран – членов ООН.

Роль политологии в исследовании МО проф. В. С. Бобровский объясняет следующим образом. Она изучает все стороны международной жизни как методология, ее категории и методы исследования позволяют реализовать системный комплексный подход к пониманию сущности и содержания МО в совокупности с их историей и теорией. Политология дает возможность обнаружить закономерности развития МО и создать модель их эволюции, объясняя роль государств в развитии разноплановых отношений в мире и их специфику, состоящую в том, что предмет исследования политологии предельно широк: все человечество в его истории. Но в мире нет единого центра принятия политических решений, международных в том числе, что порождает во многих случаях непредсказуемость их развития и усиление роли *субъективного фактора* в сфере международных отношений. Субъектами же отношений и элементами международной системы являются не только государства, их блоки и союзы, но и ТНК, надгосударственные и международные организации, имеющие подчас кардинально противоположные внешнеполитические интересы и цели. Ситуация порождает частые и политически острые (вплоть до военных) конфликты, что говорит о нестабильности МО в целом. Цивилизованное и стабильное их развитие возможно лишь в рамках международной системы, опирающейся на нормы международного права [2, с. 5–8].

В той же работе В. С. Бобровский отмечает, что второй по значимости общественной наукой, имеющей важное теоретико-методологическое и концептуальное значение для исследования МО, является *социология*. Она изучает объективные и субъективные детерминанты внешнеполитической деятельности стран и союзов, социальные, моральные и идеологические переменные, политические режимы и т.д., влияющие на субъекты МО, выбор ими целей и средств во внешней политике, что определяет характер и содержание МО в целом, их динамику, противоречия, конфликты. Автор также обращает внимание на то, что кроме общего социологического подхода к анализу МО существует и их конкретный социологический анализ, который позволяет объяснить и отдельные факты международной жизни. Например, анализируя социальную структуру определенной страны, социология проясняет, какие классы и политические силы обуславливают формирование ее внешнеполитических интересов и целей. Таким образом, *социологический подход* позволяет объяснить, как формируется и меняется внешняя политика государств в зависимости от его социальной структуры и места в системе МО [2, с. 8–9].

Автор несомненно прав, утверждая далее, что сочетание политологического и социологического подходов к анализу МО создает предпосылки для формирования *международного права* как основного регулятора цивилизованных МО. Юридические науки в данном аспекте предельно конкретизируют политологический и социологический анализ, дают правовую формальную характеристику государственных структур, определяющих направление внешней политики государства. Это форма, в рамках которой функционируют государственные структуры, обуславливающие содержание, цели и средства своей внешней политики как части МО.

Международное право – это законная основа для согласования внешнеполитических интересов и решения международных конфликтов мирным путем на основе компромисса. Поэтому лучшее средство избежать международных конфликтов и войн – это перенос противоречий в русло правовых норм международного права. В этих рамках права возможности и обязанности субъектов МО определяют цивилизованные правила поведения сторон независимо от их экономической мощи, военного и политического влияния. Тогда внешняя политика государств, особенно стран – лидеров современного мира, из орудия давления и насилия превратится в инструмент согласования позиций и интересов, поиска разумного компромисса. Обеспечивая стабильность функционирования международной системы, международное право оформляет и закрепляет в обычаях и договорах достигнутый уровень политических и экономических отношений между государствами. Оно позволяет измерить и повысить уровень объективности развития МО, преодолевать в них субъективность и стихийность [2, с. 10–11], насыщать эти отношения моральным содержанием и общечеловеческими ценностями.

В XXI век мир вступил с большим грузом нерешенных международных проблем прошлого и накоплением новых, что требует углубленного иссле-

дования МО и определения перспектив их развития. Доминируют в совокупности этих проблем те, которые порождены глобализацией, – считают авторитетные российские исследователи МО А. П. Цыганков и П. А. Цыганков, в следующем виде изложившие свой взгляд на подходы к изучению современных МО.

1. МО требуют широкого социологического осмысления, так как изменился сам объект международно-политической науки. Глобализация усиливает неделимость человеческого сообщества, относительность границ между государствами, единство материальных и духовных принципов человеческой жизнедеятельности. Взаимозависимость обязывает государства к сотрудничеству и солидарности, к выработке общих правил мировой политики, к совершенствованию существующих и созданию новых эффективных совместных институтов.

2. В то же время глобализация ведет к обострению ряда проблем общепланетарного характера (кризисы экономические, социальные, политические, экологические), вызывает экономическую и социальную нестабильность, противостояние социальных сил, часть которых заинтересована в ускорении аспектов глобализации, приводящих к ухудшению условий жизни других.

3. Эти социально значимые процессы эффективнее исследовать не в направлении от государства к обществу, а от общества к государству, т.е. с позиций не столько политологии, сколько политической социологии, а более конкретно – *социологии МО*, уже десятки лет успешно развивающейся на Западе и отчасти в России.

4. Само формирование научного знания, в том числе знания о МО, в условиях глобализации есть отражение широких социокультурных процессов. Триумф либерализма в объяснении МО уходит в прошлое. Новые линии дифференциации социального знания требуют всей глубины осмысления имеющихся в мире культурных различий. И наука о МО, ее особенности и закономерности тоже нуждаются в соответствующей социокультурной адаптации. Положения западных школ МО (как самых развитых) также отражают свою социокультурную специфику и не могут механически переноситься на любую иную культурную почву, что не отрицает и большинство западных специалистов-международников. Кроме того, следует учитывать, что позитивизм, культивируемый как принцип развития и социальных наук, вышел далеко за рамки «логического позитивизма», принимая критику абсолютной и вневременной истины.

5. *Соционаучный и социокультурный диалог* – основа формирования академического знания. Необходим диалог с доминирующими и критическими направлениями западной теории МО для учебы у нее и для возрождения национально-культурных традиций осмысления мировых процессов. Сегодня *социокультурный плюрализм* является фактом развития теории МО, сопровождается становлением национально-культурных школ МО. И по мере углубления глобализации этот процесс будет продолжаться [3, с. 6–8].

Последние годы, после прихода к власти в США президента Д. Трампа, МО серьезно изменились. В них наблюдаются следующие перемены.

1. Отказ США от прежних международно-правовых норм и договоров, обеспечивающих безопасность, стабильность и управляемость международными отношениями, сформированными в 80–90 гг. XX века.

2. Навязывание Соединенными Штатами своих решений ООН, а в случае их непринятия Организацией игнорирование ее решений и мирового общественного мнения в своих действиях на международной арене.

3. Как следствие происходит возврат в МО к нормам «холодной войны», гонке вооружений и усиление опасности войны «горячей», способной поставить весь мир перед угрозой самоуничтожения.

Названные и еще не сформировавшиеся и не сформулированные особенности современных МО уже требуют их активного и оперативного осмысления на уровне теории и политической практики. Начало этому процессу уже положено. Показательной в этом плане можно назвать позицию Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, озвученную им на встрече Основной группы Мюнхенской конференции по безопасности, прошедшей в Минске в первых числах ноября 2018 г. Ее основные тезисы таковы.

Необходимо согласиться с выводами последнего доклада Мюнхенской конференции о том, что наша планета подошла к краю пропасти, за которой находится глобальный конфликт. Конфронтация стала одним из определяющих факторов развития МО, в том числе и в европейском регионе.

Вооруженные противоборства происходят практически на всех континентах. Торговые противоречия между США и Китаем провоцируют противостояние Вашингтона и Пекина в других сферах взаимодействия. Все более очевидный характер приобретают разногласия между Соединенными Штатами и Евросоюзом – самыми близкими союзниками. Пропать недоверия между Россией и Западом сейчас гораздо шире, чем в предыдущие сложные периоды новейшей европейской истории. Поэтому великие державы теряют статус гарантов стабильности. А Совет Безопасности ООН превратился в площадку выяснения отношений. Эксперты и аналитики постепенно приходят к мнению, что мир соскользнул в эпоху односторонних решений и «мы движемся от однополярного, а затем многополярного мира к миру без полюсов, к войне всех против всех». Но когда «великие державы не могут договориться, свою важную роль могут и должны сыграть другие страны». И когда действующая система безопасности в Европе дает сбой, «нужно принять меры, чтобы восстановить ее эффективную работу или заменить». Ведь в современном мире остро не хватает взаимопонимания и доверия. «Современный мир остро нуждается в выработке новой формулы баланса интересов» [4, с. 1–3].

В позиции Президента Республики Беларусь акцентируется внимание на том, что именно не совпадающие интересы ведущих государств характеризуют содержание современных МО. Американский политолог Г. Мор-

гентау считал интерес, определенный в понятиях силы, главным пунктом в поисках нужных путей в дебрях международной политики. Но такая практика дестабилизирует систему международной безопасности, ведет к конфликтам и войнам. А в глобализирующемся мире жизненно важно считаться с интересами других государств и соблюдать морально-правовые принципы поведения в мировой политике.

Обобщая изложенное выше, сделаем определенные выводы.

В центре внимания реальной международной политики и исследования ее научно-теоретических основ находятся непреходящие политические ценности: мир, сотрудничество, баланс интересов, равенство субъектов в отношениях и т.д. Но содержание и последствия деятельности субъектов МО во многом оказываются не соответствующими ожиданиям и морально-правовым нормам. Причины кроются в разнообразии обстоятельств, в которых разворачиваются процессы, и большой роли в международных событиях субъективного фактора: в выстраивании участниками МО их собственной стратегии и тактики поведения, в выдвижении целей и средств их достижения при отстаивании собственных интересов, отличных от других. Поэтому науки, исследующие МО, выявляют лишь закономерности, а не законы, как в механике, физике, химии и т.д.

Изучение МО требует иных подходов к их исследованию и регулированию. Эти подходы подверглись определенной исторической эволюции в соответствии с объективными изменениями в предмете исследования: МО стали намного богаче по объему и содержанию, приобрели новые количественные и качественные характеристики – стали всесторонними и глобальными. Подобные изменения претерпели и науки, исследующие МО. Это проявляется по следующим параметрам. Во-первых, расширяется круг самих наук, исследующих МО и пути их совершенствования (история, международная экономика, социология, политология, международное право, конфликтология и т.д.). Во-вторых, все основные сферы взаимодействия стран и народов в МО постигаются шире и глубже. В-третьих, разнообразные подходы и методы, которые используют социально-гуманитарные науки, обеспечивают объективность результатов исследования МО и рекомендаций, их комплексность и пригодность для внедрения в практику.

В настоящее время, как нам представляется, рекомендаций науки по корректировке МО выработано вполне достаточно, чтобы их внедрение обеспечивало сохранность мира и сотрудничество на основе баланса интересов и равенства субъектов. Но их реализация требует наличия политической воли, а также более весомой ответственности правящих элит и лидеров за нарушение норм функционирования МО, т.е. снижения роли субъективного фактора в международных делах. Не менее важно при этом и существенно повысить роль народных масс, общественного мнения в формировании МО и решении глобальных проблем современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин, А. Основы геополитики. Политическое будущее России. Мыслить Пространством / А. Дугин. – 3-е изд., доп. – М. – АРКТОГЕЯ-центр, 1999. – 928 с.
2. Бобровский, В. С. Социология международных отношений: учеб. пособие / В. С. Бобровский, Б. И. Загорский, Б. Я. Мигас. – Минск : МГЛУ, 2000. – 112 с.
3. Цыганков, А. П. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий: учеб. пособие для студентов вузов / А. П. Цыганков, П. А. Цыганков. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 238 с.
4. Крят, Д. Сохранить мир / Д. Крят, Е. Кононович // СБ. Беларусь сегодня. – 2018. – № 211. – С. 1–8.

Поступила в редакцию 25.03.19

В. Н. Усоский

ФИЛОСОФИЯ ФИЗИКАЛИЗМА И ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ К. МАРКСА

В статье исследуются философские основы трудовой теории стоимости К. Маркса, который определил субстанцию стоимости через абстрактный труд наемных работников, овеществленный в товаре и золотых (товарных) деньгах. Основываясь на принципе трудовой эквивалентности, который регулирует обмен между субъектами рынка, К. Маркс построил модель товарно-денежных отношений. Однако применение механистической методологии физикализма привело к редуцированию законов экономики индустриального капитализма к законам рынка простого товарного хозяйства.

Физикалистское (материально-вещественное) представление о деньгах внутренне присуще трудовой теории стоимости и денег К. Маркса. Сущность кредитных денег адекватно раскрывается в теории предельной полезности, лежащей в основании *теории ценности*, которая помогает опровергнуть неверное отождествление денег с так называемыми *реальными или полноценными золотыми (серебряными) деньгами*. Данное словосочетание является надуманным определением. Философия и политическая экономия XVII–XIX вв. развивались под доминантным влиянием механистического естествознания и классической физики. Гуманитарные науки использовали чуждую методологию негуманитарных наук, несмотря на то, что последние не обладали методологией анализа обществоведческого предмета исследования. Философия и политическая экономия Нового времени исследовали природу человека с позиций законов, открытых механистическим естествознанием и классической физикой для анализа физического Универсума (Космоса). Гуманитарный предмет исследования отличается от естественно-научного по фундаментальным основаниям, так как в естественных науках нет человека.

Распространенная методологическая ошибка сциентизма (физикализма) заключается в некритическом перенесении (редукции) принципов построения теории классической физики XVII–XIX вв., в рамках которой были сформулированы законы природно-физических процессов, на чуждые им социально-экономические процессы, в которых активно действует человек. Трагедия гуманитарных наук заключалась в том, что в них стали использовать совершенно не свойственную им методологию. Предмет негуманитарных наук исключал человека как явление, поэтому физикалистская методология его «не видела». Механистическое естествознание и классическая физика редуцировали (сводили) сложные обществоведческие феномены к действию физических законов в Универсуме (Вселенной), используя аналогии обмена энергией между частями Вселенной для объяснения принципа рыночного обмена товарами и деньгами между людьми. Товарно-денежные отношения в экономике, которые анализировала классическая политическая экономия XVII–XIX вв., были проинтерпретированы по аналогии с объектами физики. Возникли интуиции обмена энергией между людьми, а рыночный обмен казался снятым как по «кальке» с законов классической физики, объясняющих законы движения энергии в Космосе. Гуманитарная предметность политической экономии была редуцирована к физической реальности, на базе которой механистическая методология упрощенно анализировала экономику. Возникло натуралистическое заблуждение, на котором базируется трудовая теория стоимости. В ее основании лежит принцип стоимостной эквивалентности по ОНЗТ (ОНРВ) между людьми в товарном обмене (Т–Т) и товарно-денежном обмене (Т–Д).

Исходным началом в классической политэкономии была категория стоимости или ценности. Это исходное начало экономической науки стало самой сложной и запутанной проблемой, в которой проявляется степень адекватности понимания сущности товара, денег, капитала. Д. Рикардо писал: «...ничто не порождало так много ошибок и разногласий в этой науке, как именно неопределенность понятий, которые связывались со словом «стоимость» [1, с. 35].

Стоимость и ценность имеют принципиально различную природу, отражая диаметрально противоположные интуиции человека, изучающего товарно-денежный обмен. На основании этих противостоящих друг другу сущностей люди строят различные противоположные друг другу типы экономических систем. Разные пути осмысления природы менового отношения разделили политэкономия на два направления. «Со времени Рикардо и Мальтуса в теории ценности противостоят друг другу два направления, из которых одно настаивает на тождественности понятия меновой ценности с понятием менового отношения и, по стопам Мальтуса, отрицает необходимость иного представления о ценности, другое же считает меновое отношение только мерилем некоторого свойства товара, существующего и вне этого отношения» [2, с. 179]. К. Маркс очень точно сформулировал наличие вечной проблемы, которая продолжает вызывать столь бурную

полемику среди экономистов. «Меновая стоимость, прежде всего, представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, – соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным, а внутренняя, присущая самому товару меновая стоимость (*valeur intrinseque*) представляется каким-то *contradictio in adjecto* (противоречием в определении)» [3, с. 44–45]. К. Маркс приводит цитаты двух ученых, которые интерпретировали категорию «внутренняя стоимость» в политэкономии именно как противоречие в определении. Барбон писал по этому поводу: «Ничто не может иметь внутренней стоимости». Батлер отмечал: «Вещь стоит ровно столько, сколько она принесет» [Там же].

Ценность рассматривается некоторыми политэкономами как свойство товара удовлетворять человеческие потребности посредством механизма рыночных отношений. При этом обмен может состояться лишь в случае, если полезность отчуждаемого блага для его продавца окажется ниже полезности приобретаемого блага у его контрагента и наоборот. Если для обеих сторон товарообменного отношения правило неравенства субъективных полезностей выполняется, то тогда осуществляется свободный акт обмена. Субъективный же уровень полезности товара для субъекта рынка определяется степенью редкости этого товара на рынке и денежными возможностями покупателя. Представленный механизм, описывающий мотивы товарно-денежного обмена между людьми на основе принципа редкости, К. Маркс отрицает. Он считает, что стоимость (точнее «внутренняя стоимость») – есть субстанция как причина самой себя (универсальная субстанция Б. Спинозы) всех производственных отношений. «Внутренняя стоимость» К. Маркса существует сама по себе, т.е. она является абсолютно самодостаточной. В своей сущности она трансцендентна как Бог, поэтому существует вне меновой ценности и, соответственно, всей системы рыночных отношений. Это порождает логический круг в определении, что подтверждает ошибочность трудовой теории стоимости. «Внутренняя стоимость» у К. Маркса – это самодостаточная субстанция, выражаемая вне меновых обменных пропорций рынка, т.е. вне меновой ценности, поэтому, по К. Марксу, деньги возникают спонтанно, и нет субъекта эмиссии денег.

В противоположность школе полезности и ценности трудовая теория стоимости К. Маркса исходит из диаметрально противоположных посылок. В основе понятия «*внутренняя стоимость*» лежит понятие *трудовой эквивалентности*, которая возникает в производстве товаров и проявляется в товарно-денежном обмене. Товар и деньги представлялись в качестве воплощенных в них *общественно необходимых затрат труда (ОНЗТ)* или, что тоже самое, *общественно необходимого рабочего времени (ОНРВ) наемного рабочего*. Понятие трудовой эквивалентности было введено в теорию трудовой стоимости для того, чтобы объяснить основу обмена

товаров в соответствии с *затратами общественно необходимого труда*, которые воплощены в продуктах труда, выносимых на рынок в качестве товаров. По учению К. Маркса обмен между людьми состоится лишь в том случае, если в каждом из продуктов труда находится одинаковое, т.е. равное количество единой субстанции – ОНЗТ (ОНРВ). Только при совпадении ОНЗТ (ОНРВ), воплощенных в обмениваемых продуктах труда, происходит обмен товаров.

«Слово ценность – Werth означает у Маркса совсем не то, что привыкли под ним разуметь, *не оценку, а работу* (выделено мною – УВН), притом не такую, какая существует, а такую, какая никому не ведома – среднюю, абстрактную, общественно-необходимую» [4, с. 154]. Для К. Маркса продукт труда как физическое бытие рационально прозрачен, а потому понятен разуму человека. Он считал, что стоимость товара и денег вводят людей в заблуждение по причине своей рыночной иррациональности. «У стоимости не написано на лбу, что она такое. Более того, стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф» [3, с. 84]. Поэтому стоимость товара и стоимость денег – это не прозрачное бытие для разума человека на рынке, так как они являются результатом функционирования стихийного, не разумного и несправедливого капиталистического рынка. К. Маркс создает *теорию превращенных форм*, с помощью которых он пытается объяснить как трудовая субстанция, воплощенная в стоимости товаров и денег, оторвалась от своей трудовой сущности в явлениях капиталистического рынка – цене производства, прибыли, проценте, ренте, предпринимательском доходе, дивиденде.

Товар в простом товарном производстве, вне промышленного капитализма – это форма экономической связи между простыми товаропроизводителями, которые являются непосредственными собственниками товаров. Как простые товаропроизводители они действуют по заказу покупателя. Например, ремесленник-оружейник производит латы для рыцаря. Гарантированность сбыта заказанных товаров не вызывает на таком рынке проблемы реализации товаров. Прозрачность и рациональность производства товаров здесь налицо.

Капиталистическое же товарное производство – это производство не на заказ, а на неизвестный рынок, который является хаотичным и непредсказуемым по своей природе. Ключевой для капитализма является проблема реализации товаров – *salto mortale*, и как следствие возникают кризисы перепроизводства товаров как закономерная форма движения капиталистического товарного производства. Поэтому капиталистический товар не есть простое физическое бытие, которое прозрачно и понятно для разума, как товар в простом товарном производстве. Капиталистический товар является продуктом капитала, он создан с помощью наемного труда и является неразгаданным иррациональным «общественным иероглифом». Однако вместе с тем для К. Маркса «...“стоимость” товара есть лишь определенная историческая форма чего-то существующего во всех общественных формах».

Она «выражает в исторически развитой форме то, что существует также, хотя и в *другой форме*, во всех других исторических общественных формах, а именно *общественный характер труда*, поскольку последний существует как *затрата общественной рабочей силы*» [5, с. 391]. Здесь К. Маркс определенно говорит, что его категория «внутренней стоимости» существует вне меновой стоимости, а потому внутренне присуща любой исторически определенной общественной системе. Продукт труда создает только непосредственный производитель, а не капиталист (эксплуататор) при капиталистическом воспроизводстве. К. Маркс видит свою цель в открытии закона общественного развития, который представляет собой объективный закон, выражающий процесс превращения капитализма в социализм (коммунизм). По его мнению, последний является более развитым строем, нежели капитализм. К. Маркс стремится представить процесс обратного превращения капиталистического товара в социалистический (коммунистический) нетовар или в непосредственно общественный продукт. Он считает, что непосредственный производитель создает натуральный продукт, распределяемый рационально и разумно среди индивидов в социалистическом (коммунистическом) обществе. Таким образом, происходит трансформация товара как иррационального «общественного иероглифа» в прозрачный *натуральный продукт труда*. Аргументы К. Маркса строятся на принципах механистического физикализма с футуристическим уклоном. Это утопия (места, которого нет).

Определение К. Маркса стоимости через ОНЗТ выводит объективно складывающиеся отношения рыночной оценки покупателем полезных свойств товара, созданного производителем, за пределы реально функционирующего механизма рыночной экономики. Оценка товара потребителем по конкурентным рыночным ценам принуждает производителя к повышению качества товара, что является эффективным способом воздействия на поведение производителя на рынке. Затраты факторов производства переводятся в рыночные результаты с помощью механизма рыночной оценки посредством конкурентных цен. Производитель создает товар как совокупность затрат факторов производства, воплощенных в товаре. Здесь еще нет рыночного результата деятельности производителя. Это всего лишь продукт как потенция будущего рыночного результата, который должен оценить и купить покупатель. Теория «внутренней стоимости» отрицает товарно-денежный обмен и выхолащивает сущность рыночных отношений. Поэтому активный статус покупателя и механизм рыночной оценки покупателем затрат производителя теряет смысл в рамках теории трудовой стоимости К. Маркса. Недаром К. Маркс везде пишет именно о затратах (ОНЗТ), а не о рыночных результатах, что означает подмену понятий.

Именно поэтому в противоположность «результатному подходу» теории полезности марксизм создал трудовую теорию стоимости, которая могла быть только затратной по своей природе. Школы экономической мысли, отрицающие марксову трудовую теорию стоимости, при анализе капита-

листической экономики оперировали термином «ценность». Ценность есть рыночная альтернатива марксистскому понятию *стоимость как затратной категории производства*, источником которой является исключительно труд наемных рабочих. К. Маркс отрицал ценностеобразующую силу капитала, предпринимателя и земли. Ценность выражает рыночную – *результатную (полезностную)* составляющую товарно-денежных отношений. Ценность – это категория экономической науки, которая корректно исследует капиталистический рынок.

В политэкономии стало происходить удвоение терминологии (ценность и стоимость) по отношению к единому предмету исследования – рынку как системе капиталистических отношений. Н. Х. Бунге очень точно сформулировал сущность этой проблемы: «... в русской терминологии оказывается целое столпотворение, ничем не оправдываемое: слова *ценность*, *меновая ценность*, совершенно ясные и определенные, заменяются словом *стоимость* – *Kostenpreis*, которое означает издержки производства, то, что стоит предмет производителю» [4, с. 154]. Именно затратная концепция стоимости позволяла К. Марксу заложить методологические основы подмены объекта исследования – экономики капиталистического рынка неким абстрактным хозяйством вообще. Оно существует во все исторические эпохи, в разной форме выражая сущность понимания экономики К. Марксом, где действует непосредственный производитель, общественные затраты труда которого генерируют единственный субстанциальный источник трудовой стоимости.

Трудовой эквивалент – это категория трудовой теории стоимости, которая диаметрально противоположна по сущности категориям «ценность» и «полезность». Эта концепция базируется на принципиально иной не марксовой методологии. Проведение исходной посылки трудовой теории стоимости объективно сводится к поиску *модели абстрактной соизмеримости продуктов труда в рамках абстрактно мыслимого обмена*, которого нет в реальной действительности капиталистической рыночной экономики. Вследствие такого подхода К. Маркс логично пришел к открытию трудовых часов ОНРВ, которые лежат в основе его ненаучного понимания стоимости. Однако ОНРВ на поверку оказалось еще одним неизвестным. Стоимость сводится к часам ОНРВ, приходящимся на физическую единицу продукции, которая должна, по мнению К. Маркса, обмениваться на другой продукт труда в рамках модели абстрактного обмена в не существующем обществе, которое он придумал.

Ученый К. Маркс считает, что в процессе обмена стоимость последовательно развилась в товар, а товар в свою очередь – в деньги. В дальнейшем деньги стали генетической основой появления капитала. У К. Маркса отсутствует субъект эмиссии денег. «Деньги в зародыше уже содержатся в понятии стоимости, они представляют собой лишь развившуюся стоимость» [6, с. 319]. Вся деформация смыслов, как генетическая программа, заложенная в трудовой теории стоимости К. Маркса, калейдоскопом кладется на сущность марксовых денег, понимаемых им как *всеобщий эквивалент*, что стало

следствием генетического развития товара в деньги. Определение сущности денег через *всеобщий эквивалент* неудовлетворительно, так как приводит к искажению сущности золотых и фидуциарных денег и законов развития рыночного хозяйства. Определение денег через трудовую стоимость товара у К. Маркса исходит из его физикалистской методологии, где отсутствует субъект эмиссии денег.

Трудовая теория стоимости совершает натуралистическую подмену понятий, утверждая, что цена, выражающая меновую ценность, определяется не оценкой покупателем произведенных затрат факторов производства, а также потребительскими предпочтениями покупателя, а *неким сгустком энергии, который овеществлен в товаре и деньгах*. Трудовая стоимость К. Маркса – это «чистое понятие», построенное вне меновых отношений, оторванное от него и противопоставленное рыночным отношениям. Для К. Маркса трудовая стоимость – это некое свойство вещи, которое существует вне меновых отношений рынка. Физикалистская методология К. Маркса стала основанием для представления о том, что стоимость якобы содержит в себе некий материальный сгусток овеществленного труда (наподобие «теплорода-флогистона»). Термин *флогистон* ввел А.-Л. Лавуазье в 1783 г. Он произошел от греческого слова *φλογιστός* – пламя, невесомый флюид, присутствующий в каждом теле и являющийся причиной тепловых явлений. Гипотеза флогистона-теплорода была экспериментально опровергнута критиками Лавуазье. Содержание понятия *стоимость* К. Маркса породило ошибки трудовой теории стоимости, так как «трудовая внутренняя стоимость» не имеет отношения к природе товарно-денежных отношений капитализма, являясь следствием его надуманных абстракций.

Ненаучные физикалистские представления о рыночных отношениях неправомерно ретранслируются трудовой теорией стоимости на рыночные отношения между субъектами рыночной экономики, которые функционируют в реальной действительности. Методологические принципы редукции сводят сложную систему капиталистического рынка к простой модели абстрактного хозяйства, по теории К. Маркса. С их помощью происходит перенесение природно-физических аналогий обмена энергией между физическими частями Космоса на межсубъектные рыночные отношения в экономике. В этой неадекватной абстракции происходит подмена реально функционирующих рыночных отношений капитализма несуществующей абстрактной конструкцией хозяйства, что привело к деформации предмета экономической теории капитализма.

Открытие закона сохранения энергии и превращения энергии в различные формы позволило физикам доказать единство природы и универсальность действия законов физики. «Если в одной части замкнутой системы количество энергии ubyло, то в другой ее части такое же количество энергии прибыло». Однако закон сохранения энергии и превращения энергии из одной формы в другую, который был ретранслирован из физики в экономику общества, привел к тому, что стало невозможным объяснить, почему,

например, происходит динамичный рост и падение ВВП в рамках циклического развития рыночной экономики. Физикализм в экономике не позволяет ответить на вопрос: «Почему законом для рыночной экономики является как динамичный рост добавленной ценности (доходов) субъектов при экспансии экономики, так и динамичное уменьшение добавленной ценности (доходов) во время кризисов?»

Энергия в классической физике – это постоянная величина, в экономике добавленная ценность (доходы) субъектов есть величина переменная, величина которой зависит от эффективности деятельности субъектов. С помощью использования натуралистических постулатов трудовой теории стоимости невозможно объяснить циклическую динамику ВВП, вызванную как ростом производительности факторов производства, так и их падением. Динамика экономических переменных определяется совокупностью созвездия различных сложных факторов экономической жизни общества. Выявление сущности сложных экономических явлений в обществе не по зубам энергетическим аналогиям из физики, на механистической методологии которой построена трудовая теория стоимости К. Маркса. Эта теория безнадежно устарела. Она скользит по поверхности явлений капиталистической рыночной экономики, не будучи в состоянии проникнуть в глубинную сущность законов развития капиталистического рынка.

Энергия с ее способностью к превращению из одной формы в другую в XIX в. рассматривалась сциентистским мышлением как субстанция, которая связывает индивидов в экономике через рыночный обмен. Физикалистским аналогом «энергии» в экономике стала трудовая стоимость К. Маркса, из которой вытекает тезис о *полноценности золотых (серебряных) денег, являющихся действительными деньгами*, так как в них овеществлены общественно необходимые затраты абстрактного труда наемных работников. Стоимость усилием теоретиков трудовой теории была представлена как материальный кусок отвердевшего «теплорода-флогистона», который эквивалентен равнозначной «теплородной» субстанции, овеществленной в стоимости товара или денег (Т–Т; Т–Д).

С физикалистских позиций кредитные фидуциарные деньги рассматриваются как неполноценные деньги, которые не обладают *внутренней трудовой стоимостью*. Из этой ложной посылки физикализм делает последовательный вывод, что они являются не более, чем бумажной фикцией – «бумажками», а не настоящими деньгами. Стоимостной принцип эквивалентности обмениваемых друг на друга товаров (Т–Т) ведет к выводу о том, что принцип эквивалентного обмена связывает стоимость денег со стоимостью товаров (Т–Д). Так родилась квазинаучная фикция, которая продолжает порождать множество заблуждений. Широко распространено бытовое представление о том, что доллары – это не более чем *бумажки*, которые навязаны группой хитрых и никому не известных частных лиц, создавших ФРС. Эти анонимные граждане манипулируют эмиссией долларов с целью присвоения *сеньоража* и изъятия доходов из карманов наивных людей, которые являются держателями долларов и тем самым поддерживают «паразитов» из США, эксплуатирующих весь мир в своих корыстных интересах.

С чем мы категорически не согласны, так это с утверждением К. Маркса о том, что золотые деньги — это товар особого рода, который является *всеобщим эквивалентом, т.е. эталоном общественного труда*. В основе этого утверждения лежит неадекватный сущности рыночных отношений тезис о том, что *абстрактный труд наемного рабочего является единственным источником стоимости товара*, произведенный при капиталистическом способе производства. Отрицание ценностеобразующей силы капитала, предпринимательства и земельного собственника игнорируют экономические факты, так как эти факторы, а не наемный рабочий несут рыночные риски потерь фирмы и банка. Альтернативное марксизму определение сущности кредитных денег и капитала генетически вытекает из природы ценности, содержание которой К. Маркс деформировал, так как ввел диаметрально противоположную ценности категорию «стоимость», обладающую мнимой природой. Стоимость никоим образом не отражает природу капиталистического рынка. Содержание категорий капиталистической рыночной экономики — ценность, товар, деньги и капитал — К. Маркс неадекватно проинтерпретировал. Основой его ошибочного представления о сущности капиталистической рыночной экономики стало понятие «трудовая стоимость». Неверные исходные методологические посылы К. Маркса привели его к ошибочному представлению о природе капитализма, породив неадекватную интерпретацию законов развития рынка. Какое семя в почву посеешь, такой результат и пожнешь.

В трудовой теории стоимости К. Маркса под товаром понимается *исключительно материальный продукт труда*, создаваемый наемными рабочими при капиталистическом способе производства, а наемный труд является единственным источником стоимости материального товара. Отсюда вытекает, что объективно пролетариат должен присваивать всю *трудовую стоимость материального продукта*, т.е. не только заработную плату, но и прибавочную стоимость, которую он будто бы создает. Однако для капиталистической рыночной экономики категория прибавочной стоимости, введенная К. Марксом, является *мнимой*, ее в действительности не существует. Прибавочная стоимость есть небытие. В действительности существуют ценность и добавленная ценность, которые генетически состоят из прибыли промышленного капитала, прибыли торгового капитала, земельной ренты, банковской прибыли (процента), дивиденда, заработной платы. Эти формы доходов составляют добавленную ценность и присваиваются капиталом, действующим в разных отраслях экономики, а также наемным трудом. К. Маркс отрицает экономическую продуктивность деятельности трех факторов производства (капиталистов, предпринимателей, земельных собственников). Следовательно, он категорически исключает то, что эти три фактора производства, исходя из того, что они являются источниками ценности, и, создавая ее, совершенно правомерно присваивают свои рыночные доходы — процент, ренту, прибыль.

К. Маркс отрицает то, что все производственные факторы, не относящиеся к категории наемного труда, обладают *ценностеобразующей силой*. По мнению К. Маркса, капиталисты, предприниматели, земельные собственники не являются источниками ценности товара, так как они якобы не генерируют денежных доходов, которые присваивают на рынке. К. Маркс неверно считает, что при капитализме они используют «голое» эксплуататорское право частной собственности, присваивая процент, ренту, прибыль. Трудовая теория стоимости К. Маркса делает однозначный в своей бессмысленности вывод: «Для того, чтобы несправедливый процесс присвоения прибавочной стоимости капиталистами был остановлен, необходимо разрушение основ капиталистического общества – частной собственности на капитал, предпринимательский талант и землю». Это возможно только через пролетарскую революцию, во время которой происходит отчуждение частной собственности в руки наемных рабочих. В результате революции они становятся непосредственными производителями, демонтируют капиталистическую рыночную экономику и создают централизованно управляемое плановое натуральное хозяйство. К. Маркс недвусмысленно пишет: «Не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством» [7, с. 104]. Эти пророческие слова К. Маркса были подтверждены всем процессом социалистической революции, осуществленной большевиками в октябре 1917 г., а также практикой и результатами функционирования экономики СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рикардо, Д.* Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 1. – 360 с.
2. *Франк, С. Л.* Теория ценности Маркса и ее значение: Критический этюд / С. Л. Франк. – СПб. : Издательство М. И. Водовозовой, 1900. – 376 с.
3. *Маркс, К.* Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1978. – Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. – 907 с.
4. *Бунге, Н. Х.* Очерки политико-экономической литературы / Н. Х. Бунге. – СПб., 1895. – 466 с.
5. *Маркс К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 19. – 2-е изд. – 670 с.
6. *Маркс К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – 2-е изд. – 828 с.
7. *Маркс, К.* Экономические рукописи 1857–1861 гг. : в 2-х ч. (Первоначальный вариант «Капитала») / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1980. – Ч. 1. – XXVI. – 564 с.

Поступила в редакцию 26.03.19

ЭКОНОМИКА

А. В. Афанасенко

МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ КОММЕРЧЕСКИМИ РИСКАМИ В КОМПАНИИ APPLE

В статье рассмотрены основные факторы развития глобальной экономики, которые формируют причины возникновения многочисленных коммерческих рисков, а также масштабы экономических последствий и время их реализации. На примере политики компании APPLE проанализированы основные виды коммерческих рисков и особенности их проявления в процессе внешнеэкономической деятельности.

Глобальный экономический кризис 2008 года и растущее ожидание новых экономических катаклизмов выявили целый ряд опасностей и ограничений, таившихся в традиционных методиках управления рисками. В последние годы основное внимание уделялось возврату инвестиций (ROI) в ущерб анализу рисков, лежащих в основе этого показателя.

Многочисленные проблемы, возникшие сегодня у компаний, обусловили усовершенствование процесса управления рисками, особенно в области внедрения организациями отдельных стратегических инициатив. Как только дело сдвинулось с мертвой точки, менеджеры сконцентрировались на устранении существующих недостатков, по возможности уклоняясь от новых рисков. Потеряв значительные средства, компании столкнулись с балансовыми рисками и ограничением возможностей роста в краткосрочной перспективе. Поэтому сегодня организациям необходимы новые методики и средства стратегического управления рисками, чтобы обеспечить устойчивые доходы в будущем [1].

В 2008 году Apple решила улучшить взаимодействие с заинтересованными сторонами и повысить уровень прозрачности информации. Для достижения этой цели был сформирован отдел по управлению рисками. Несмотря на то, что вся компания действует как комитет по управлению рисками, до этого момента никто из руководителей не нес персональной ответственности за управление ими. Затем на уровне правления был создан отдел по управлению рисками, а также учреждена должность директора по управлению рисками (CRO). В бизнес-подразделениях были назначены сотрудники, отвечающие за данные вопросы.

Благодаря выявлению стратегических и операционных рисков, влияющих на показатели эффективности деятельности, и выработке скоординированного подхода к управлению рисками в рамках всего предприятия Apple смогла наладить эффективное взаимодействие с внешними заинтересованными сторонами, укрепить эти отношения и свою репутацию на рынке. Развитию взаимодействия с внутренними заинтересованными сторонами способствовало создание системы управления рисками, а также определение обязанностей, полномочий и сферы компетенции каждого сотрудника отдела по управлению рисками.

В процессе управления рисками в Apple для обеспечения его эффективности используется ряд контрольных показателей. Таблица, приведенная ниже (табл. 1), используется для идентификации недостатков, отслеживания прогресса и планирования деятельности по повышению эффективности управления рисками в Apple. Критерии оценки применимы к любым видам учреждений и масштабам деятельности [2].

Т а б л и ц а 1

Критерии оценки эффективности работы отдела управления рисками

Критерии оценки	Контрольные критерии
Идентификация риска	
Доступ к внутренней информации (транзакции, позиции, клиенты ит.д.)	Информация находится в свободном доступе для осуществления функции управления рисками благодаря простым в использовании интерфейсам; отсутствует необходимость полагаться на другие департаменты и функции для получения повседневной информации; в случае необходимости дополнительная информация периодически предоставляется службой ИТ или другими независимыми департаментами.
Глубина информационного покрытия	Надлежащая идентификация и предоставление информации обо всех рисках с многочисленными уровнями детализации информации для целей глубокого анализа.
Своевременность	Определенная информация доступна в режиме реального времени, для остальной информации действует остаточный принцип с очень незначительными исключениями.
Доступ к данным о рынке	Все необходимые рыночные данные по соответствующим продуктам и рынкам доступны функции управления рисками.
Оценка риска	
Оценка/измерение	Используется широкий спектр механизмов количественной оценки риска, включая оценку вероятности риска и сложные компоненты обобщения результатов с учетом взаимозависимости и отклонений между продуктами и направлениями бизнес-деятельности.
Анализ сценариев и стресс-тестирование	Анализ сценариев риска и стресс-тестирование проводятся регулярно на основе тщательно смоделированных, релевантных исторических и гипотетических сценариев и используются как составная часть процесса принятия управленческих решений.
Отчетность о рисках	
Содержание отчета	Полное освещение видов риска, продуктов, направлений бизнес-деятельности, юридических лиц и географических регионов. Исчерпывающая, но не чрезмерная по объему информация, технически сложная, но понятная для предполагаемой аудитории; практически применимая; согласуется с отчетностью других функциональных направлений (например, отчеты о прибыли и убытках).
Периодичность отчетности	Хорошо синхронизирована с временными рамками ключевых бизнес-процессов и потоками другой информации (например, отчетностью о прибыли и убытках). В большинстве случаев – сочетание ежедневных, еженедельных и ежемесячных отчетов, охватывающих все аспекты риска и обеспечивающих основу для квартальных и ежегодных кратких отчетов. Возможность незамедлительной подготовки отчетов по требованию.

Распространение/ предоставление отчетов	Широкое вертикальное и горизонтальное распространение – как для реализации функций, осуществляющих надзор, так и сопутствующих функций относительно всех релевантных продуктов и направлений бизнеса, юридических лиц и географических регионов.
Контроль / снижение рисков	
Лимиты риска	Лимиты риска составляют логически последовательную систему и основаны на готовности к принятию риска, оценке рисков, стресс-сценариях и планах развития бизнеса.
Критерии оценки	Контрольные критерии
Процедуры решения проблем, связанных с превышениями и исключениями	Четкие и логичные процедуры, которые предусматривают своевременное вовлечение соответствующих лиц, принимающих решения, для предотвращения или минимизации убытков и оптимального продолжения и развития бизнес-деятельности.
Утверждение новых продуктов	Существует тщательно выстроенная структура с широким спектром обязанностей относительно новых продуктов и процессов или изменений в имеющиеся продукты и процессы; функционирует эффективно и не дублирует функции других подразделений организации, обеспечивая при этом эффективность и надлежащий контроль над рисками.
Планы действий в случае непредвиденных ситуаций	Отдельные департаменты вовлечены в подготовку, обновление и регулярное тестирование планов действий в случае конкретных возможных сценариев; планы обновляются с целью отражения потенциально вероятных ситуаций.

Управление рисками в Apple строится на основе трех линий защиты:

1. Функционирование направлений бизнес-деятельности, при которой:
 - делается акцент на операционной деятельности в режиме реального времени;
 - внедряется основа управления рисками и надлежащая практика управления рисками в стандартные операционные процедуры;
 - осуществляется мониторинг результатов управления рисками в бизнес-деятельности;
 - делается упор на эффективности управления рисками в бизнес-деятельности.
2. Риск-менеджмент, в рамках которого:
 - главное внимание уделяется мониторингу и проверке в режиме реального времени;
 - разрабатывается и внедряется основа управления рисками – процедуры, системы, процессы и инструменты;
 - обеспечивается охват рисков:
 - идентификация;
 - оценка/методы;
 - реагирование;
 - контроль/лимиты;
 - мониторинг;
 - отчетность;
 - выполняются функции по утверждению решений в соответствии с делегированными полномочиями.

3. Внутренний аудит, при котором:

- главное внимание уделяется независимой проверке;
- осуществляется проверка эффективности практики управления рисками;
- подтверждается уровень соблюдения нормативно-правовых требований;
- разрабатываются рекомендации по улучшению; в случае необходимости обеспечивается осуществление мер по исправлению недостатков.

На сегодняшний день отдел управления рисками Apple включает 73 сотрудника (табл. 2) [3].

Т а б л и ц а 2

Штатный состав и обязанности сотрудников отдела управления рисками

Должность	Кол-во	Исполняемые обязанности
Директор по рискам	1	формирование методологических подходов к решению профильных задач ОУР; разработка методологических и регламентных документов по управлению рисками; идентификация и оценка существующих рисков; формирование планов и программы по управлению рисками; подготовка регулярной отчетности по управлению рисками; организация и проведение комитетов по рискам; презентация результатов управления рисками на аудиторском комитете; организация работы отдела управления рисками; организация рабочих встреч и взаимодействие с владельцами процессов и рисков; организация и проведение обучения менеджмента методологии управления рисками; экспертная поддержка проектов.
Заместитель директора по рискам	2	разработка и внедрение методологии; проведение стресс-тестирования; формирование управленческой отчетности по рискам; ведение базы данных нефинансовых рисков; анализ, контроль и мониторинг управления рисками в соответствии с законодательством и внутренними документами; оценка уровня рисков, разработка мер по снижению/минимизации рисков; расчет обязательных нормативов.
Эксперт по управлению рисками	8	разработка реестра рисков и контроль продвижения разработки реестра у подрядчиков; опрос участников проекта о возможных рисках и проблемах с интерфейсами, коммуникациями, согласованиями; определение тяжести влияния рисков, вероятности реализации рисков совместно со специалистами, в чьей области ответственности могут реализоваться риски; стоимостная оценка негативного влияния риска; стоимостная оценка мероприятий по снижению или устранению рисков; оценка эффективности затрат на эти мероприятия; разработка стратегии управления рисками.

Риск-менеджер	12	разработка и унификация риск-отчетности, мониторинг показателей и трендов; внедрение лучших практик управления розничными рисками; организация процесса обмена опытом и коммуникации между продуктовыми группами; дополнительно к основным обязанностям предполагается участие в различных проектах и задачах отдела аналитики.
Специалист по управлению рисками	50	разработка методологии по процессам, связанным с контролем и оценкой различных рисков; разработка и поддержание методик оценки справедливой стоимости финансовых инструментов; установление лимитов процентного риска; формирование отчетности по видам рисков; составление требований к структуре данных для контроля позиций продукта; участие во внедрении новых продуктов, а также IT-систем для оценки рисков.

К функциям отдела управления рисками относятся:

- идентификация рисков;
- оценка рисков с использованием количественных и/или качественных методов;
- определение подходов и методов управления рисками, а также перечень мероприятий по снижению рисков (использование обеспечения и пр.);
- определение лимитов и иных ограничений уровня рисков, а также контрольных значений, при достижении которых необходима реализация мероприятий по снижению их уровня;
- участие в разработке стратегии управления рисками;
- контроль объемов принимаемых рисков, эскалация нарушения установленных ограничений по рискам;
- совершенствование системы управления рисками в случае выявления новых факторов риска;
- управление совокупными рисками в рамках полномочий, требований и ограничений, утвержденных решениями генерального директора;
- утверждение перечня видов рисков, признаваемых существенными для предприятия;
- формирование отчетности об уровне принятого риска и результатах оценки эффективности применяемых методов управления рисками.

На сегодняшний день в Apple используется новый подход к стратегическому управлению рисками, который привязан к философии «беспригрышных ситуаций» (Win More-Win More Philosophy), когда создание ценности происходит параллельно с наращиванием стоимости активов.

Эта методика основана на двух исследовательских традициях, в основе которых лежит опыт наиболее успешных компаний: *теория совместного создания ценностей* (Value Co-Creation), а также *стратегия управления возвратом инвестиций* (Return Driven Strategy) Марка Фриго и Джоэла Литмана [4].

Теория совместного создания ценностей базируется на четырех ключевых предпосылках: диалог, доступ к информации, понимание рисков и прозрачность. Эти предпосылки обеспечивают высокое качество взаимодействия заинтересованных сторон на пути совместного создания ценностей.

Стратегия управления возвратом инвестиций описывает иерархию стратегических активностей наиболее успешных компаний языком финансов и ценностей для акционеров. Другими словами, она рассказывает, как улучшить показатель возврата инвестиций и ускорить рост. В то же самое время управление возвратом инвестиций исходит из предпосылки, что благосостояние акционеров достигается только через создание ценности для всех остальных (клиенты, сотрудники, поставщики, другие акционеры).

Менеджеры Apple использовали управление возвратом инвестиций как всеобъемлющую методику определения, оценки и корректировки стратегии компании. Эта методика была интегрирована в процесс стратегического планирования и применялась для оценки влияния внешних событий и сценариев (включая сценарий слияния и поглощения) на реализацию стратегии компании. Как только руководители Apple привыкли к использованию этой методологии для оценки бизнес-стратегии и стратегических инициатив, они смогли сосредоточиться на анализе важнейших рисков, которые могли разрушить ценность для акционеров, то есть использовать данную методику для управления стратегическими рисками. Далее применение стратегии управления возвратом инвестиций в области корпоративного управления рисками (Enterprise Risk Management, ERM) и их оценки было испытано руководителями компаний и риск-менеджерами [5].

Можно выделить следующие основные бизнес-риски компании Apple:

1. Зависимость от работы дистрибьюторов, перевозчиков и других посредников.

Компания распространяет свою продукцию через операторов сотовой связи, оптовиков, национальных и региональных розничных торговцев и реселлеров с высокой добавленной стоимостью, многие из которых реализуют продукцию от конкурирующих производителей. Компания также продает свою продукцию и сторонние продукты на большинстве собственных основных рынков напрямую образовательным, корпоративным и государственным заказчикам и потребителям, а также малым и средним предприятиям через свои розничные и интернет-магазины. Некоторые операторы, предоставляющие услуги сотовой сети для iPhone, субсидируют покупки пользователями устройства. Однако нет никаких гарантий того, что такие субсидии будут продолжаться вообще или в тех же количествах при возобновлении соглашений Apple с этими перевозчиками или в соглашениях, которые компания заключает с новыми перевозчиками. Компания инвестировала и будет продолжать инвестировать в программы, направленные на

увеличение продаж реселлеров, включая укомплектование персоналом избранных реселлеров работниками и подрядчиками Apple, а также улучшение отображения товаров. Эти программы могут потребовать существенных инвестиций, не гарантируя при этом возврата или прироста доходов.

2. Время от времени продукты и услуги Apple имеют проблемы с качеством, что может привести к снижению продаж и операционной маржи и нанести вред репутации компании.

Apple продает сложные аппаратные и программные продукты и услуги, которые могут содержать дефекты дизайна и производства. Сложное программное обеспечение и приложения операционной системы, продаваемые компанией, часто содержат «ошибки», которые могут неожиданно помешать предполагаемой работе программного обеспечения. В онлайн-службах время от времени могут происходить перебои в работе, замедление работы или ошибки. Дефекты также могут возникать в компонентах и продуктах, которые компания приобретает у третьих сторон. Не может быть никакой гарантии, что компания сможет обнаружить и устранить все дефекты в оборудовании, программном обеспечении и услугах, которые она продает. Невыполнение этого требования может привести к потере доходов, существенным гарантийным и другим расходам и нанесению ущерба репутации Apple.

3. Деятельность Apple подвержена рискам международных операций.

Компания получает значительную часть доходов и прибыли от своих международных операций. Соблюдение применимых законов и положений США и других стран, таких как импортные и экспортные требования, законы о борьбе с коррупцией, налоговое законодательство, валютный контроль и ограничения на репатриацию наличных, требования о конфиденциальности данных, законы об охране окружающей среды, трудовое законодательство и антиконкурентные нормы, расходы на ведение бизнеса в иностранных юрисдикциях. Несмотря на то, что Apple применяет политику и процедуры для соблюдения этих законов и правил, все же может произойти нарушение со стороны сотрудников, подрядчиков или агентов компании. В некоторых случаях соблюдение законов и правил одной страны может нарушать законы и правила другой, что, возможно, существенно повлияет на бренд Apple, международные усилия и бизнес.

Компания также может существенно пострадать от других рисков, связанных с международной деятельностью, включая, помимо прочего, экономические и трудовые условия, повышенные пошлины, налоги и другие расходы и политическую нестабильность. Наценки на продажу продукции компании в зарубежных странах и на продажу продуктов, которые включают компоненты, полученные от иностранных поставщиков, могут существенно пострадать от регулирования международной торговли, включая применение пошлин, тарифов и антидемпинговых штрафов. Компания также подвержена кредитному риску.

4. Финансовые результаты Apple подвержены рискам, связанным с изменением стоимости доллара США по отношению к местной валюте [6; 7; 8].

Основной риск, связанный с изменениями валютных курсов компании, связан с операционными расходами, выраженными в долларах США, не относящимися к доллару США. Ослабление иностранных валют по отношению к доллару США отрицательно влияет на стоимость доллара США в иностранной валюте, выраженную в иностранной валюте, и в целом приводит компанию к повышению международных цен, что потенциально снижает спрос на продукцию компании. Прибыль от продажи продукции компании в зарубежных странах и продуктов, которые включают компоненты, полученные от иностранных поставщиков, может существенно пострадать от колебаний обменного курса иностранной валюты. В некоторых случаях компания может принять решение не повышать местные цены, чтобы компенсировать укрепление доллара. Рост курса иностранных валют по отношению к доллару США, в то время как это в целом выгодно для продаж и доходов, выраженных в иностранной валюте, может привести к снижению международного ценообразования и возникновению убытков по производным инструментам в иностранной валюте, что ограничивает выгоду и стоимость компании в отношении компонентов продукции, выраженных в этих валютах, это отрицательно скажется на валовой прибыли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдошин, С. М.* Информатизация бизнеса. Управление инвестициями / С. М. Авдошин, Е. Ю. Песоцкая. – М. : ДМК Пресс, 2011. – 176 с.
2. *Балдин, К. В.* Управление рисками в инновационно-инвестиционной деятельности предприятия : учеб. пособие / К. В. Балдин. – М. : Дашков и К, 2013. – 420 с.
3. *Воробьев, С. Н.* Управление рисками в предпринимательстве / С. Н. Воробьев, К. В. Балдин. – М. : Дашков и К, 2013. – 482 с.
4. *Крыжановский, О. А.* Методические подходы и способы оценки финансовых рисков на предприятии / О. А. Крыжановский, Л. К. Попова // Вопросы экономики и управления. – 2016. – № 5. – С. 162–165.
5. *Кутафьева, Л. В.* Приемы и методы управления предпринимательскими рисками / Л. В. Кутафьева // Молодой ученый. – 2013. – № 10. – С. 322–324.
6. *Лысенко, О. А.* Проблемы и способы снижения рисков на предприятии / О. А. Лысенко // Современные научные исследования и инновации : науч.-практ. журнал. – 2015. – № 6–4 (50). – С. 30–33.
7. *Мамаева, Л. Н.* Управление рисками : учеб. пособие / Л. Н. Мамаева. – М. : Дашков и К, 2013. – 256 с.
8. *Мирошниченко, Ю. В.* Управление предпринимательскими рисками в условиях нестабильности экономической среды / Ю. В. Мирошниченко, А. В. Надолько // Финансовый анализ. – 2013. – № 12. – С. 22.

Поступила в редакцию 22.03.19

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ТРЕНДОВ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА ИННОВАЦИЙ

На основе обобщения статистических данных и экспертных оценок динамики, факторов и тенденций развития инновационных процессов в экономике Республики Беларусь автор выявляет соответствие количественных и качественных характеристик национальной инновационной системы вызовам мирового рынка и параметрам глобальной инновационной гиперконкуренции.

Наука и инновации признаны международным экспертным сообществом основным драйвером устойчивого развития мировой экономики на ближайшие десятилетия. Привлекательность инновационного развития заключается в расширении спектра возможностей и инструментов для решения наиболее важных проблем, прежде всего в экономике и социальной сфере. Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года, принятая ООН, рекомендует странам-участницам концентрировать усилия на создании условий для «всеохватывающей и устойчивой индустриализации и инновационной активности» [1].

В Республике Беларусь осознание значимости перевода национальной экономики в режим интенсивного инновационного развития нашло отражение в ряде стратегических программ: Национальной стратегии устойчивого развития до 2020 года, Концепции национальной инновационной системы, Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, Национальной стратегии устойчивого развития до 2030 года, Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы.

В качестве основы активизации инновационных процессов и расширенного воспроизводства нововведений элитами развития рассматривается национальная инновационная система (НИС). Теоретико-методологической основой построения НИС Республики Беларусь был заявлен системный подход, позволяющий соединить действующие фрагментарные сегменты инновационного комплекса страны в единое целое. В организационную модель национальной инновационной системы на этапе ее проектирования были включены подсистемы генерации знаний; образования и профессиональной подготовки кадров инновационной деятельности; инновационного производства; технологической и финансовой инфраструктуры, а также подсистема управления и регулирования, в которой центральное место отведено государству.

За последние годы в Республике Беларусь активность государства в области развития научного, научно-технического и инновационного потенциалов возросла. Продолжает расширяться законодательная и нормативно-правовая база научно-инновационной деятельности, осуществляется

реорганизация академической и вузовской науки, реализуются программы по развитию информационной и инновационной инфраструктуры, инновационного бизнеса. По ряду направлений в Беларуси, по оценкам экспертов, осуществляются научные исследования и разработки мирового уровня: значимые достижения отмечены в отдельных областях физики, математики, производстве новых материалов, в микроэлектронике и информатике, создании программного обеспечения, в сфере нанотехнологий, генетики и биотехнологий, в обеспечении экологической устойчивости и радиационной безопасности, других областях.

Тем не менее, изменения в инновационной сфере страны нельзя признать системными. Беларусь по-прежнему располагает лишь отдельными элементами НИС: научными и образовательными учреждениями, инновационно-активными производственными предприятиями и специализированными звеньями инновационной инфраструктуры. Качественных изменений, позволяющих перейти к расширенному воспроизводству первичных и вторичных нововведений на основе устойчивой инновативной модели поведения субъектов экономики как главного фактора устойчивого развития, пока не произошло.

Основными проблемами инновационной среды Беларуси остаются: ограниченный платежеспособный спрос на внутреннем рынке на передовые технологии и нововведения и перспективные, с точки зрения коммерческого применения, результаты научно-технической деятельности; неразвитость финансовых механизмов поддержки инновационного предпринимательства и самостоятельных инновационных проектов; отсутствие эффективных механизмов реализации приоритетных направлений развития науки и технологий; распыление бюджетных средств и недофинансирование исследований, обеспечивающих конкурентоспособность экономики страны на мировом рынке; отсутствие механизмов координации НИР в смежных отраслях реального сектора экономики и слабость кооперационных связей между научными организациями, учреждениями образования и производственными предприятиями; неразвитость инновационного менеджмента и механизмов коммерциализации нововведений; низкая инновационная активность крупных промышленных предприятий; неразвитость сектора малого инновационного предпринимательства; недостаток информации о новых технологиях и возможных рынках сбыта принципиально новых продуктов; низкая инновационная культура населения и предпринимателей. Одной из серьезных проблем является недостаточное развитие рыночных механизмов распространения новшеств: в 2017 году из 347 инновационно-активных организаций промышленности приобрели новые технологии на рынке лишь 2 %, при этом число такого рода субъектов сократилось с 2011 года на 21,6 % [2].

Научный потенциал Беларуси оценивается как значительный, но, по мнению экспертов, отсутствует выраженная целевая направленность исследований, а также прочные связи между различными звеньями инновационной цепочки: фундаментальными исследованиями – прикладными исследова-

ниями и разработками – внедрением в производство – коммерциализацией. При этом абсолютная численность исследователей сокращается: с 2010 по 2017 годы – на 2 790 человек (–14 %), в том числе имеющих степень доктора наук – на 101 (–13,5 %), кандидатов наук – на 291 человека (–9,6 %), свидетельствуя об ухудшении структуры занятости в секторе НИР (табл. 1)*.

Т а б л и ц а

Индикаторы научной и инновационной деятельности
в Республике Беларусь в 2010–2017 гг.

Индикатор	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Научоемкость ВВП, %	0,69	0,68	0,67	0,65	0,51	0,50	0,50	0,59
Доля бюджетных средств во внутренних затратах на финансирование научных исследований и разработок, %	57,8	45,0	43,6	47,6	48,0	44,7	44,0	41,8
Численность исследователей, из них:	19879	19668	19315	18353	17372	16953	16879	17089
– докторов наук	746	741	719	703	671	648	631	645
– кандидатов наук	3143	3150	3071	2946	2867	2822	2813	2850
Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП, %	35,3	38,2	35,8	34,3	24,2	27,3	28,9	28,1
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме продукции промышленности, %	14,5	14,4	17,8	17,8	13,9	13,1	16,3	17,4
Удельный вес экспорта в общем объеме инновационной продукции промышленных организаций, %	50,7	62,3	64,3	60,1	59,4	64,0	67,9	67,5

Среди факторов, препятствующих развитию инновационной деятельности в организациях Беларуси, аналитиками и менеджерами-практиками наиболее часто упоминаются: недостаток собственных денежных средств; высокая стоимость и длительные сроки окупаемости нововведений; недостаточная финансовая поддержка со стороны государства; высокий экономический риск и низкий спрос на инновации на внутреннем рынке.

Между тем инновации играют важную роль в формировании конкурентных позиций субъектов национальной экономики за ее пределами: 63 % инновационной продукции промышленности реализуется на внешних

* Разработано автором на основе [2; 3].

рынках, из них только треть (32,8 %) на традиционном для нас направлении – в странах СНГ. При этом удельный вес инновационной продукции, новой для мирового рынка, и без того незначительный, демонстрирует устойчивую отрицательную динамику: за 2011–2017 гг. он снизился почти вдвое: с 1,1 до 0,5 % (табл. 2) [2]*.

Т а б л и ц а 2

Структура инновационной продукции промышленных организаций Республики Беларусь по степени рыночной новизны в 2011–2017 гг.

Индикатор	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Удельный вес отгруженной инновационной продукции, <i>новой для внутреннего рынка</i> в общем объеме отгруженной продукции организаций промышленности, %	53,2	60,0	43,6	44,6	46,0	35,7	43,5	49,1
Удельный вес отгруженной инновационной продукции, <i>новой для мирового рынка</i> в общем объеме отгруженной продукции промышленности, %	0,8	1,1	0,7	0,6	1,2	1,8	0,5	0,5

Несмотря на приоритетность задач инновационной политики статистика нововведений в Беларуси в последнее десятилетие свидетельствует об ограниченности ресурсов инновационного развития. Показатель наукоемкости ВВП остается на уровне, который существенно ниже критического ориентира для данного показателя в мировой статистике (не менее 1 %): 2015 и 2016 гг. его значение составляло всего 0,50 %, в 2017 г. он установился на уровне 0,59 %. Это ниже, чем в 2008 году (0,97 %) и кризисном для мировой экономики 2009 году (0,68 %) [2]. За период с 2001 по 2017 год индикатор уменьшился, таким образом, на 17 %. Страны-лидеры в области инноваций постоянно наращивают объемы финансирования научных исследований и опытно-конструкторских разработок: по прогнозам, в 2020 г. значения показателя в США составят 3,0 %, в Японии и ЕС – 2,2, России – 2,25, Индии – 2,4, Китае – 2,5 % [4].

В структуре внутренних расходов на НИР в Беларуси преобладают средства государственного бюджета – 41,8 %, собственные средства организаций составляют 31,5 %, доля иностранных инвесторов (включая иностранные кредиты и займы) – 14,1 %. Практически отсутствует и не выявляется статистически венчурное финансирование [2].

Сектор венчурного финансирования, который является важным элементом инфраструктуры инноваций, в Беларуси еще только начинает формироваться. В частном секторе экономики функционируют около 20 бизнес-анге-

* Разработано автором на основе [2; 3].

лов, готовых осуществлять сверхрискованные долгосрочные капиталовложения во вновь создаваемые либо недавно созданные компании, которые за счет использования новых технологий и достижений науки способны обеспечить производство новых конкурентоспособных товаров, однако по оценкам экспертов, для такой страны как Беларусь нужно не менее 100 субъектов венчурного предпринимательства, то есть в пять раз больше.

Создание венчурных фондов, предусмотренное государственными программами стимулирования и поддержки инновационного развития, само по себе не может решить проблему отсутствия инновационно-активных компаний, которые демонстрировали бы хорошую динамику и привлекательные финансовые показатели, позволяющие ожидать даже при значительных рисках окупаемости инвестиций и получения прибыли.

Представляется, что фундаментальная проблема заключается в самих подходах к формированию белорусской модели НИС: концепция белорусской инновационной системы создавалась на основе патерналистского подхода, ориентируясь на инициативу и активность государства как ключевой фактор инновационного развития. Между тем, современная инноватика предлагает иной взгляд на источники инновационного роста, смещая акцент на человеческий и социальный капиталы, условия становления и развития инновационно-активного предпринимательства.

В Республике Беларусь инновационно-активными являются 3–4 % субъектов малого и среднего бизнеса. В промышленности критериям инновационно ориентированных отвечают 21 % организаций, в сфере услуг – 12,3 % (табл. 3). Очевидна тенденция к сокращению доли инновационно-активных субъектов экономики в целом: с 21,7 % в 2011 году до 19,8 % – в 2017 году [2]. В странах, относимых международными классификаторами к категории среднеразвитых, показатель инновационной активности более чем вдвое превышает демонстрируемые отечественными субъектами хозяйствования значения.

Для малой открытой экономики Республики Беларусь существенными характеристиками эффективности национальной инновационной системы являются способность адаптироваться к условиям мирового инновационного развития, степень и характер воздействия на конкурентные позиции субъектов внешнеэкономической деятельности. Условия «догоняющего развития» в инновационной сфере диктуют необходимость ускоренного формирования и интеграции национальной инновационной системы страны в международные и глобальные научно-технологические и инновационные сети. Важными факторами адаптации к новым условиям становятся интенсивность, уровень и качество нововведений и скорость осуществления инновационных проектов.

Ключевой характеристикой национальной экономики в условиях интернационализации и глобализации научно-технологических и инновационных процессов становится глобальная конкурентоспособность. В глобальной информационно-сетевой экономике качественно меняются основные концепции, модели, методы, механизмы и формы регулирования экономики и конкурентной борьбы на глобальном, национальном, региональном и локальном уровнях.

Возникает качественно новый вид конкуренции – гиперконкуренция, в основе которой лежат новые знания (компетенции), многоуровневость и многоаспектность инновационной деятельности, ее динамизм, адаптивность, мобильность, управляемость и эффективность. Фактором конкурентных преимуществ становится способность к созданию и использованию опережающих доминантных инноваций, которые обеспечивают включение субъектов инновационной деятельности в глобальные сети.

Гиперконкурентные компании предлагают товары, услуги, сервисы обслуживания и управления, характеризующиеся глобальной инновационностью. Игроков нового уровня отличает, прежде всего, предложение высококонкурентных товаров и услуг с качественно новыми, во многом универсальными функциями и потребительскими свойствами, созданных на основе первичных инноваций первой и второй волны. Такие нововведения получают статус глобальных брендов, формирующих новые рыночные ниши и развивающих новые потребности у покупателей во многих странах мира.

При этом в мировой экономике формируется так называемый инновационный разрыв – значительная неравномерность инновационного развития, резко различающиеся темпы и эффективность инновационного процесса в глобальном инновационном пространстве. Инновационный разрыв становится, по оценкам исследователей, наиболее существенным фактором диспропорций в мировом экономическом развитии.

Темпы и характер инновационных процессов в Беларуси создают значительные стратегические риски в таких условиях. Существенных изменений в отраслевой и технологической структуре капиталовложений, качестве экономического роста на основе инноваций не происходит: преобладают экстенсивные факторы роста и развития, мобилизуемые за счет повышения дисциплины труда, улучшения организации производства, использования административного ресурса.

Более 70 % всех инновационно-активных промышленных предприятий Беларуси сосредоточены в отраслях традиционного индустриального сектора: машиностроении, металлообработке, пищевой и легкой промышленности. Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП составляет 28,1 %. Удельный вес экспорта высокотехнологичных товаров в общем объеме экспортных поставок товаров и услуг – всего 2,2 % [2].

В экономике Республики Беларусь промышленное производство играет особую роль. Формируя 38 % валового внутреннего продукта (в мировой экономике этот показатель в среднем составляет 31 %), сектор обеспечивает значительную часть товарного экспорта страны: на внешних рынках реализуется 58,5 % промышленной продукции. Его доля в ВВП сокращается (только за 2013–2016 гг. – на 4,7 %), уступая место сфере услуг, где создается уже 48,3 % ВВП (прирост индикатора за тот же период составил 2,9 %) [5]. Однако абсолютные показатели белорусского экспорта услуг существенно – в 3,4 раза – уступают значениям экспорта товарного.

При этом выраженной устойчивой тенденцией является ухудшение структуры и снижение технологического уровня товарного экспорта, сформированного на 92,4 % именно обрабатывающей промышленностью [6]. Эти процессы связаны с потерей конкурентоспособности и ускоренным сокращением производства в относительно технологически развитых отраслях. Происходит уменьшение удельного веса в экспортных поставках машин, оборудования и транспортных средств при возрастании долей минеральных продуктов и продукции пищевой промышленности.

Сравнительные исследования подтверждают долгосрочное снижение доли среднетехнологичных товаров (с 41 до 32 % за 1998–2016 гг. на фоне увеличения индикатора в Чехии и Венгрии до 45 и 49 % соответственно) и вымывание высокотехнологичных товаров в белорусском экспорте (при увеличении последней группы в экспортной корзине Польши до 12 %, Чехии – до 20 %, Венгрии – до 22 %) [7].

Высокотехнологичный товарный экспорт Республики Беларусь, оцениваемый по расширенному перечню (по методологии ГКНТ), за 2012–2015 гг. снизился почти в четыре раза – с 7,39 до 1,91 млрд долл. Доля этой позиции в общем объеме продаж на внешних рынках, достигшая в 2013 году пикового значения в 18,6 %, упала за три года до 7,2 % [8, с. 60].

Характерной особенностью этой категории поставок с 2012 года является специализация на одной доминирующей позиции Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности – «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки», которая формирует около 60 % в общем объеме экспорта продукции высоких технологий.

Отечественные промышленные предприятия в области нововведений все еще ориентированы главным образом на модернизацию оборудования, приобретение машин, локальное совершенствование технологических процессов. Сектор ИКТ, обеспечивающий 3,9 % всех экспортных поставок Беларуси и 10,5 % экспорта услуг, считают основной движущей силой инновационного развития национальной экономики. Однако здесь сосредоточены всего 3,4 % от общего числа хозяйствующих субъектов, доля сектора в ВВП страны также незначительна – 4,5 % [5]. Отрасль развивается на основе аутсорсинговой модели. На внутреннем рынке нет достаточного спроса на услуги сектора, он не стимулирует развитие смежных отраслей экономики.

Индикаторы инновационной активности выявляют существенные секторальные диспропорции. Удельный вес высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта страны в 7 раз превышает аналогичный индикатор для высокотехнологичных услуг (табл. 3).^{*} Доля инновационно активных организаций в сфере услуг (12,3 %) в целом все еще в 1,7 раз меньше, чем в промышленном секторе экономики (21 %) [2].

Инновационная деятельность, как показывает мировая практика, позволяет создавать конкурентоспособные продукты и услуги, обеспечивающие значительные преимущества для выхода и освоения зарубежных рынков на основе первичных инноваций первой и второй волны.

^{*} Разработано автором на основе [2].

Т а б л и ц а 3

Показатели инновационной активности в промышленном секторе
и сфере услуг Республики Беларусь в 2011–2017 гг.

Индикатор	2011	2013	2014	2015	2016	2017
Удельный вес инновационно активных <i>организаций промышленности</i> , %	22,7	21,7	20,9	19,6	20,4	21,0
Удельный вес инновационно активных организаций <i>сферы услуг</i> , %	12,1	19,2	14,0	14,0	13,3	12,3
Удельный вес высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта товаров и услуг, %	34,5	28,3	27,7	30,9	33,2	31,9
Удельный вес высокотехнологичных услуг в общем объеме экспорта товаров и услуг, %	1,1	2,0	2,4	3,5	4,4	4,5

Гиперконкуренция в мировой экономике характеризуется постоянно нарастающим и ускоряющимся соперничеством в области товарных и технологических нововведений, сокращением времени научных исследований и опытно-конструкторских работ, агрессивной конкуренцией цен и компетентностей и экспериментированием с новыми подходами к обслуживанию покупательских потребностей.

Темпы инновационного развития, структура и научно-технический уровень научных исследований и разработок, сама система обеспечения инновационной деятельности в национальной экономике не отвечают в полной мере тенденциям и вызовам мирового инновационного процесса, условиям глобальной гиперконкуренции. В Глобальном рейтинге инноваций-2018 Беларусь заняла 86-е место из 125, что является худшей позицией среди европейских экономик и существенно уступает показателям стран-соседей (у Латвии – 34-е место, у Польши – 39-е, Литвы – 40-е, Украины – 43-е, России – 46-е) [9]. В 2015 г. наша страна занимала 53-ю строчку рейтинга, а в 2016 году – уже 79-ю, к 2017 году опустившись на 88-ю, что соответствует потере 35 позиций за два года (табл. 4).*

Т а б л и ц а 4

Динамика основных позиций Республики Беларусь
в Глобальном инновационном индексе (GII) в 2012–2018 гг.

Индикаторы GII	Позиция Республики Беларусь							+/- мест в рейтинге за 2012–2018 гг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
Позиция в рейтинге GII	78	77	58	53	79	88	86	–8

* Разработано автором на основе [9–15].

Рейтинг в группе индикаторов «Институты»	109	107	105	94	77	81	81	+28
Рейтинг в группе индикаторов «Человеческий капитал и исследования»	45	43	38	32	35	36	34	+11
Рейтинг в группе индикаторов «Инфраструктура»	66	74	56	60	63	67	73	–7
Рейтинг в группе индикаторов «Уровень развития рынка»	75	47	86	32	89	90	91	–16
Рейтинг в группе индикаторов «Уровень развития бизнеса»	105	100	114	94	81	65	53	+52
Рейтинг в группе индикаторов «Создание знаний и технологий»	44	54	30	32	49	61	65	–21
Рейтинг в группе индикаторов «Результаты творческой деятельности»	117	102	84	94	124	123	122	–5

В условиях глобальной гиперконкуренции необходим переход к новой модели инновационного развития, которая может быть определена как информационно-сетевая экономика с инновационно-гиперконкурентной доминантой, основанной на новых знаниях, информационно-коммуникационных технологиях, методах активной гиперконкурентной борьбы и инновационно-управленческого опережения.

Для объединения субъектов и объектов инновационной деятельности в целостную систему необходимы такие базовые элементы, как сформировавшиеся подсистемы техники и технологических цепей пятого и шестого поколения, человеческий капитал инновационного развития, развитые сетевые технологии, единое информационное пространство, единая экономическая и правовая среда, активность бизнеса в сфере инноваций, инновационная культура общества.

Условиями перехода к активной фазе формирования НИС являются: технологический и интеллектуальный потенциал, достаточный для запуска инновационного процесса; постоянный рост числа участников инновационных сетей, в том числе в результате вовлечения в нее новых социальных групп; институциональная система, ориентированная на инновационное развитие; востребованность инноваций большинством хозяйствующих субъектов и национальной экономикой в целом; достаточный уровень финансирования инноваций.

ЛИТЕРАТУРА

1. UNESCO Science Report: Forwards 2030. – UNESCO Publishing, 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.un.org /235406e.pdf>. – Date of access: 02.02.2019.

2. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: стат. сб. // Нац. стат. комитет. – Минск, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.belstat.gov.by/Science and Innovation 2018.pdf>. – Дата доступа : 14.03.2019.
3. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: стат. сб. // Нац. стат. комитет. – Минск, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.belstat.gov.by/fd2aSb8f20580641a780fcdf2ba26d8220172017.zip>. – Дата доступа: 10.12.2018.
4. World Economic Situation and Prospect 2017. – UN, 2017 [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.un.org/wesp2017_en.pdf. – Date of access : 22.11.2018.
5. Республика Беларусь 2018: стат. ежегодник [Электронный ресурс] // Нац. стат. комитет Республики Беларусь, 2018. – Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/0be/0becfeb4ft8551d54808f25ebc33ca51.pdf>. – Дата доступа : 12.03.2019.
6. Внешняя торговля Республики Беларусь 2018: стат. сб. [Электронный ресурс] // Нац. стат. комитет Республики Беларусь, 2018. – Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/b5e/b5eeb063dead3c19ec3f27d642270471.pdf>. – Дата доступа : 12.03.2019.
7. *Точицкая, И.* Показатели экспортной активности Беларуси в 1998–2016 гг: каковы шансы на рост? / И. Точицкая / Исследовательский центр ИПМ, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.research.by/webroot/delivery/files/wp2917r02pdf>. – Дата доступа : 29.06.2018.
8. *Абрамчук, Н.* Экспорт высокотехнологичных товаров Республики Беларусь и его географическая диверсификация / Н. Абрамчук // Банковский вестник. – 2017. – № 1. – С. 59–66.
9. The Global Innovation Index 2018: Energizing the World with Innovation [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.gii_2018-report-new.pdf. – Date of access : 22.11.2018.
10. The Global Innovation Index 2017: Innovation Feeding the World [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.gii-full-report-2017.pdf>. – Date of access : 22.11.2018.
11. The Global Innovation Index 2016: Winning with Global Innovation [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.wipo-pub-gii-2016>. – Date of access : 22.11.2018.
12. The Global Innovation Index 2015: Effective Innovation Policies for Development [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.wipo-pub-gii-2015>. – Date of access : 22.11.2018.
13. The Global Innovation Index 2014: The Human Factor in Innovation [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.GII-2014-v5.pdf>. – Date of access : 22.11.2018.
14. The Global Innovation Index 2013: The Local Dynamics of Innovation [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.gii_2013.pdf. – Date of access : 22.11.2018.

15. The Global Innovation Index 2012: Stronger Innovation Linkages for Global Growth [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.GII-2012-Report.pdf>. – Date of access : 22.11.2018.

Поступила в редакцию 16.04.2019

Е. Н. Иванова

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЗИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье исследованы понятие и правовые основы проведения лизинговых операций в Республике Беларусь. Дан анализ состояния лизинговой деятельности на основе официальных данных Национального банка Республики Беларусь, Белорусского союза лизингодателей и Ассоциации лизингодателей Беларуси. Выявлены проблемы, которые возникают при практическом осуществлении лизинговых сделок, а также факторы, отрицательно влияющие на деятельность лизинговых организаций в Беларуси.

Лизинг – это долгосрочная аренда имущества с последующим правом выкупа. Но помимо свойств арендной деятельности, он обладает свойствами кредитной сделки и инвестиционной деятельности. Лизинг является эффективным финансовым инструментом, предоставляющим реальную возможность организациям приобретать и обновлять свои основные средства, повышать конкурентоспособность выпускаемой продукции. Высокий спрос на новое оборудование в совокупности с преимуществами лизинговых сделок для потенциальных пользователей способствовали созданию условий для роста лизинговой деятельности.

В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы намечено дальнейшее развитие деятельности лизинговых организаций, в том числе за счет снижения стоимости предоставляемых ими услуг и расширения сферы их использования, поскольку роль таких услуг будет возрастать [1].

Финансовая аренда (лизинг) является широко распространенным видом правоотношений в экономике Республики Беларусь. Лизинговая деятельность регулируется двумя основными законодательными актами – Гражданским кодексом Республики Беларусь и Указом Президента Республики Беларусь от 25.02.2014 № 99 «О вопросах регулирования лизинговой деятельности» (далее – Указ № 99) [2; 3].

В соответствии с Указом № 99 лизинговая деятельность определяется как предпринимательская деятельность по приобретению лизингодателем в собственность имущества в целях его последующего предоставления за плату во временное владение и пользование юридическому или физическому лицу.

Лизинговую деятельность вправе осуществлять только организации, включенные Национальным банком в реестр лизинговых организаций. Одно

из условий включения лизинговой организации в реестр – это создание формирования уставного фонда на день подачи заявления о включении в реестр в размере, не ниже 125 тыс. рублей.

Лизинговую деятельность без включения в реестр вправе осуществлять:

- юридические лица и индивидуальные предприниматели при условии заключения не более трех договоров финансовой аренды (лизинга) в течение одного календарного года и (или) общей стоимости предметов лизинга, передаваемых по одному или нескольким договорам финансовой аренды (лизинга), заключенным этими лизингодателями в одном календарном году, менее 10000 базовых величин;

- иностранные организации, осуществляющие лизинговую деятельность в Республике Беларусь через постоянное представительство;

- юридические лица, имеющие право предоставлять имущество на условиях финансовой аренды (лизинга) в соответствии с решениями Президента Республики Беларусь.

Банки, небанковские кредитно-финансовые организации осуществляют лизинговую деятельность в соответствии с Банковским кодексом Республики Беларусь, иным законодательством с учетом требований, установленных настоящим Указом № 99, без включения в реестр.

Лизинговую деятельность с жилыми помещениями вправе осуществлять только лизинговые организации, включенные в реестр и соответствующие ряду требований. Уставный фонд лизинговой организации должен быть сформирован путем внесения денежных средств в размере не менее 250 тыс. белорусских рублей. Лизинговая организация для обеспечения устойчивого безубыточного функционирования обязана до начала осуществления лизинговой деятельности с жилыми помещениями создать фонд для покрытия возможных и (или) имеющихся убытков по договорам лизинга жилого помещения.

Указом № 99 утверждено Положение о лизинге многоквартирных жилых домов и квартир в Республике Беларусь, включающее права и обязанности сторон, ответственность по договору лизинга жилого помещения, особенности порядка заключения, исполнения и расторжения договора лизинга жилого помещения.

Лизинговая организация, включенная в реестр, обязана раскрывать информацию об осуществляемой лизинговой деятельности и своем финансовом состоянии путем ее публикации, а также размещения в доступном для обзора месте в принадлежащих ей помещениях и на своем официальном сайте в глобальной компьютерной сети Интернет в объеме и порядке, установленными Национальным банком.

В соответствии с Указом № 99 Национальный банк Республики Беларусь определен регулятором лизинговой деятельности и наделен следующими полномочиями:

- принятия в соответствии с Указом и иными законодательными актами нормативных правовых актов, определяющих порядок и условия осуществления лизинговой деятельности;

- ведения реестра лизинговых организаций (далее – реестр), включения в реестр в порядке, установленном Национальным банком, и исключения (в установленных Указом случаях) лизинговых организаций из данного реестра;
- приема уведомлений о намерении осуществлять лизинговую деятельность с жилыми помещениями;
- осуществления контроля за соблюдением законодательства о лизинговой деятельности, в том числе лизинговой деятельности с жилыми помещениями, лизинговыми организациями и иными лизингодателями;
- сбора и анализа отчетности лизинговых организаций, включенных в реестр лизинговых организаций;
- направления письменных предписаний об устранении нарушений законодательства о лизинговой деятельности, о запрете осуществления лизинговой деятельности с жилыми помещениями в случае несоответствия лизинговой организации требованиям, установленным законодательством;
- инициирования проведения аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности лизинговой организации, включенной в реестр;
- направления в суд иска о ликвидации лизинговой организации по основаниям и в порядке, установленным законодательными актами.

Национальным банком Республики Беларусь утверждены Правила осуществления лизинговой деятельности, которые определяют порядок и условия осуществления лизинговой деятельности на территории Беларуси [4].

В 2018 году в реестре лизинговых организаций состояли 103 организации (табл. 1).*

Т а б л и ц а 1

Информация о лизинговых организациях, зарегистрированных
Национальным банком Республики Беларусь, ед.

	01.01.2015.	01.01.2016.	01.01.2017.	01.01.2018.
Лизинговые организации	50	99	95	103
Лизинговые организации, исключенные из реестра	0	10	27	31
Филиалы лизинговых организаций	12	11	13	12
Банки, осуществляющие лизинговую деятельность	15	14	13	14
Лизинговые организации с иностранным участием в уставном фонде	19	24	27	31
Уставной фонд лизинговых организаций, млн рублей	369,4	316,6	385,8	438,5

* Таблица составлена по данным [5; 6; 7].

Суммарный уставный фонд белорусских лизингодателей на начало 2018 года составил 438,5 млн рублей, который на 80 % сформирован коммерческими организациями, 16 % – банками, 2 % – физическими лицами и на 2 % – иными учредителями. Среднесписочная численность занятых в лизинговой отрасли – 2479 работающих.

Продолжается рост количества лизинговых организаций с иностранным участием в уставном фонде. Если на начало 2015 года было 19 таких лизинговых организаций, то в 2018 году – 31 организация.

Снижение ставок по кредитам в 2017 году в Беларуси привело к определенному росту на рынке объема лизингового портфеля и нового бизнеса (табл. 2).*

Т а б л и ц а 2

Объем лизингового портфеля и нового бизнеса

	2014	2015	2016	2017
Объем лизингового портфеля, млн рублей	1817,6	2453,1	2320,9	2820,7
Количество договоров, тыс. шт.	30,8	65,3	174,8	404,9
Объем нового бизнеса, млн рублей	1270,0	1053,7	1111,7	2096,9
Количество договоров, тыс. шт.	17,5	36,6	146,7	347,8

Объем портфеля лизинговых организаций за 2017 год увеличился на 21,5 % по сравнению с 2016 годом и достиг 2,82 млрд рублей, а количество договоров выросло в 2,3 раза – до 404,9 тыс. штук.

Основной вклад в прирост количества лизинговых договоров внесли физические лица. Число заключенных с ними договоров увеличилось в 2,5 раза и достигло 376,9 тыс. штук, 93 % от общего количества договоров. Стоимость лизинговых договоров, заключенных с физическими лицами, выросла не столь значительно – в 1,8 раза, что говорит о снижении средней стоимости одной сделки.

Количество лизинговых договоров, заключенных с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, в 2017 году по сравнению с 2016 годом увеличилось на 6 %, а стоимость договоров выросла на 17,7 % – до 2,5 млрд рублей.

Рост в 2017 году объема нового бизнеса лизинговой деятельности также значителен. В 2017 году лизинговые организации Беларуси заключили 347,8 тыс. новых договоров, по сравнению с 2016 годом произошло увеличение в 2,4 раза, а стоимость договоров выросла в 1,9 раза и составила 2,1 млрд рублей. Стоимость вновь заключенных договоров с физическими лицами составила 0,4 млрд рублей, с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями – 1,7 млрд рублей.

* Таблица составлена по данным [5; 6; 7].

Распределение стоимости договоров нового бизнеса по видам предметов лизинга представлено в табл. 3.*

Т а б л и ц а 3

Распределение стоимости договоров по видам предметов лизинга, %

	2013	2014	2015	2016	2017
Здания и сооружения	9,7	30,9	21,9	6,7	4,0
Машины и оборудование	41,7	29,4	34,7	26,5	38,8
Транспортные средства	47,8	38,9	39,8	56,0	42,2
Иное	0,8	0,8	3,6	10,8	15,0

Существенно претерпела изменения доля зданий и сооружений в объеме нового бизнеса: с 30,9 % в 2014 г. до 4 % в 2017 г. Второй заметной тенденцией последних лет стал рост объемов иных предметов лизинга: с 0,8 % в 2014 г. до 15 % в 2017 г., что связано с ростом потребительского лизинга.

Следует отметить негативные тенденции, которые произошли в лизинговой сфере. Это повышенные риски, связанные с лизингом транспортных средств. Они определяются возможностью конфискации транспортных средств, принадлежащих добросовестному собственнику (лизингодателю), за правонарушения (преступления), совершенные без его вины и соучастия, что препятствует развитию лизинга транспортных средств. Проблема вызвана тем, что статьей 61 Уголовного кодекса Республики Беларусь и статьей 14.1 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь предусмотрена конфискация транспортных средств у лиц (в частности, у лизингополучателей или их работников), совершивших правонарушение (преступление) и не являющихся собственниками этих транспортных средств, без учета отсутствия вины собственника [9].

В 2017 году предметы лизинга, приобретенные за счет собственных средств, составили 46,9 % от всех услуг оказанных лизинговыми компаниями, то есть примерно половину услуг лизинговые компании оказывают за счет собственных средств, а половину за счет привлеченных.

При привлечении кредитов (займов) от нерезидентов лизинговые организации уплачивают налог на доходы иностранных организаций (10 % от суммы процентных доходов). Эти расходы лизингодателя включаются в лизинговые платежи (увеличивают стоимость лизинга для лизингополучателя), что снижает степень привлекательности кредитов (займов) от нерезидентов [9].

Указ Президента Республики Беларусь № 99 от 25.02.2014 «О регулировании лизинговой деятельности» существенно изменил условия и правила осуществления лизинговой деятельности, предусмотрев, в том числе, воз-

* Таблица составлена по данным [8].

возможность предоставления в пользование на условиях финансовой аренды (лизинга) предметов лизинга не только субъектам хозяйствования Беларуси для использования в предпринимательских целях (*инвестиционный лизинг*), но и физическим лицам, не осуществляющим хозяйственную деятельность, для использования в личных (бытовых) целях (*потребительский лизинг*) [2]. На фоне ограниченной доступности кредитных ресурсов для населения (высокие процентные ставки по кредитам) потребительский лизинг интенсивно развивался (табл. 4).*

Т а б л и ц а 4

Потребительский лизинг

	2014	2015	2016	2017
Количество договоров, тыс. шт.	10,6	30,0	140,3	333,0
Общая стоимость договоров, млн руб.	8,9	62,7	242,7	410,5

Первые договоры лизинга с физическими лицами были заключены в 2014 году – 10,6 тыс. договоров на общую сумму 8,9 млн рублей. Количество договоров потребительского лизинга в 2017 году увеличилось по сравнению с 2016 годом в 2,4 раза, а общая стоимость договоров – в 1,7 раза.

Приведенные данные свидетельствуют о динамичном развитии сегмента потребительского лизинга и высокой востребованности населением услуг лизинговых организаций.

В табл. 5 приведены обобщающие показатели по предметам потребительского лизинга. Основными предметами потребительского лизинга являлись легковые автомобили и товары длительного пользования – бытовая техника, мебель и др. К прочим предметам лизинга относятся: здания и сооружения, машины и оборудование, другие виды транспортных средств, недвижимость (квартиры).**

Т а б л и ц а 5

Основные предметы потребительского лизинга (2017 год)

	Количество организаций, ед.	Количество предметов, переданных в лизинг, ед.	Стоимость предметов, переданных в лизинг, млн. рублей	Доля в общей стоимости предметов, %
Легковой авто-транспорт	15	2656	86,3	29,3
Товары длительного пользования	9	338897	196,6	66,8
Прочие предметы лизинга	12	145	11,3	3,9

* Таблица составлена по данным [5; 6; 7].

** Таблица составлена по данным [8].

Договоры лизинга с физическими лицами в части недвижимости не получили большого распространения. Причиной этому, несмотря на практически решенные вопросы нормативного и правового регулирования, а также процедурной регламентации осуществления договоров лизинга жилой недвижимости и высокий потенциальный интерес к данному сегменту населения, стало отсутствие достаточного количества приемлемых для населения предложений со стороны лизинговых организаций в части стоимости предоставляемых услуг и сроков заключаемых договоров [9].

В целом по отрасли лизинга происходит увеличение размера лизингового портфеля в части инвестиционного лизинга и потребительского лизинга.

В сегменте договоров *международного лизинга* в последние годы намечилось уменьшение размера лизингового портфеля. Так, в 2017 году он сократился на 24 % по сравнению с 2015 годом (табл. 6).*

Т а б л и ц а 6

Договоры международного лизинга

	2014	2015	2016	2017
Количество договоров международного лизинга, ед.	137	89	80	88
Общая стоимость договоров, млн рублей	72,2	86,2	76,3	65,5

Основную долю на рынке международного лизинга занимают Промагролизинг и АСБ Лизинг.

Цель деятельности Промагролизинга – создание и реализация эффективного механизма международного лизинга и продвижение продукции, произведенной в Республике Беларусь, на внешний рынок на условиях лизинга [10]. Предметы лизинга: транспортные средства, сельскохозяйственная техника, промышленное, технологическое оборудование и прочее имущество белорусского производства, относящееся к основным средствам.

Промагролизинг освоил рынки следующих зарубежных стран: Россия, Казахстан, Сербия, Грузия, Монголия, Бангладеш, Таджикистан, Мозамбик, Канада и Украина.

Повышенные риски экспортного лизинга связаны с отсутствием возможности увеличения установленного срока поступления лизинговых платежей при наступлении независящих от лизингодателя-резидента обстоятельств. Это снижает привлекательность данного инструмента и объемы экспортного лизинга. Предусмотренные Указом Президента Республики Беларусь от 24.09.2009 № 465 «О некоторых вопросах совершенствования лизинговой деятельности в Республике Беларусь» перечни оснований для приостановления сроков поступления лизинговых платежей по договорам экспортного лизинга и прекращения обязанностей по обеспечению поступления этих платежей не учитывают некоторые возникающие на практике ситуации, не зависящие от лизингодателя [11].

* Таблица составлена по данным [5; 6; 7].

Белорусским союзом лизингодателей и Ассоциацией лизингодателей Беларуси проведены рейтинговые исследования и оценка деловой активности лизинговых организаций по итогам 2017 года. В табл. 7 приведены данные по организациям – лидерам рейтинга, осуществляющим деятельность в сегменте инвестиционного лизинга.*

Т а б л и ц а 7

Рейтинг лизинговых организаций 2017 года (инвестиционный лизинг)

	Объем нового бизнеса, млн рублей	Доля в общем объеме, %	Лизинговый портфель, млн рублей	Доля в общем объеме, %
1. Промагролизинг	310,0	30,9	732,4	34,9
2. АСБ Лизинг	104,8	10,5	464,4	22,1
3. Райффайзен-Лизинг	153,3	15,3	269,6	12,8
4. Риетуму Лизинг	76,8	7,7	94,9	4,5
5. Агролизинг	60,7	6,1	168,2	8,0
6. Открытая линия	60,8	6,1	58,3	2,8
7. Активлизинг	47,5	4,7	43,7	2,1
8. РЕСО-БелЛизинг	37,9	3,8	54,1	2,6
9. Внешнеэкономическая Лизинговая Компания	27,4	2,7	32,7	1,6
10. Лизинг-Ресурс	25,8	2,6	25,3	1,2

Как показали аналитические исследования, лидерами в рейтинге деловой активности в лизинговой сфере являются Промагролизинг, АСБ Лизинг, Райффайзен-Лизинг, что составляет 69,8 % от общего объема инвестиционного лизингового портфеля.

Таким образом, при практическом осуществлении лизинговых сделок возникают проблемы, сдерживающие развитие лизинговой деятельности. Основными факторами, отрицательно влияющими на деятельность лизинговых организаций, являются: высокая стоимость кредитных ресурсов; сложность при получении кредитов; недостаточный объем ресурсной базы; высокие инвестиционные риски; высокий уровень налогообложения. Кроме того, к проблемам, сдерживающим развитие лизинговой деятельности, можно отнести: повышенные риски, связанные с возможностью конфискации транспортных средств, принадлежащих добросовестному собственнику (лизингодателю), за правонарушения (преступления), совершенные без его вины и соучастия, что препятствует развитию лизинга транспортных средств; повышенные риски экспортного лизинга, связанные с отсутствием возможности увеличения установленного срока поступления лизинговых платежей при наступлении независимых от лизингодателя-резидента обстоятельств. Это снижает привлекательность данного инструмента и объемы экспортного лизинга.

* Таблица составлена по данным [8].

Следует отметить, что в настоящее время в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) не создан единый рынок лизинга, для этого необходимо обеспечить гармонизацию правил ведения лизинговой деятельности, недопущения и устранения препятствий на территории всех стран ЕАЭС. В целом, в Беларуси имеется значительный потенциал для развития лизинга, использование которого позволит эффективно решать задачи социально-экономического развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 15.12.2016 № 466 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О вопросах регулирования лизинговой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 25.02.2014 № 99 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Правила осуществления лизинговой деятельности [Электронный ресурс] : Постановление правления Национального банка Республики Беларусь от 18.08.2014 № 526 (в редакции постановления Правления Национального банка Республики Беларусь от 19.09.2018 № 417) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Национальный банк Республики Беларусь. Статистический бюллетень № 7 (229), 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.nbrb.by/Publications/bulletin/Stat_Bulletin_2018_07.pdf. – Дата доступа : 15.02.2019.
6. Национальный банк Республики Беларусь. Статистический бюллетень № 7 (217), 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.nbrb.by/Publications/bulletin/Stat_Bulletin_2017_07.pdf. – Дата доступа : 10.01.2019.
7. Национальный банк Республики Беларусь. Статистический бюллетень № 7 (205), 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.nbrb.by/Publications/bulletin/Stat_Bulletin_2016_07.pdf. – Дата доступа : 15.02.2019.
8. Шиманович, С. В. Белорусский рынок лизинга. Обзор 2017 г. / С. В. Шиманович, А. И. Цыбулько. – Минск : УП «Энциклопедикс», 2018. – 92 с.
9. Шиманович, С. В. Лизинг в Беларуси: состояние и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://leasing-belarus.by/shimanovich-s-v-lizing-v-belarusi-sostoyanie-i-perspektivy/>. – Дата доступа : 15.02.2019.

10. Промагролизинг. Национальный лизинговый оператор Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.pal.by/about-company/>. – Дата доступа : 15.02.2019.

11. О некоторых вопросах совершенствования лизинговой деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 24.09.2009 № 465 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Поступила в редакцию 03.04.2019

А. Л. Подгайский

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ БЕЛАРУСИ К УСЛОВИЯМ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены институциональные условия становления и развития ведущих субъектов экономики Беларуси. Показано влияние институциональной среды на адаптивные способности организаций (предприятий) к условиям глобальной экономической нестабильности и участию в интеграционных объединениях. Сделан вывод о том, что для решения этих проблем требуются целенаправленные меры по либерализации делового климата и преобразованию отношений собственности, повышению эффективности государственного управления и изменению формата взаимодействия субъектов экономики с органами управления на основе информационно-коммуникационных технологий, развитию человеческого капитала и реализации возможностей глобализации.

В условиях глобальной мирохозяйственной нестабильности и резких колебаний внешнеэкономической конъюнктуры белорусская экономика в очередной раз столкнулась с проблемой адаптации основных субъектов хозяйствования к динамично меняющейся внешней среде. Это касается, прежде всего, крупных промышленных предприятий и предприятий агропромышленного комплекса, составляющих несущую конструкцию экономики Беларуси, целенаправленно сформированную на индустриальных принципах организации и функционирования.

Существующая модель организации предприятий реального сектора сформировалась и получила распространение в 1950–1960-е гг. в ходе восстановления экономики и определения ее места в народнохозяйственном комплексе Советского Союза. Впоследствии, в 1970–1980-е гг, она подверглась «модернизации» в направлении укрупнения предприятий, формирования производственных объединений, углубления кооперационных связей на советском экономическом пространстве. Данная форма организации крупных хозяйственных единиц была воплощением технического прогресса и экономической мощи республики. Вновь создаваемые предприятия, использующие не самые передовые технологии, работающие на дешевых энергосырьевых

ресурсах, выпускали относительно конкурентоспособную продукцию. Причем ее конкурентоспособность не ограничивалась советским экономическим пространством – продукция белорусской промышленности успешно продавалась не только в социалистических странах, но и на периферийных рынках дальнего зарубежья. Индустриальный комплекс стал средоточием важнейших национальных брендов («МТЗ», «МАЗ», «БелАЗ»), с ним были связаны наиболее яркие достижения белорусской экономики.

Вместе с тем развитие крупных предприятий было деформировано набором «генетических дефектов» и спецификой экономического роста, присущего административно-распределительной системе. Основным путем развития экономики (и, как следствие, наращивания объемов производства, расширения и обновления номенклатуры выпускаемой продукции) было строительство новых предприятий. Этот путь определял структурную динамику реального сектора экономики; направляя капиталовложения на строительство новых объектов, государство формировало его структуру по принципу добавления к существующим производствам новых направлений деятельности. Реконструкция действующих предприятий сводилась, прежде всего, к введению дополнительных производственных мощностей, принципиально не меняющих технико-технологический уровень производства и направления деятельности предприятий.

Крупные производства получали жестко заданные параметры работы и были неспособны самостоятельно определять род деятельности и пути развития. Это обусловило структурно-отраслевую консервативность экономики. Отраслевые направления, «закрепляемые» за республикой, воспринимались в условиях стабильных сбытовых ниш советской экономики как непреходящие, «вечные» ценности. Проблема отраслевой ротации, смены направлений деятельности и перехода к производству более перспективных видов продукции была чужда и непонятна органам отраслевого управления (где были сосредоточены главные центры системной адаптивности). Возможности микроэкономической адаптивности сводились к минимуму. Технологическая и организационная жесткость основных производств предопределяла низкие адаптивные способности предприятий, неспособность их к перепрофилированию и быстрой смене ассортимента выпускаемой продукции.

Крупные предприятия промышленности и агропромышленные комплексы строились «раз и навсегда», были ориентированы на стабильную сбытовую нишу, «обрастали» избыточными пассивными капитальными активами, социальными учреждениями. Они функционировали в режиме дисциплинированных производственных единиц планового хозяйства и генетически не были приспособлены к работе в условиях меняющейся конъюнктуры, динамичного спроса. Возможности организационной трансформации были заложены лишь в направлении объединения предприятий и централизации производства. В этом смысле история белорусских предприятий принципиально отличается от эволюции зарубежных компаний – лидеров мировой индустрии. В первом случае это история поступательного развития производства определенной продукции, во втором – история фирм, способных

принципиально менять поле деятельности, диверсифицировать производство, делать ставку на «прорывные» виды продукции и «отсекать» неперспективные направления бизнеса. Не случайно история ведущих мировых фирм демонстрирует множество примеров быстрой и кардинальной смены сферы деятельности – от текстильного производства до сборки радиоприемников и производства автомобилей с дальнейшим смещением поля деятельности в страховой либо гостиничный бизнес.

Неизбежным следствием такого развития реального сектора экономики и его отдельных производств являлась нарастающая технологическая отсталость. В определенном смысле она представляла собой «генетический порок» белорусской индустрии. Создание ее базовых производств в середине XX в. осуществлялось на устаревшей технико-технологической основе. Восстанавливаемые и вновь создаваемые предприятия были укомплектованы поступившим по репарациям немецким оборудованием 1930-х годов (В то же время страны, ставшие лидерами мирового машиностроения (ФРГ, Япония), восстанавливали и развивали его на базе нового поколения техники и технологии). Как отмечал С. Ю. Глазьев, согласно исследованиям, проведенным в Советском Союзе в конце 1880-х гг., среднее технологическое отставание по большинству отраслей промышленности в середине 1950-х годов составляло 10–15 лет. В дальнейшем в технологический разрыв лишь нарастал и в середине 1980-х годов достиг 20–30 лет [1, с. 51]. Несмотря на наличие огромного инновационного потенциала, в целом экономика страны оказалась невосприимчива к инновациям. Необходимость коренной реконструкции предприятий, их ступенчатое развитие в результате реализации соответствующих инвестиционных проектов вступали в противоречие с диктатом плановых показателей, предусматривающих непрерывно-линейное наращивание объемов производства путем вовлечения новых порций экономических ресурсов.

Ресурсозатратный характер увеличения производства определял общую логику развития белорусской экономики. Ее поступательная динамика была сопряжена с неограниченным доступом к дешевым ресурсам – рабочей силе, сырью и энергии. Именно это составляло основу относительно благополучного состояния отрасли в рамках советской экономики, к этому сводились ее конкурентные преимущества. Вместе с тем уже во второй половине 1970-х годов белорусская индустрия столкнулась с проблемой ресурсной ограниченности. Были исчерпаны возможности обеспечения новых производств рабочей силой, «выкачиваемой» из аграрного сектора экономики. В 1960–1980-е годы в Советском Союзе периодически существенно повышались цены на сырье и топливо. Топливно-сырьевая база страны перемещалась на Восток, что приводило к росту затрат на их добычу. В то же время экономика Беларуси была перенасыщена низкокачественными капитальными активами, и цены на продукцию промышленности (в частности машиностроения) росли медленнее, а на отдельные виды изделий имело место локальное снижение цен. Проблема ресурсозатратного роста находила проявление в нарастающей

материалоемкости продукции. Доля материальных затрат в структуре затрат на производство в белорусской промышленности и АПК неуклонно росла, что было важнейшим фактором повышения цен на ее продукцию и вело к утрате конкурентных преимуществ.

Совокупность этих тенденций порождала очаги неустойчивости в развитии экономики и предопределяла сложный комплекс проблем, с которым столкнулись крупные белорусские производства в условиях государственного суверенитета.

Распад Советского Союза и тенденция к дезинтеграции постсоветского экономического пространства поставил экономику Беларуси в крайне сложное положение. Резкое сокращение спроса на ее продукцию на традиционных рынках сбыта в сочетании с ценовыми шоками, связанными с ростом цен на сырье и комплектующие, привело к обвальному сокращению производства, пик которого пришелся на 1995 г. В рамках противодействия деструктивным процессам руководством страны была выбрана стратегия «восстановительного роста», предусматривающая восстановление прежних объемов производства (выход на уровень 1990 г.) без существенного изменения структуры экономики. В основе такой стратегии лежало убеждение в принципиальной жизнеспособности союзного индустриального комплекса, экономической обоснованности кооперационных связей, оптимальности прежних пропорций обмена. Выбор консервативной стратегии развития отрасли во многом определялся соображениями социально-политического характера: многие крупные предприятия являлись градообразующими, и их состояние определяло социально-политическую ситуацию в столице и областных центрах.

В русле данной стратегии структура экономики и ее ведущих отраслей (контуры которой были заложены полвека назад) оставалась неизменной, а реализация самой стратегии не требовала принципиальных изменений в технологическом уровне основных производств. Основной упор был сделан на восстановление привычной «внешнеэкономической среды» функционирования белорусских предприятий – восстановления традиционных связей и реконструкции в новой форме советского экономического пространства. Целями такой стратегии были доступ к относительно дешевым энерго-сырьевым ресурсам и закрепление за белорусскими экспортоориентированными предприятиями надежных и выгодных рыночных ниш, зафиксированных с помощью политических договоренностей.

Вместе с тем степень микроэкономической адаптивности белорусских предприятий оставалась низкой, в решении своих проблем крупнейшие предприятия отрасли уповали на государство, отождествляя собственные задачи (техничко-технологического перевооружения, поиска рынков сбыта продукции и др.) с задачами экономической политики государства. В свою очередь в стремлении сохранить весь ряд белорусских индустриальных производств государство оказывало предприятиям адресную финансовую помощь, наделяло преференциями, отстаивало их интересы на внешнем рынке, но главным рычагом восстановления позиций белорусской экономики

являлось административное стимулирование увеличения производства вплоть до полной загрузки унаследованных от Советского Союза производственных мощностей.

Результаты реализуемой стратегии оказались весьма противоречивыми. С одной стороны, была приостановлена тенденция к деиндустриализации экономики страны. Однако по важнейшим видам продукции уровни производства советского времени достигнуты не были. Другим следствием политики административного стимулирования роста явилась проблема наращивания запасов готовой и дебиторской задолженности предприятий-потребителей продукции. В этой трансформированной форме находит проявление структурная деформация экономики: вместо отрицательной динамики объемов производства имеют место периодические «всплески» увеличения запасов готовой продукции. Большинство предприятий основных экспортоориентированных отраслей испытывает трудности с оборотными средствами и не имеет возможности за счет собственных и заемных средств осуществлять масштабные инвестиционные проекты.

Важным моментом, характеризующим качественную динамику белорусской экономики, являются снижение добавленной стоимости в стоимости ее продукции и изменение пропорций обмена во взаимоотношениях с внешними контрагентами. Опережающий рост цен на сырье (по сравнению с ценами на продукцию отечественного производства) постоянно сужает привычную рыночную нишу белорусских предприятий, выталкивая их продукты на уровень цен более качественных субституттов, предлагаемых зарубежными производителями. Продукция белорусских предприятий теряет преимущества в цене и не выдерживает конкуренции в качестве. Ситуацию обостряют определенные сдвиги в российской промышленности: были приняты программы развития автомобилестроения, развернуты сборочные производства бытовой техники известных брендов. В результате белорусские предприятия постепенно теряют свои позиции на постсоветских рынках. При этом их адаптивность к изменению мирового спроса остается низкой.

Решение отмеченных проблем невозможно без комплексной модернизации и структурной перестройки отрасли. Однако они должны решаться не в русле чрезвычайно затратных государственных программ подъема очередной проблемной отрасли, а путем институциональных преобразований, позволяющих включать механизмы экономического саморазвития на уровне предприятий и иных субъектов хозяйствования. Результатом таких реформ должно стать формирование институциональной среды, как минимум, не сдерживающей возможности приспособления крупных производств к современным реалиям хозяйствования, а по большому счету, развивающей адаптивные способности субъектов.

Каковы основные компоненты институциональной среды и соответствующие направления институциональных преобразований в экономике страны? Как отмечают специалисты Института экономики НАН Беларуси в исследовании «Система экономических институтов Республики Беларусь»,

на основе оценки уровня институционального развития посредством международных индикаторов приоритетами институциональной трансформации являются совершенствование правовых институтов, повышение качества государственного управления, развитие регулирующих институтов, совершенствование институтов развития человеческого потенциала и формирование надежных институтов экономической координации и распределения рисков [2, с. 38–40].

Наличие правовых условий, обеспечивающих адаптивность субъектов хозяйствования, связано с освобождением предпринимательства (в том числе, крупного) от избыточного административного контроля и рамок директивных показателей. По этим позициям Республика Беларусь имеет, как правило, чрезвычайно низкие оценки. Устранение таких барьеров требует политической воли и не сопряжено с методологическими и техническими трудностями, поскольку в мировой практике наработан огромный опыт принятия соответствующих норм и их реализации.

Важной составляющей современной институциональной среды является высокое качество государственного управления. В этой связи следует отметить сочетание низкой эффективности государственного управления и недостаточной подотчетности государственных органов с достаточно высокими позициями по показателям политической стабильности и антикоррупционного контроля. Именно низкая результативность государственного административного управления деятельностью предприятий, при чрезвычайной загруженности работой соответствующих органов, диктует направления институциональных преобразований в этом компоненте – необходимость смены способов и инструментов воздействия на управляемый объект.

Обязательной составляющей институциональной среды, обуславливающей повышение адаптивности экономических субъектов, является степень развития регулирующих институтов, обеспечивающих переход от плановой к рыночной экономике. Здесь имеет место существенное отставание от ведущих рыночных экономик и ряда стран СНГ по степени политической и экономической трансформации. Вместе с тем достигнут определенный успех в упрощении регистрации предприятий, исполнении договоров [2, с. 41].

Обеспечение институциональных условий высокой адаптивности субъектов хозяйствования во многом определяется качеством человеческого потенциала. Именно в развитии последнего достигнуты наибольшие успехи в формировании современной институциональной среды. Исследователи констатируют высокие международные оценки развития образования и здравоохранения в Беларуси и вместе с тем отмечают отставание в области создания инновационной инфраструктуры, внедрения информационно-коммуникационных технологий, распространения электронных услуг.

Важным условием повышения адаптивности субъектов экономики является наличие развитых и надежных институтов «экономической координации и распределения рисков», определяющих уровень развития экономики и устойчивости финансовой системы. Так, Республика Беларусь располагает диверсифицированной экономикой, приемлемым уровнем жизни населения,

квалифицированной рабочей силой, относительно развитой инфраструктурой. Однако она находится в сильной финансово-экономической зависимости от России, несет бремя значительного внешнего долга, проводит недостаточно гибкую монетарную и фискальную политику и не в полной мере реализует потенциал глобализации. Противоречивый набор макроэкономических условий определяет «окно возможностей» субъектов экономики Беларуси в проявлении адаптивных свойств на микроэкономическом уровне.

Таким образом, незавершенность институциональных реформ, их растянутасть во времени обуславливают противоречивый характер институциональной среды, не способствующей развитию возможностей адаптации экономических субъектов к современным хозяйственным реалиям. Это предопределяет проблему адаптации национальной экономики как к стохастичности мирохозяйственного развития, так и к участию в интеграционных объединениях. Для решения этих проблем требуются целенаправленные усилия по либерализации делового климата и преобразованию отношений собственности, повышению эффективности государственного управления и изменению формата взаимодействия субъектов экономики с органами управления на основе информационно-коммуникационных технологий, развитию человеческого капитала и реализации возможностей глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев, С. Ю. Влияние экономической реформы на науку / С. Ю. Глазьев // Наука на пороге рынка. – М., Экономика. –1992. – С. 46–62.
2. Система экономических институтов Республики Беларусь / А. Е. Дайнеко [и др.]; под ред. А. Е. Дайнеко; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 279 с.

Поступила в редакцию 29.03.2019

А. Н. Русак

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Целью статьи является изучение предпосылок появления, тенденций и особенностей развития предпринимательской деятельности в сети Интернет в Республике Беларусь. Проанализирован опыт развития отдельных видов интернет-предпринимательства. Проведен анализ современных условий осуществления предпринимательской деятельности, с использованием интернет-технологий. Рассмотрены факторы, сдерживающие развитие предпринимательской деятельности в сети Интернет.

Подходы к ведению предпринимательской деятельности и организации бизнеса постоянно меняются, в связи с динамичным развитием технологий. Одной из тенденций в современных условиях является проникновение интернет-технологий во все сферы общества, что способствует появлению

новых форм предпринимательской деятельности. Центральной фигурой становится не производитель, а потребитель. Товар уже не рассматривается отдельно от процессов организации его продажи и коммуникации с потребителями. Все это вынуждает бизнес-сообщество быстро адаптироваться к обществу потребителя, закономерности изменения поведения которого позволяют выявить современные информационные технологии.

В ходе анализа теоретических аспектов интернет-предпринимательство, в общем виде, следует рассматривать как взаимодействие между субъектами бизнеса, используя возможности сети Интернет. Согласно другому подходу, под интернет-предпринимательством подразумевается розничная и оптовая торговля товарами и услугами, посредством сочетания возникающих потребностей клиентов с предоставляемой информацией о товарах и услугах, в том числе с помощью мобильных технологий. Интернет-предпринимателями можно считать организации, основные бизнес-процессы которых осуществляются посредством создания новых каналов и форм для ведения деятельности с использованием элементов интернет-технологий, а также организации, формирующие информационную инфраструктуру для поддержки бизнеса в онлайн-среде.

Области осуществления интернет-предпринимательства включают: установление контакта между потенциальным продавцом и покупателем; организацию процесса продажи и покупки товаров и услуг; привлечение новых клиентов с использованием преимуществ интернет-технологий; реализацию бизнес-проектов, совместных с партнерами и потребителями; получение дохода от контента сайта.

В качестве составных элементов интернет-предпринимательства можно выделить: оптимизацию процессов планирования, управления, сбыта и продаж, на базе организации внутренней единой информационной сети, повышающей эффективность коммуникации; организацию внешнего взаимодействия со всеми внешними заинтересованными сторонами. Целесообразно выделить отдельные формы предпринимательской деятельности онлайн: продажа товаров (материальных и виртуальных); оказание услуг; предоставление интеллектуальных услуг; использование посреднических сервисов; создание контента; обмен информацией.

Предпосылки возникновения и отдельные этапы развития предпринимательской деятельности в сети Интернет представлены в табл. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Т а б л и ц а

Развитие предпринимательской деятельности в сети Интернет
в Республике Беларусь

Год	Развитие предпринимательской деятельности в сети Интернет
1994 – 1996 гг.	Делегирование (передача контроля над частью доменной зоны) национальной доменной зоны .BY. Зарождение рынка хостинга и электронной почты. Появление первого хостинг-провайдера.

1997 г.	Появление первого каталога сайтов. Регистрация первых интернет-предпринимателей. Создание национальной системы безналичных расчетов банковскими пластиковыми карточками различных типов. Советом Министров совместно с Национальным Банком Республики Беларусь принято Постановление № 1352/24 «О мерах по расширению использования в безналичном платежном обороте банковских пластиковых карточек».
1998 г.	Открытие первого белорусского интернет-кафе.
1999 г.	Регистрация первого белорусского интернет-магазина – OZ.by. Разработка проекта межгосударственного центра электронной торговли.
2000 – 2001 гг.	Появление первой торговой площадки. Зарождение электронной торговли в Беларуси, открытие площадки shop.by. Резкое увеличение аудитории интернет-пользователей, появление новых провайдеров.
2002 г.	Создание первой белорусской системы мгновенных онлайн-платежей. Появление кириллического домена «.бел». Принятие государственной программы информатизации «Электронная Беларусь».
2003 г.	Утверждение правил осуществления операций с электронными деньгами – Постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 201 «Об утверждении Правил осуществления операций с электронными деньгами».
2004 г.	Появление первой в Беларуси системы электронных денег и приема онлайн-платежей «EasyPay» (в рамках совместного проекта ОАО «Белгазпромбанк» и ООО «Открытый контакт»).
2005 г.	Начало работы ОАО «Белорусская универсальная товарная биржа» (БУТБ). Проведение биржевых торгов в режиме онлайн с применением электронной цифровой подписи. Создание IT-кластера. Подписание Декрета № 12 «О Парке высоких технологий».
2006 – 2007 гг.	Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27.07.2006 N 941 «О Программе развития внутренней торговли Республики Беларусь на 2006–2010 годы» определены новые правила продажи товаров по образцам с учетом особенностей их реализации через интернет-магазины.
2008 – 2009 гг.	Законом от 28.12.2009 № 113-З регламентировано использование электронной подписи в Беларуси. ЭЦП дает право полноценно подписывать электронные документы и обращения. Приорбанком введена в эксплуатацию система платежей по банковским карточкам VISA и MasterCard – WEBPAY.
2010 – 2014 гг.	Внесение изменений в законодательство о регулировании интернет-сети. Подписание Указа Президента Республики Беларусь № 60 от 1 февраля 2010 г. «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет».
2015 – 2016 гг.	Развитие мобильной коммерции, платформ для электронной коммерции. Онлайн-торговля становится альтернативой традиционной торговле.
2017 г.	Подписание Декрета № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики», облегчившего ведение предпринимательской деятельности в сфере высоких технологий (налоговые льготы, институты «Английского права», новые виды деятельности в ПВТ, поддержка IT-образования, легализация ICO, операции с криптовалютами, сделки посредством смарт-контрактов). В ПВТ разрешено осуществление 36 видов деятельности.

2018 г.	Возврат права применять УСН интернет-магазинам. С 1 января 2018 г. для субъектов хозяйствования, осуществляющих розничную торговлю через интернет-магазины, предоставляющих посредством информационного ресурса в сети Интернет услуги, восстановлено право применять упрощенную систему налогообложения на условиях, определенных главой 34 Налогового кодекса Республики Беларусь. Применение облачной электронной цифровой подписи, идентифицирующей подписанта, с хранением ключа на сервере удостоверяющего центра.
---------	--

В качестве основных этапов развития интернет-предпринимательства можно выделить: 1) технологический (появление виртуальных товаров, которые не могут существовать отдельно, вне виртуального мира (программное обеспечение, сайты и т.д.); 2) электронный (возникновение первых систем денежных переводов, электронных денежных средств; переход хозяйствующих субъектов экономики в виртуальный мир; появление первых субъектов хозяйственной деятельности онлайн); 3) сетевой (создание различных дополнительных сервисов, социальных сетей, позволяющих обеспечить дополнительный сбыт продукции; появление «онлайн»-представительств в сетях; развитие рынка интернет-рекламы); 4) мобильный (развитие системы мобильных платежей, мобильных приложений, М-торговли); 5) цифровой (глобальное проникновение цифровых технологий во все сферы повседневной жизни общества; разработка программно-аппаратных средств на основе блокчейн; использование цифровых валют; выпуск токенов; осуществление расчетов и совершение сделок с помощью цифровых валют; получение криптовалюты в качестве инвестиции или вознаграждения).

В Республике Беларусь разработаны законопроекты, которые касаются правового регулирования отдельных групп общественных отношений по предоставлению услуг с использованием сети Интернет. Обеспечена реализация прав потребителей на информацию о продавце и о товаре при онлайн-покупке (Указ Президента Республики Беларусь № 60, Постановление Правительства № 1227, Правила продажи товаров при осуществлении розничной торговли по образцам (постановление Правительства Республики Беларусь от 15.01.2009 № 31)) [4]. Государственной программой развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг., утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 23.03.2016 № 235, обеспечивается формирование базы в сфере ИКТ, развитие соответствующей инфраструктуры для доступа к информационным ресурсам и построения взаимодействия на основе массового использования ИКТ.

Бизнес-климат для интернет-предпринимательства в Республики Беларусь достаточно благоприятный. Беларусь занимает в рейтинге Всемирного банка «Doing Business 2019» 37-е место из 190 [8].

Сопоставительный анализ современных форм интернет-предпринимательства показал, что с развитием технологий изменялось содержание бизнеса в зависимости от целевой аудитории потребителей. Совершенствование

информационных технологий способствовало активизации бизнеса в сегменте В2С, доля которого продолжает расти (веб-сайты с расширенным ассортиментом товаров; сайты-агрегаторы (маркет-плейсы); интернет-магазины; реклама в соцсетях, каталоги товаров и услуг, в аккаунтах, в группах в соцсетях). В Беларуси эта тенденция подтверждается ростом количества покупателей в интернет-магазинах, а также увеличением объемов и ассортимента предлагаемых товаров.

Анализ современных условий осуществления предпринимательской деятельности показал, что доля интернет-торговли в розничном товарообороте на начало 2018 г. составляла 3,4 %. Товарооборот с 2010 г. по 2017 г. вырос более чем в 30 раз [4]. На 1 января 2019 г. зарегистрировано 19,4 тыс. интернет-магазинов (16,57 тыс. интернет-магазинов – в 2015 г.) [4]. По количеству интернет-магазинов лидирующую позицию занимает Минск и Минская область (79,41 %) от общего числа зарегистрированных интернет-магазинов [5].

Портрет интернет-покупателя также меняется, в связи с постоянным развитием интернет-технологий. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, количество пользователей сети Интернет в 2017 г. составляло 11,79 млн. абонентов (9,43 млн. абонентов – в 2013 г.) [6]. С появлением электронных банковских карт интернет-предпринимательство приобрело новый вектор в своем развитии. На 1 октября 2018 г. в обращении находилось 14 719 967 единиц банковских платежных карточек. Общий объем операций с использованием банковских платежных карточек по состоянию на III кв. 2018 г. – 15 230 238,3 тыс. рублей, в т. ч по оплате товаров, работ, услуг – 7 548 140,1 тыс. руб. (5 349 712,9 тыс. руб. – III кв. 2017 г.) [9].

По оценкам МАРТ, интернет-покупки как внутри страны, так и за рубежом совершают 44 % белорусов, основную часть интернет-покупок составляют непродовольственные товары [4]. Отмечается тенденция к увеличению числа интернет-пользователей – потенциальных покупателей, использующих мобильные онлайн-технологии, осуществляющих покупки со смартфонов, планшетов. Около 20–25 % продаж в Интернете совершаются с помощью мобильных телефонов [4]. Увеличение количества «мобильных» покупателей подтверждаются исследованиями, проводимыми экспертами ЮНКТАД. Ожидается рост популярности глобальных онлайн-платформ к 2025 г., которые могут прибавить 2,7 трлн долл. к мировому ВВП и создать 72 млн новых рабочих мест [10].

В связи с тем, что интернет-пользователи становятся мобильнее, наблюдается трансформация потребления. Условно покупателей можно разделить на следующие группы: 1) онлайн-покупатели; 2) оффлайн-покупатели; 3) покупатели, сочетающие онлайн и оффлайн взаимодействие. Характерным является изменение потребительского поведения: желание покупателей синхронизировать традиционные формы покупки в местах продаж с использованием возможностей онлайн-технологий. Каждый клиент проводит соб-

ственный процесс выбора, определяя наиболее выгодные для себя условия. Возможности многоканального взаимодействия предполагают использование специальных приложений для смартфонов (сравнение цен, загрузка купонов и т.д.); проведение онлайн-исследований на официальном сайте продавца, получение информации с цифровых стендов в торговом зале, что способствует вовлечению покупателей в онлайн-торговлю. По данным контент-анализа отзывов белорусских покупателей, причины, по которым потребители совершают покупки онлайн, достаточно разные: онлайн-торговля способствует снижению временных и финансовых затрат, предоставляет возможность более широкого выбора товаров, получение качественного сервиса. Со стороны потребителей наблюдается тенденция к понижению оценки репутации компании, в случае отсутствия возможности взаимодействия посредством интернет-технологий.

Развитие получает предпринимательство в сегменте C2C (различные шеринг-сервисы и платформы, электронные доски объявлений; электронные аукционы – реклама в соцсетях). В Республике Беларусь развитие бизнеса в сегменте B2B, охватывающего создание специализированных интернет-магазинов; отраслевых интернет-порталов определенного направления, сдерживается отсутствием законодательно разрешенных полноценных электронных договоров и механизма использования электронной цифровой подписи. Создание новых бизнес-предложений позволяет использовать технологии для бизнеса Customer-to-Machine (C2M), Machine-to-Customer (M2C) Machine-To-Machine (M2M), объединяющие клиентов и информационные технологии с целью дальнейшей автоматизации бизнес-процессов.

За время развития интернет-предпринимательства менялась его направленность. Исследуя состояние интернет-предпринимательства в Республике Беларусь, можно выделить ряд проблем, сдерживающих его развитие: 1) отсутствие действующего механизма применения электронного документооборота; средств индивидуальной защиты данных, цифровой идентификации; 2) зависимость предпринимательской деятельности от разработок других компаний, недостаточное стимулирование разработок онлайн-приложений для бизнеса; 3) низкий уровень маркетинговой активности предпринимателей в онлайн-среде; недостаточно информативные и своевременно не обновляемые сайты предприятий; 4) постоянная смена позиций среди лидирующих компаний; риски данного бизнеса; 5) невысокий уровень цифровой и предпринимательской грамотности и уровень подготовки участников онлайн экономических процессов, 6) недостаточно активная адаптация системы образования к изменениям на рынке труда под влиянием цифровизации; отсутствие программ интеграции корпоративного и университетского образования.

Одним из факторов развития интернет-предпринимательства является повышение предпринимательской активности, в результате роста цифровой и предпринимательской грамотности. Стратегия повышения уровня цифровой

и предпринимательской грамотности населения должна представлять собой скоординированный комплекс мероприятий и предусматривать: разработку требований к образовательным стандартам; разработку и сертификацию программ в сфере цифровой экономики, в том числе в области дополнительного образования; разработку консультационной платформы, предусматривающей онлайн-поддержку; подготовку преподавателей по данным направлениям; использование государственно-частного партнерства при реализации процесса обучения. Анализ зарубежного опыта показывает, что внимание к этой проблеме акцентировано не только со стороны государства, но и со стороны общественных организаций. Для социализации в условиях цифровой экономики в США, Европе волонтеры помогают населению освоить работу с цифровыми технологиями и ресурсами. Например, в России для повышения цифровых навыков населения при использовании современных технологий и ресурсов разработан профессиональный стандарт «Цифровой куратор». К 2024 году планируется подготовка 10 тысяч специалистов – консультантов в области развития цифровой грамотности. Количество пользователей белорусского Интернета увеличивается, но анализ возрастной структуры абонентов свидетельствует, что в настоящее время, как и в предыдущие годы, сохраняется актуальность вопроса увеличения количества абонентов в возрастной группе старше 65 лет [11]. Социально-экономические возможности использования цифровых сервисов для людей старшего поколения не освещаются в достаточной степени, что требует проведения мероприятий, способствующих повышению осведомленности о возможностях использования новых технологий.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что преимуществами интернет-предпринимательства можно считать: создание площадки для реализации возможностей в независимости от расположения в географическом пространстве, нейтрализуя фактор расстояния и времени; быструю реакцию на спрос; открытие широких возможностей по рекламе продукции на динамично растущем рынке интернет-рекламы; создание новых бизнес-моделей и схем, новых возможностей ведения бизнеса, новых продуктов и услуг; удовлетворение потребностей покупателей посредством персонализации товаров и услуг; скорость и оперативность в сотрудничестве и взаимодействии с помощью интернет-технологий. Рост аудитории белорусского Интернета создает благоприятную ситуацию для развития всевозможных видов интернет-бизнеса. Создание соответствующей законодательной базы и упрощение требований к документам по организации бизнеса в Интернете значительно облегчит осуществление интернет-предпринимательства. Диапазон коммерческих отношений с широким использованием технических возможностей Интернета в качестве средств ведения предпринимательской деятельности будет расширяться, создавая новые подходы к позиционированию на рынке и к конкуренции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центр изучения белорусского интернета [Электронный ресурс] // ProBelNet. – Режим доступа : <http://probelnet.com/content/view/69/38/>. – Дата доступа : 12.03.2019.
2. Правила осуществления операций с электронными деньгами [Электронный ресурс] // Национальный Банк Республики Беларусь. – Режим доступа : https://www.nbrb.by/legislation/documents/PP_201_199.pdf. – Дата доступа : 19.02.2019.
3. Информационные технологии в Беларуси [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа : http://mfa.gov.by/publication/belarus_in_numbers/. – Дата доступа : 14.03.2019.
4. Министерство антимонопольного регулирования и торговли [Электронный ресурс] // МАРТ. – Режим доступа : https://mart.gov.by/news/press_konferenciya/. – Дата доступа : 15.03.2019.
5. О развитии торговой инфраструктуры в Республике Беларусь в 2017 году [Электронный ресурс] // МАРТ. – Режим доступа : <http://mart.gov.by/news/2017>. – Дата доступа : 14.03.2019.
6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/svyaz-i-informatsionno-kommunikatsionnye-tehnologii/>. – Дата доступа : 10.03.2019.
7. О развитии предпринимательства [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 23 ноября 2017 г., № 7 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700007&p1>. – Дата доступа : 11.03.2019.
8. Беларусь заняла 37 место в рейтинге Doing Business - 2019 [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://economy.gov.by/ru/news-ru/view/belarus-zanjala-37-mesto-v-rejtinge-doing-business-2019-44584-2018/>. – Дата доступа : 15.03.2019.
9. Статистический бюллетень № 11 (233) [Электронный ресурс] // Национальный Банк Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.nbrb.by/publications/bulletin/stat_bulletin_2018_11.pdf. – Дата доступа : 14.03.2019.
10. Information Economy Report 2017. Digitalization, Trade and Development [Electronic resource] / New York, Geneva: UNCTAD, 2017. – Mode of access : https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ier2017_en.pdf. – Date of access : 12.03.2019.
11. Анализ состояния рынка услуг передачи данных [Электронный ресурс] // Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://oac.gov.by/ict-development-and-services/independent-regulator/analysis-of-the-market-for-data-services>. – Дата доступа : 08.02.2019.

Поступила в редакцию 02.04.2019

МЕХАНИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ И ДЕНЕГ К. МАРКСА

В статье исследовано, как применение К. Марксом механистической методологии трудовой теории стоимости привело к невозможности научного исследования сущности кредитных фидуциарных денег, эмитируемых банковской системой. Проанализировано, как использование марксовой методологии создало упрощенное представление сущности товара как продукта капитала к товару, производимому в простом товарном хозяйстве докапиталистических формаций. Деформация сущности капиталистического товара и денег не позволила К. Марксу на научной основе сформулировать законы функционирования индустриального капитализма.

Со времени изобретения денег людьми они в течение нескольких тысячелетий претерпели значительную эволюцию. Деньги прошли долгий путь от физического тела товарных денег, воплощенных в драгоценных металлах (full-bodied money), до совершенной фидуциарной бесплотности (электронные импульсы). Однако, несмотря на все видимые изменения своей формы, деньги сохранили свою внутреннюю сущность кредитных средств обращения. Деньги – это актив банка, выданный заемщику и одновременно являющийся пассивом (долгом) банка перед вкладчиком. Сущность кредитных денег, раскрываемых в теории предельной полезности, опровергает неверное отождествление денег с так называемыми реальными или полноценными металлическими золотыми и серебряными деньгами. К. Маркс построил натуралистическую теорию денег, в основу которой положил природно-физические аналогии обмена энергией, что было им неправомерно ретранслировано на экономические отношения между людьми. Энергия с ее способностью к превращению из одной формы в другую в XIX в. рассматривалась в качестве субстанции, которая связывала природу и общество в единую и целостную модель мира. Физикалистским аналогом «энергии» в экономике для К. Маркса стала трудовая стоимость. Трудовая теория стоимости породила *теорию полноценных денег*, которая утверждала, что только металлические золотые или серебряные деньги являются действительными деньгами, так как в них овеществлены общественно необходимые затраты (ОНЗТ) абстрактного труда работников. Абстрактный труд по К. Марксу – это средний по обществу труд «работника вообще» как совокупность его физических и умственных усилий, который является однородным и сравнимым, а потому выступающий в качестве субстанции (причины) создающей меновую стоимость в товарном хозяйстве. «Концептуальные деньги» К. Маркса – это оторванная от капиталистического рынка абстракция, не имеющая отношения к экономическим фактам, поэтому они не являются инструментом полезностной оценки субъектом ценности покупаемого товара. «Трудовые деньги» К. Маркса содержат стоимость, как материальный кусок «отвердевшего теплорода». Для физики XVIII–XIX вв. теплород – невесомый флюид, который наличествует в каждом физическом теле и является причиной тепловых явлений. Гипотеза о существовании «теплорода» была выдвинута французским физиком Лавуазье в 1783 г. и не подтвердилась в опыте. В качестве ее альтернативы в науке с середины XIX в. была принята молекулярно-кинетическая теория.

Карл Маркс считал, что в товаре и золотых (серебряных) деньгах воплощены эквивалентные стоимости, т.е. общественно необходимые затраты труда (ОНЗТ) наемного рабочего или затраты общественно необходимого рабочего времени (ОНРВ) того же субъекта, которые проявляются в акте обмена (Т–Д). Он исходил из натуралистической интуиции о том, что обмениваемые рыночные блага соизмеримы как эквиваленты трудовой стоимости, воплощенной как в товаре, так и в деньгах. В основе единого качества рыночных благ, которое их объединяет, лежит трудовая стоимость, создаваемая и овеществляемая в товаре и деньгах наемным рабочим, по количественной величине, которой люди обмениваются благами на рынке. К. Маркс утверждал, что капитал и предпринимательский талант не являются источниками стоимости, так как в них нет абстрактного труда наемного работника.

Методологическую основу меркантилизма и классической политической экономии Западной Европы XVII–XIX вв. составлял материалистический механицизм. Основой меркантилизма была *концепция государственного утилитаризма*, унаследованная К. Марксом как вековое предание от механистической традиции. П. Б. Струве писал, что материалистическому механицизму было «присуще “коллективистически-механистическое понимание” хозяйственной жизни: они рассматривают всегда государства, как хозяйственные целые, товары – целыми группами, количества денег и товаров данной страны, как некоторые совокупности, население, как целые классы. Это “коллективистически-механистическое понимание” есть не что иное, как универсалии, как дань реалистическому мотиву» [1, с. XIX]. Универсалия – это общее понятие, в основе которой лежит универсальная материальная субстанция (по Б. Спинозе). Философия реализма оперирует универсалиями, свысока относясь к эмпирическим фактам экономики, зачастую их игнорируя. Теория денег как один из разделов западноевропейской политико-экономической теории анализировалась классической школой через призму методологии универсального реализма. Например, она мыслила «количество денег в данном народном хозяйстве отрешенно от индивидуальных владельцев денег, как некоторую объединенную и связную массу. В этом “универсалистическом” представлении, которое прикрепляет “ценность” денег ко всему “денежному” запасу всего общества и игнорирует, что процесс обращения складывается из множества индивидуальных меновых актов, растягивающийся на более или менее продолжительный период времени, заключается ошибочность так называемой механической версии количественной теории денег. Это представление, о котором Маркс язвительно сказал: “Иллюзия, что... товарные цены определяются массой средств обращения, а последняя массой находящегося в стране денежного материала, коренится у ее первоначальных представителей в нелепой гипотезе, что товары без цены, а деньги без ценности вступают в процесс обращения, где затем некоторая доля товарной массы выменивается на некоторую долю металлической горы”. Примечательно, что с решительной критикой универсализма в области теории денег выступил не кто иной, как социалист Маркс, в теории ценности, капитала и прибыли явившийся самым крайним универсалистом» [1, с. XXI].

Физикалистский критерий, положенный трудовой теорией стоимости в материалистическую конструкцию сущности денег, используется для объяснения двух типов причинно-следственных связей. Во-первых, в период действия золотого стандарта физикализм стремится обосновать натурально-вещественный характер обеспечения золотых денег золотом вне природы кредитных денег, которые являются безусловным обязательством и требованием. Во-вторых, в эпоху фидуциарных денег физикализм пытается объяснить, как они обеспечиваются производимой товарной массой, источником которой является абстрактный труд наемных рабочих. Однако оба объяснения с научной точки зрения не состоятельны. Остановимся на втором. Использование понятия К. Маркса *деньги как всеобщий трудовой эквивалент* для объяснения меновых пропорций обмена (Т–Д) в современной рыночной экономике, потребности которой удовлетворяют фидуциарные деньги, не позволяет корректно объяснить природу рыночного обмена. Если предположить вслед за К. Марксом, что за товаром в меновой пропорции (Т–Д) стоит некая натуралистически понимаемая стоимость (материальный кусок «отвердевшего теплорода»), т.е. сгусток ОНЗТ наемных рабочих, то, какой же сгусток ОНЗТ стоит за фидуциарными деньгами (Д)? Его же ведь даже при максимальной концентрации материалистического воображения не вызовешь из небытия. Фундаментальная проблема бездоказательности понятия *трудовой эквивалентности обмена* позволяет признать исходные методологические посылы трудовой теорией стоимости ложными. Материалистическая методология К. Маркса не способна, не впадая в противоречие, научно объяснить факт рыночного обмена Т–Д. Приведем пример. Центральный банк США (ФРС) создает эмиссионные деньги в 10 млрд долларов тремя способами: 1) под обязательства коммерческих банков (межбанковский кредит); 2) под обязательства правительства (покупка государственных облигаций на вторичном рынке); 3) под покупку инвалюты на валютном рынке. Безусловное обязательство Центрального банка как эмитента обеспечено тремя типами активов, что отрицает этим экономическим фактом принцип трудовой эквивалентности К. Маркса. Посредством кредитных операций коммерческих банков и расходов правительства 10 млрд долларов попадают нефинансовым фирмам и используются ими для производства и продажи товаров. Теория трудовой стоимости не может объяснить как процесс эмиссии кредитных денег Центральным банком и кредитная деятельность коммерческих банков, создающих кредитные деньги, вызывает создание добавленной ценности нефинансовыми фирмами обмен ценностями в ней. Натурализм, считающий, что только золотые деньги являются настоящими, не может дать научный ответ на вопрос о том, как *трудовая стоимость*, являясь сгустком ОНЗТ наемного рабочего, вдруг появляется в фидуциарных деньгах, да еще и приносит прибавочную стоимость капиталисту от эксплуатации рабочих. Методология марксистского физикализма не в состоянии, не впадая в противоречие, объяснить сущность обмена Т–Д в фидуциарную эпоху. Согласно натуралистической логике К. Маркса в товаре овеществлен абстрактный труд наемного рабочего. Возникает вопрос о том, когда работали эти наемные рабочие, если ФРС создает

overnight «росчерком пера» под безусловные обязательства коммерческого банка, государственные облигации правительства и покупку инвалюты на рынке. Представление К. Маркса о деньгах как всеобщем эквиваленте товарного мира, сгустке абстрактного труда наемного рабочего и отрицании вклада капитала и предпринимательства в создании ценности товара в корне ошибочно. Остается невыясненным вопрос о том, что же овеществлено в безликих деньгах, созданных ФРС (10 млрд долларов) под три вида активов. В случае создания Центральным банком монопольных фидуциарных денег нет никаких *ОНЗТ* и *ОНРВ*, нет никакой субстанции трудовой стоимости в виде абстрактного труда наемного рабочего, как нет и прибавочной стоимости. Эти категории являются надуманными абстракциями, которые не отражают сложной природы социально-экономической реальности капиталистического рынка, в основе которой лежит факт соединения факторов производства капиталистами, несущими рыночные риски по их эффективному функционированию.

Натуралистическая логика К. Маркса строилась на аналогиях, принятых в анализе *бартерной экономики и простого товарного хозяйства*, а не *рыночной экономики капитализма*, в основе которой лежат кредитные деньги, эмитируемые банковской системой. Термины *бартерная экономика* и *капиталистическая кредитная экономика* являются антиподами. К. Маркс в амбивалентной форме сформулировал предмет своего исследования, стремясь с помощью категорий примитивного рынка проанализировать развитую рыночную экономику капитализма, фундаментом которой является кредитная банковская система, обслуживающая преимущественно сложные финансовые сделки на срок. К. Маркс придумал абстрактную модель несуществующего *примитивного рынка для капитализма*. С помощью трудовой теории стоимости, описывающей простое товарное производство мелких хозяев в докапиталистических формациях, которые своим трудом производят товар и продают его на товарном рынке, он не смог объяснить сущность *цены производства товара, являющегося продуктом капитала*. Трудовая стоимость К. Маркса не объясняет товарно-денежного обмена на капиталистическом рынке, где взаимодействуют капитал и наемный труд. На капиталистическом рынке воспроизводство факторов производства и их обмен осуществляется исходя из законов цены производства, а не исходя из причинно-следственных связей внутренне присущих трудовой стоимости.

Механизмы функционирования капиталистического рынка оказались не по зубам материалистической диалектике К. Маркса, о чем свидетельствует зафиксированная его современниками система неразрешимых противоречий между первым и третьим томами «Капитала». В советской политической экономии В. П. Шкредов и Н. В. Хессин бурно обсуждали проблему о том, является ли товар, анализируемый К. Марксом в первых главах I тома «Капитала» товаром капиталистического кредитного хозяйства или товаром простого докапиталистического товарного хозяйства. Н. В. Хессиним была написана монография «Вопросы теории товара и стоимости в “Капитале” К. Маркса» (М., 1964). В. П. Шкредов в 1975 г. на экономическом факультете МГУ сделал доклад «По поводу абстракции “простое товарное производ-

ство» как начала системы «Капитала» К. Маркса». Еще ранее до их дискуссии Я. А. Кронрод дал свое толкование содержания предмета первых глав I тома «Капитала», считая, что К. Маркс исследовал капиталистический товар, а не товар простого товарного производства.

Нельзя лезть в капиталистический рынок, построенный на системе кредитных отношений, вооружившись категориальным аппаратом простого докапиталистического товарного хозяйства. Капиталистическое кредитное хозяйство построено на коммерческом и банковском кредите, сложных финансовых операциях, имеющих срочный характер, механизмах финансирования фирм через эмиссию акций и долговых ценных бумаг. В докапиталистических формациях подавляющая часть объемов продаж товаров осуществляется на примитивных товарных рынках, где деньги используются как средство обращения (принцип «деньги на бочку»). С количественной точки зрения сфера использования кредитных денег заемщиками и роль банков в такой экономике минимальна. В этих бартеризированных структурах нет сложной системы финансового посредничества, отсутствует одноуровневая банковская система частных денег, которые эмитируют частные банки, чем отличается индустриальный капитализм. Неудача К. Маркса в исследовании капиталистического рынка – есть расплата за применение механистической физикалистской методологии трудовой теории стоимости. К. Маркс редуцировал товар как продукт капитала, деформировав сущность капиталистического товара, сведя его к товару, созданному товаропроизводителем в простом докапиталистическом хозяйстве. Следствием неудач исследования К. Марксом капиталистической рыночной экономики стало то, что он не смог непротиворечиво объяснить сущность цены производства («Капитал», т. 3), которая не тождественна трудовой стоимости («Капитал», т. 1). Причиной неудач исследования К. Маркса является неадекватное представление о природе кредитных денег, создаваемых банковским капиталом на развитом денежном и финансовом рынке. Основой капитализма является банковский кредит с его инструментами учета товарных векселей фирм, финансирования фирм через рынок акций и долговых ценных бумаг. Механизм финансирования потребностей производственного капитала построен на обороте *абстрактного обязательства*, воплощенного в векселе, как инструменте коммерческого кредита и деятельности системы финансового посредничества.

Деньги как безусловные требования к заемщикам создаются банковской системой путем выдачи кредита. Деньги как долговое обязательство «выросли» не из функции средства обращения (*medium of exchange*), где они являются всего лишь пассивным посредником в обмене, а из функции средства отсроченного платежа (*standard of deferred payment*). Теория трудовых денег неправоммерно абсолютизирует деньги как средство обращения, обходясь без банков, эмитирующих деньги под потребности заемщиков. К. Маркс игнорирует кредитные деньги банков, выполняющих функции средства отсроченного платежа, которые создают кредитную экономику капитализма. Внешнее воплощение денег в драгоценных металлах, т.е. товарная слитность денег с металлическим телом золота и серебра не отражает глубинной сущности денег. Кредитные деньги не сводятся только

к товарным деньгам. Ложность натуралистической теории денег выпукло представляется тогда, когда внешнее воплощение денег в драгоценных металлах, наряду с выполнением ими функций средства отсроченного платежа, происходит в условиях превращения денег в капитал и появления фидуциарных денег. С этой точки отсчета начался долгий путь потери кредитными деньгами товарных признаков, который завершился в 1971 г. полной потерей фидуциарными деньгами внешней физической формы товарных денег.

Деньги в функции средства отсроченного платежа являются срочным инструментом обмена, обслуживая кредитный оборот промышленного и торгового капитала (Д–Т–Д') и ссудного капитала (Д–Д'). При капитальной сделке нет одномоментного встречного движения ценностей между покупателем и продавцом, как при простом товарном хозяйстве. Капитальная сделка требует разрыва во времени между движением денег между кредитором и заемщиком и возвратом заемных денег. До акта возврата денег происходит инвестирование капитала в создание товара. Капитал вкладывается в любую отрасль экономики (производство товаров, торговлю товарами, финансовое посредничество). Получив доход после продажи товара, заемщик оплачивает кредитору долг и «набежавшие» за просроченное время проценты. Существенной характеристикой денег является то, что они признаются всеми людьми в обмене, и обязательны к приему в любых денежных расчетах и налоговых платежах. Важнейшей чертой денег как простого товарного посредника является то, что при платеже деньгами за товар они обязательно синхронно перемещаются вместе с товаром. Создание же кредитных денег не сопровождается одновременным встречным перемещением товара. Возникновение кредитных денег стало необходимым условием для появления производственного, торгового и ссудного капитала, а также производственной и торговой прибыли, процента банка. Кредитные деньги – это срочный инструмент, обслуживающий цикл самовозрастания капитальной ценности. Эти явления К. Маркс оказался не в состоянии объяснить с помощью трудовой теорией стоимости и прибавочной стоимости.

Кредитная операция между продавцом и покупателем товара – это продажа товара продавцом на условиях коммерческого кредита, т.е. с отсрочкой оплаты товара. Из-за отсутствия денег должник (дебитор) берет на себя безусловное долговое обязательство, выписывая товарный вексель, заменяющий деньги, который передает кредитору (продавцу товара). Кредитные отношения возникают при проведении фирмами товарных операций по коммерческому кредитованию друг друга. Это стало основанием эмиссии банками кредитных денег (банкнот) при проведении ими учета товарных векселей фирм. Обмен денежного обязательства банка (банкноты) на товарное обязательство фирмы (товарный вексель) регулирует процесс соразмерного прироста банками денежной массы относительно прироста фирмами добавленной ценности, воплощенной в реализованной товарной массе. Основное балансовое соотношение в макросистеме состоит в том, что прирост добавленной ценности (ВВП) должен идти соразмерно с приростом выпущенных банкнот в обращение.

В основании трудовой теории стоимости и денег К. Маркса лежат физикалистские интуиции, построенные на энергетических аналогиях. Устойчивость физикалистских представлений о сущности денег чрезвычайно сильна. Поэтому сторонники трудовой теории стоимости не принимают функционирующий в кредитной экономике монетарный механизм обеспечения эмиссии фидуциарных денег добавленной ценностью субъектов рынка. Причина этого неприятия заключается в материалистическом типе мышления, признающем в качестве денег только чувственно воспринимаемые *физические объекты* (драгоценные металлы), которые можно увидеть, пощупать, взять на зуб и т.п. Исходная интуиция мышления сторонников трудовой теории стоимости является натуралистической. К. Маркс считал, что *физикалистские деньги*, обеспеченные золотом (серебром), выполняющие функции средства обращения, не эмитирует никто (банков нет), они возникают по взаимной договоренности людей в процессе обмена. Натуралистическая методология марксизма игнорирует природу кредитных денег, эмиссия которых банковской системой обеспечена активами заемщиков, которые берут кредит в коммерческом банке под просчитанный бизнес-план. В случае успешной реализации бизнес-проекта доходы от его реализации приносят прибыль заемщику, а также покрывают основную сумму долга и банковские проценты. При неудаче реализации кредитного проекта банк продает заложенные активы заемщика на рынке, а также может списать средства в счет погашения кредита с расчетного счета заемщика, который он контролирует. Механизмы погашения кредита обеспечивают безопасность банку, способствуя возврату срочных кредитных обязательств заемщика.

Для сторонников трудовой теории стоимости, признающих истинными исключительно физикалистские деньги, которые не эмитируют банки, кредитная субстанция денег не является доминантной сущностью, так как она не признается ими при анализе золотых и фидуциарных денег. Трудовая теория стоимости отрицает кредитную природу золотых и фидуциарных денег. Сторонники трудовой теории стоимости не могут адекватно определить фундаментальные свойства денег, так как для них первичной и главной характеристикой денег является весовое содержание драгоценных металлов, воплощенное в денежной единице, а не кредитная природа фидуциарных денег, которые обслуживают субъектов рыночной экономики. Они отрицают кредитную природу фидуциарных денег, так как последние не обеспечены золотом (серебром). При этом физикализм может формально соглашаться с тем, что кредит очень важен для экономики. Кто же с этим спорит? Однако для них кредитная природа денег не является исходным и генетическим (субстанциальным) свойством денег. Для них это не игла (сущность кредитных денег), сломав которую, Кощей (банковская система) умирает. Однако именно сущность кредитных фидуциарных денег порождает фундаментальное свойство универсальной ликвидности безусловного финансового обязательства и требования, которые эмитирует банковская система, с целью их переуступки на денежном рынке любому субъекту, а также при предъявлении эмитенту кредитных денег к погашению. Физикалистская методология К. Маркса перевернула иерархию сущностей монетарной экономики, деформировав представления о рынке.

Трудовая теория стоимости подменяет сущность кредитных денег их внешней формой – физическим весом золота (серебра), содержащимся в денежной единице. Ошибаясь в определении сущности кредитных денег, подменяя их сущность физической натуральной формой золота (серебра), трудовая теория стоимости не может объяснить сущность фидуциарных кредитных денег, редуцируя сущность кредитных инструментов к натуральной весовой форме монет и слитков драгоценных металлов. Более абсурдное противоречие трудно себе представить. Натуралистическая редукция противоречит очевидным фактам современного рынка, где банкноты и монеты занимают мизерную часть в структуре денежного обращения, в то время как подавляющую долю кредитных денег составляют безналичные деньги. К. Маркс запустил в обиход ходячее вульгарное (обыденно-бытовое с точки зрения науки) и надуманное название «бумажные деньги», презрительно и уничижительно назвав их «бумажками»: «Бумажки, на которых напечатаны их денежные названия, как, например, 1 ф. ст., 5 ф. ст. и т.д., бросаются в процесс обращения извне государством» [2, с. 138]. Однако ни бумажная форма банкноты, ни безналичная (бестелесная) форма кредитных денег не уничтожают кредитной природы денег, которая никогда и никуда не исчезает. Принципиально важным для понимания сущности фидуциарных кредитных денег является механизм обеспечения их эмиссии активами Центрального банка, за которыми стоит *добавленная ценность*, созданная производителями, оплаченная покупателями и изымаемая в госбюджет в форме налогов. Таким образом, *монетарный и бюджетно-финансовый механизмы обеспечения эмиссии фидуциарных денег* являются основой функционирования двухуровневой банковской системы любой страны.

Сторонники трудовой теории стоимости в угоду своим идеологическим принципам отрицают самоочевидные факты экономики, за которыми скрывается механизм функционирования двухуровневой банковской системы, связанный с механизмом действия бюджетно-финансовой системы правительства. Сознание экономистов, разделяющих исходные установки трудовой теории стоимости, находится в плену обыденно-бытовых представлений о том, что физическое бытие драгоценных металлов – есть сущность, а кредитная природа денег сущностью не является. Поэтому она – это всего лишь досадное несущественное явление. Данное положение физикализма не принимает во внимание действие институционального механизма, обеспечивающего эмиссию фидуциарных денег активами Центрального банка (межбанковские кредиты, купленная инвалюта и облигации правительства). Добавленная ценность (денежными доходами налогоплательщиков) аккумулируется правительством через фискальный механизм и находится в распоряжении государства. Монетарный и фискальный механизмы представляют собой единый и универсально действующий *трастовый механизм покрытия безусловных обязательств государства перед держателями денег*. Правительство и Центральный банк, проводя макроэкономическую политику, используют бюджетно-финансовые и монетарные инструменты для регулирования денежных и товарных рынков с целью поддержания устойчивости цен на фидуциарные деньги, регулируя уровень процентных ставок и валютного курса, воздействуя через них на товарные цены.

Навязывание трудовой теорией стоимости положения о *полноценных* (настоящих, действительных, обеспеченных золотом) и *неполноценных* (ненастоящих, недействительных, не обеспеченных золотом) фидуциарных деньгах проявляется в бытовом третиrowании так называемых бумажных денег. Здесь больше всех «повезло» доллару США, который сторонники трудовой теории стоимости называют ничем не обеспеченной «бумажкой», которую печатают неизвестные хитрые частные лица, создавшие ФРС США. Эти люди за спиной американского народа обманном присваивают *сеньораж* (seigniorage), который принадлежит народу, распространяя доллары по миру, снабжая ими неразумных держателей этих ничем не обеспеченных «бумажек». Неприязнь к США как к мировому жандарму приводит к тому, что пропагандисты «трудовики» очень редко третируют евро, фунт стерлингов, иену и швейцарский франк, которые, согласно их физикалистской методологии, относятся к ничем не обеспеченным «бумажкам». Марксистские пропагандисты, выступающие против доллара США, воспитанные в традициях трудовой теории стоимости, в основном сосредоточены в России. Они не замечают, что из их ненаучной методологии вытекает, что российский рубль также является ничем не обеспеченной «бумажкой». Россияне и граждане других стран гонятся за «твердыми» деньгами, стремясь сохранить свои сбережения. Пропагандисты критикуют государство за то, что активы Центрального банка Российской Федерации вложены в государственные облигации США. Однако резервные активы вкладываются в «твердые деньги».

Качественное отличие между долларом и российским рублем как национальными валютами США и России определяется следующими критериями. Во-первых, у них разное количество потребителей и они сильно отличаются своим покрытием. Доллар США покрыт на 95 % обязательствами казначейства США, т.е. налоговыми изъятиями у налогоплательщиков. Российский рубль покрыт «твердыми» валютами (доллар, евро). Второе отличие заключается в степени конвертируемости валют по текущим и капитальным операциям. Российский рубль нельзя сравнивать с долларом и евро, которые являются свободно конвертируемыми валютами (СКВ). Третье отличие – в искусстве макроэкономического регулирования государством рынков денег и капитала в США и России. Четвертое отличие проявляется в значительной разнице уровней долгосрочных показателей инфляции и девальвации. Все четыре критерия складываются явно не в пользу российского рубля. Какая из валют является более «бумажной» или быть может более «деревянной»? Ответ очевиден.

ЛИТЕРАТУРА

1. Струве, П. Б. Хозяйство и цена : критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни / П. Б. Струве. – СПб. ; М. : Типо-лит. Шредера, 1913. – Ч. 1. – XXXV, 358 с.
2. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1978. – Т. 1, кн. 1 : Процесс производства капитала. – 907 с.

Поступила в редакцию 26.03.2019

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Т. Г. Гуцева

ОПАСНОСТЬ СУННИТСКО-ШИИТСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
В ИСЛАМЕ

Все кризисные явления на Ближнем Востоке вызваны социальными, политическими причинами. Но крайне важно подчеркнуть роль в происходящих событиях внутри-исламского противоборства. Это противоборство используется внешними силами для установления в арабских странах режимов, угодных Западу.

Начало XXI века поставило человеческое сообщество перед новыми вызовами, показавшими важность учета религиозного фактора в обеспечении безопасности и стабильности мира. Внешние силы, способствующие усилению политизации религии, радикализации и экстремизма в исламском мире используют противостояние суннитов и шиитов, что усиливает угрозу безопасности и стабильности мира.

Проблема, на которой разошлись сунниты и шииты, – это вопрос о наследовании власти в мусульманском обществе и главных ориентиров веры. Шииты полагают, что государственная власть имеет несомненно божественную природу и должна переходить по наследству прямым наследникам по линии пророка Мухаммеда. В VII веке таким прямым наследником был Али – двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда. Али создал свою группу (партию) шиитов (араб. *шиа* ‘группа, партия’), организовал заговор, в результате которого халиф Осман был убит, а четвертым халифом был провозглашен Али.

Курейшитский род Омейядов не смирился с поражением, в 661 г. Али был убит в мечети г. Куф, а халифом стал Муавиа. Новый халиф Муавиа откупился от внука пророка Мухаммеда Хасана, но младший брат Хасана Хусейн поднял мятеж против халифа. Никто из воинов халифа не хотел брать на себя личную ответственность за убийство родственника Пророка, и была выработана форма коллективного убийства: Хусейна разорвали на части.

Традиция мученичества определяет доктрину шиизма, в центре которой память – память о Хусейне, разрубленном на куски под городом Кербеле в Ираке. Это наглядно проявляется в ежегодном ритуале – процессии ашуры, когда люди бьют себя цепями и режут ножами, как бы вновь переживая муки Хусейна. И в черно-красно-зеленых цветах шиитских флагов (черный – символ скорби, красный – кровь Хусейна, зеленый – неувядаемая кровная линия потомков пророка), и в шиитском символе (человеческая рука, пять пальцев которой означают пророка Мухаммеда, Фатиму, Али, Хасана и Хусейна) это подчеркивается. Шииты объявили Хусейна святым мучеником и ежегодно отмечают день его гибели – Шахсей-вахсей.

Шииты считают единственно законным наследником пророка Мухаммеда халифа Али и его прямых потомков-имамов. Так возникло шиитское учение об имамате – форме наследования духовной и светской власти в исламском обществе.

Вторым положением, на котором разошлись сунниты и шииты, является признание суннитами в качестве основы вероучения и культа всех основных положений, сформулированных и в Коране (Священном писании), и в Сунне (Священном предании). Шииты, признавая абсолютный авторитет Корана, в Сунне принимают только те хадисы, авторами которых являются четвертый халиф Али и его последователи. Для шиитов Али – вторая по значению фигура в исламе после Мухаммеда. К мусульманской формуле веры – «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха» – шииты добавляют «и Али – исполнитель воли Аллаха». Принципиальных различий между суннитами и шиитами в культовой практике нет. Эти различия связаны прежде всего с особенностями исторического пути развития шиизма и мест его преимущественного распространения. Основными центрами шиитов являются Иран (единственное шиитское государство) и Ирак. А поэтому местами поклонения шиитов, кроме Мекки и Медины, являются Кум и Мешхед в Иране и Неджеф и Кербала в Ираке.

Религиозной жизнью общин и в суннизме, и в шиизме руководят муллы. В шиизме самых авторитетных и почитаемых духовных лиц, ученых-теологов называют «аятолла» (божественное знамение), а высшее звание в шиитской ветви ислама – «великий аятолла» (отражение Аллаха). Сейчас шииты составляют одну десятую часть мусульманского населения мира. Шииты считают, что только прямой потомок Мухаммеда (от Али и Фатимы) может претендовать на должность имама, главы мусульманской уммы (этот титул в глазах шиитов стал выше халифа). Для шиитов верховная власть имама predetermined свыше и не может зависеть от желания людей, имам не может быть выбранным. И порой слово имама может быть влиятельнее, чем положение из Корана. У суннитов оба титула фактически слились воедино.

Важнейшей особенностью исламского вероисповедания является охват религиозными предписаниями всех сфер жизнедеятельности мусульман. Ислам регулирует социальное устройство, экономические, политические и культурные отношения, сферу семейных отношений и быта. Ислам представляет не только вероисповедание, но и образ жизни, определяющий мировоззрение и повседневное поведение людей.

Идеями «панисламизма» пронизана и деятельность мусульманских международных организаций: Всемирный исламский конгресс (1926), Лига мусульманского мира (1962), Организация исламской конференции (1969). Л. Уайт подчеркивал: «Ислам не знает традиционного священства, и хотя в исламском мире есть люди, посвятившие себя изучению богословия, это ученые, но не священники. Богослужение в мечетях совершают миряне. Никто не может навлечь на других божественную кару или гарантировать им

божественную милость и спасение» [1, с. 178]. А в исламе культ и государство соединены в лице халифа. С точки зрения ислама есть лишь одно действующее право – религиозный закон, который завещан пророком, и обязанность халифа проведение священного закона в жизнь. Халиф был религиозным главой мусульман, а халифат теократией в такой степени, какая редко встречается при всех других типах правления. Государственный строй и вся цивилизация мусульманского общества пронизана исламом.

«Религиозные элементы в исламе, несмотря на отсутствие традиционного священства или церковной иерархии, играют весьма действенную роль в интеграционных и регулятивных процессах его социокультурной системы. Государство в самом реальном смысле выступает здесь и как церковь» [Там же]. Исламизм, от которого исходит серьезная угроза миру, – не религия, а политическая идеология, лишь прикрываемая религией и эксплуатирующая авторитет ислама для целей массовой политической мобилизации. Из крупных государств, в которых доминирует ислам суннитского толка, лишь в Турции сложилась политическая нация, но произошло это благодаря реформам Ататюрка, который сознательно разрушил институты последнего исламского халифата.

В Сирии насмерть сражаются между собой, с одной стороны, исламисты шиитского (проиранского) направления и «Хезболла» (Ливан), защищающие сирийского президента Б. аль-Асада, и с другой – воюющие с ним группировки суннитских течений исламизма. В Ираке большинство населения составляют арабы-шииты (около 60 %), которые были ущемлены в своих правах во время правления С. Хусейна: так, например, шиитам было запрещено проводить общинные пятничные молитвы, а библиотекам, существующим при шиитских мечетях, не разрешалось выдавать книги верующим. Ограничения вводились также на проведение погребальных мероприятий и на осуществление деятельности шиитских СМИ. При С. Хусейне публичные шиитские празднования, например, Ашура (день поминовения имама Хусейна), были отменены. «Шиитский фактор в Ираке остается одним из серьезных мотивов, удерживающих США и Израиль от вооруженной интервенции в Иран. Ведь в таком случае весь Ближний Восток будет вовлечен в затяжное военное противостояние, из которого найти выход будет крайне трудно» [2].

Вторжение проамериканской коалиции в Ирак сыграло крайне разрушительную роль в отношении единой иракской государственности. Ирак «фактически раскололся на три открыто сражающиеся друг с другом национально-религиозные общины... суннитов, шиитов и курдов» [3, с. 150].

Иностранная оккупация и спровоцированная ею межконфессиональная борьба породили питательную среду для бурного роста исламского радикализма. Ирак превратился в плацдарм для развертывания деятельности экстремистских, террористических сил. Именно офицерство разогнанной армии С. Хусейна стоит у истоков создания Исламского государства. Трагические события в Йемене являются фронтальным столкновением

суннитского и шиитского населения с вмешательством внешних сил. В происхождении сказываются многие факторы: противостояние шиитов (хуситов) и суннитов, позиция племен, религиозные различия севера и юга страны (до 1990 г. существовало два йеменских государства). Идет борьба за влияние на Йемен между Ираном и Саудовской Аравией, сколотившей, в основном из арабских стран, международную коалицию, которая открыто вмешивается в дела Йемена. А за спиной Саудовской Аравии стоят США.

В Ираке, Сирии, Ливии, в арабских светских государствах, при наличии в какой-то степени внутренних проблем главными причинами продолжающегося кризиса стали внешние факторы: поддержка вооруженной оппозиции этих стран со стороны США, странами НАТО, которые стремятся любой ценой достигнуть своих геополитических целей.

Стратегическими целями США и Израиля являются ослабление Ирана и минимизация его влияния в Ираке с возможным приведением к власти в Ираке суннитских сил, лояльных США и враждебных шиитскому Ирану. Суннитские монархии Персидского залива, противостоящие шиитскому Ирану и рассматривающие его в качестве потенциальной угрозы со времен иранской исламской революции 1979 г., занимают примерно такую же позицию. Саудовская Аравия и Катар, которые обладают значительным влиянием в Лиге арабских государств, поддерживают сирийскую суннитскую исламистскую оппозицию, рассчитывая привести ее к власти и устранить таким образом руководство Б. Асада как союзника Ирана. Сирия имеет союзнические связи с Ираном, в том числе и на конфессиональной основе (значительная часть руководства Сирии представлена алавитами – направлением в шиитском толке ислама). У Турции имеются свои стратегические интересы в отношении Сирии. Исламские суннитские центры играют все большую роль в общественно-политической и культурной жизни Турции. В связи с этим свержение светского баасистского режима в Сирии и вероятный приход к власти суннитских сил отвечают интересам турецкого руководства. Огромное значение для Турции имеет еще и курдская проблема.

Многовековое этнокультурное противостояние персов и арабов вышло на принципиально новый уровень, поскольку арабские шииты теперь считают именно Иран своим единственным заступником в противоборстве с суннитскими консервативными режимами. «Арабская весна» придала исламу дополнительный импульс. Самым негативным последствием этого стало появление Исламского государства, а также разрастание экстремизма и терроризма далеко за пределы исламского мира. Успех фундаменталистского радикализма обусловлен его острой антизападнической и антимодернизаторской направленностью. Ценностям буржуазного общества потребления противопоставляются исламские ценности – приоритет коллективистского начала перед индивидуализмом, равенство людей перед Богом, осуждение накопительства.

Таким образом, конфликты между суннитами и шиитами на Ближнем Востоке носят и политический, и религиозный характер. Большую роль в возникновении конфликтной ситуации на Ближнем Востоке сыграла прово-

кационная деятельность внешних сил, которые на рубеже XX–XXI веков содействовали тому, чтобы мусульманское сектантство в регионе приобрело силу для ведения вооруженной борьбы за власть против режимов, неугодных Западу.

Шиитско-суннитские противоречия ослабляют усилия тех мусульманских стран, которые борются с Исламским государством. Эти противоречия способствуют нарастанию политизации ислама и усилению глобального характера радикального ислама, что несет реальную угрозу стабильности в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гараджа, В. П.* Социология религии : учеб. пособие / В. П. Гараджа. – М. : ИНФРА, 2015. – 213 с.
2. *Куршаков, В.* Шиитский фактор во внешней политике Ирана / В. Куршаков // МЭ и МО. – 2012. – № 11. – С. 26.
3. *Шарипов, У. З.* II-ое десятилетие XXI-го века – новая «Большая кровь» на Ближнем Востоке / У. З. Шарипов. – М. : Полиграф-дизайн, 2017. – 232 с.

Поступила в редакцию 29.03.2019

О. Е. Куликова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ЦЕННОСТНОМУ ОСОЗНАНИЮ ЧЕЛОВЕКОМ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье анализируется как исторический, так и современный аспект проблемы аксиологического подхода к изучению культуры. Рассмотрены основные этапы развития аксиологии, различные аспекты, проблемы ценностей и их динамики. Автор раскрывает теоретические и исторические направления научных поисков изменения ценностных приоритетов в культуре; акцентирует внимание на некоторых теоретических положениях современной социологии, их применении в современных белорусских социологических исследованиях.

Культура – это неотъемлемая сторона жизни общества, она неотделима от человека как социального существа. Не может быть общества без культуры, как и культуры без общества. Как бы ни было развито то или иное общество, оно всегда создает соответствующую культуру, т.е. совокупность духовных ценностей и способов их производства. Степень развитости культуры зависит от конкретного этапа исторического развития общества, от условий, в которых развивается человечество, от возможностей, которыми оно располагает.

Качественная определенность любой исторической эпохи обусловлена в первую очередь тем, как ее субъекты «видят» и представляют мир и себя в нем, какими ценностями и смыслами руководствуются в жизни, какие

цели преследуют в практической деятельности. Не только в истории человечества, но и в истории отдельных народов обнаруживается достаточно разнообразное осознание человеческого бытия. Меняются мировоззренческие парадигмы, приоритеты ценностей и истин и т.п.

Ценности родились в истории как некие духовные опоры, помогающие человеку устоять перед лицом рока, тяжелых жизненных испытаний. Они упорядочивают действительность, внося в ее осмысление оценочные моменты, отражают глубоко личностные аспекты восприятия окружающей действительности. Ценности обозначают желаемые аспекты вещей и идей, они соответствуют представлениям о должном. В структуру ценностей входят нормы, оценки, идеалы.

Процесс смены ценностей в обществе, как правило, длителен. Традиционные ценностные ориентации в различные эпохи могут совершенно по-разному звучать. И тогда необходимо рассматривать такое общество, обладающее такой ценностной системой, где ценности группируются в зависимости от развития общественных процессов, что связано с многосторонним подходом различных людей к жизни, к труду и творчеству.

Актуальность вопросов изменения ценностных ориентаций, мотивов поведения, идеалов в обществе неуклонно возрастает. В культурологии и ряде других социальных и гуманитарных направлений познания предпринимаются попытки выявить критерии человеческой субъективности и ее качественно-количественную оценку, проблема ценностей играет важную методологическую роль.

Рассматривая культуру как совокупность всех видов преобразовательной деятельности человека и общества, а также результатов этой деятельности, воплотившихся в материальных и духовных ценностях, в культурологии выделяют три основополагающих подхода в исследовании культуры – аксиологический, деятельностный и семиотический. Отметим, что перечисленные подходы взаимозависимы. Так, сочетание ценностного и деятельностного подходов позволяет объяснить преобразования, связанные с развитием общества, и дает возможность наметить тенденции развития культуры общества на современном этапе.

При решении же воспитательно-дидактических задач аксиологический подход выявляет свою эвристичность и результативность.

Различные аспекты рассмотрения проблемы ценностей и их динамики находим еще в древности; например, в мифологии разных этносов – это проблема соотношения добра и зла. В античной философии проблема ценностей рассматривалась как отношения природы, человека и общества. В этот период учение о ценностях как раздел философии еще не выделялся теоретической мыслью из общих проблем философии. Однако суждения о ценностях и ценностных ориентациях мы встречаем у Сократа, Платона, Аристотеля и др.

Накопленные знания в области ценностных устремлений личности привели к выделению в философии в конце XIX – начале XX века особой отрасли – аксиологии, которая исследует природу ценностей, их место

в реальной действительности, структуру ценностного мира, рассматривает взаимосвязи различных ценностей между собой, их отражение в структуре личности. В течение многих лет становления и развития аксиологических исследований сложились различные взгляды на сущность, природу, структуру, функции ценностей.

Разработкой аксиологических концепций занимались многие ученые на протяжении долгого времени. Впервые понятие ценности предложил в 60-е годы XIX века немецкий философ Р. Г. Лотце. Он вводит категорию ценности в свои сочинения, вносит значительный вклад в подготовку теории ценностей, предпринимая одну из первых попыток систематизировать ценности и провести между ними некую субординацию. Лотце, говоря о способе существования ценностей, отмечал, что никакой ценности в вещах нет, и только при помощи нашего чувства мы можем установить определенную градацию ценностей. Он считал, что ценности при всей своей субъективности не создаются субъектом, а раскрываются им. Начиная с Лотце, понятия ценностей – эстетических, моральных, религиозных и т.п. – входят в философскую лексику [цит. по: 1, с. 39–41].

Тем не менее это были первичные предложения, аксиология как отдельная отрасль научного знания еще не сложилась. Для этого необходимо было провести сравнительный анализ между различными ценностями, например, этическими и эстетическими, финальными, бытовыми и т.п.

Значительную роль в становлении аксиологии сыграл Ф. Ницше. Он провел сравнительный анализ между различными ценностями (этическими и эстетическими). М. Каган отмечал: «Между тем, уже М. Вебер показал, опираясь на реальность бытия ценностей в современной культуре, что после Ф. Ницше и Ш. Бодлера стало очевидным: “прекрасное может не быть добрым”, а “истинное может не быть прекрасным”, “священное может не быть прекрасным, более того, оно священо именно потому и постольку, поскольку не прекрасно”» [2, с. 11]. Правда, Ницше при этом перевернул традиционный подход философии – теперь не ценности человека зависели от мира, а, наоборот, мир полностью подчинялся ценностному восприятию человека. И эта тенденция стала основной для конца XIX – начала XX века, когда проблема ценностей стала едва ли не центральной проблемой философии. М. Каган, описывая историческую ситуацию того времени, отмечает: «Неудивительно, что такая “экспансия” аксиологических представлений привела к пониманию культуры как “мира воплощенных ценностей”, и ее изучение стало сводиться к описанию истории ценностей, так родилась новая наука – история культуры» [Там же, с. 17].

В этом ракурсе культуру начинают рассматривать как систему непрерывно развиваемых ценностей: религиозных, духовных, материальных, научных, цивилизационных, собственно культурных и т.п. Понятая в таком ключе аксиология позволяет предпринять анализ, например, изобразительного искусства с позиций исторически развивающейся системы ценностей, отраженной и запечатленной в произведениях искусства.

Аксиологический (ценностный) подход в изучении культуры заключается в выделении той сферы бытия человека, которую можно назвать миром ценностей. Согласно ценностному подходу, культура есть не что иное, как реализация идеально-ценностных целей, предметный мир, взятый под углом зрения его значения для человека. Утверждаемые в сознании человека ценности способны оказать влияние на мировоззрение людей и на характер их деятельности. Ценности формируют культурное пространство.

Под ценностями обычно подразумевают «указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности» [3, с. 324]. С их помощью человек объясняет полезность, необходимость, предпочтительность предметов и явлений, которые сопровождают его жизнь.

Проблема изменения ценностных приоритетов определяет направление научных поисков многих исследователей. К выделению теории ценностей обращались неокантианцы Л. М. Гартман [4], Г. Риккерт [5], американские исследователи XX века Р. Инглхарт [6], М. Рокич [7], российский философ М. С. Каган [8], белорусские ученые: социолог Е. М. Бабосов [9], профессор Э. К. Дорошевич [10], А. П. Вардамацкий [11] и др. Каждый из перечисленных исследователей внес значительный вклад в изучение проблемы ценностных приоритетов человечества.

Как утверждал Л. М. Гартман, ценности и свойства явлений первичны в сравнении с деятельностью человека. Для подтверждения предположения он привел убедительный пример о том, что «человек прежде увидел вулканы, а потом он лишь мог придумать спички» [4, с. 24].

Взгляд на проблему первичности ценностей у Г. Риккерта был иным. Риккерт не исключал возможность того, что человек способен выбрать близкие ему ценности, при этом не отрицал и сверхъестественной природы ценностей. В работах Риккерта ценности делились на две группы – «условные (ценность жизни) и самодавлеющие (блага для человека)» [5, с. 170]. Условные ценности определены свыше, далее в научном сообществе они названы витальными. Эта группа ценностей – ценность жизни, семьи, любви, потомства и т.п. – универсальна для людей каждой культуры. Самодавлеющие ценности – духовные установки человека – необходимы для существования в культуре. Они определяются самим человеком и выбор, как правило, зависит от повседневного окружения. Человек выбирает их как лично значимые, и они могут отличаться в значительной степени от условных ценностей.

По мысли американского ученого М. Рокича, базовые ценности обладают универсальным характером, то есть ими обладают все люди в той или иной степени [7].

Человеческие ценности характеризуются следующими основными признаками: 1) общее число ценностей, являющихся достоянием человека (базовых ценностей) строго ограничено, (исследователь выделяет 18 базовых ценностей); 2) все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в разной степени; 3) ценности организованы в системы; 4) истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, обществе и его институтах и личности;

5) влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения. М. Рокич представил два класса ценностей – класс терминальных ценностей и класс инструментальных ценностей: терминальные – убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации.

Исследователь одним из первых начал выделять ценностные ориентации, поскольку они поясняли инструментальные ценности. С их помощью человек, по мнению ученого, достигает терминальных ценностей.

Разработанный Рокичем для диагностики индивидуальных иерархий ценностей метод стал весьма популярным, а именно метод прямого ранжирования ценностей, сгруппировавший их в два списка – терминальные и инструментальные ценности. Проведя масштабные исследования в американском обществе с помощью этого метода, он обнаружил и проанализировал связь декларируемой значимости (ранга) различных ценностей с такими переменными, как пол, возраст, социальное положение, доход, образование, расовая принадлежность, политические убеждения. В дальнейшем другими учеными выявлена связь ценностей с некоторыми личностными особенностями, а также их социокультурная специфика.

Понятия ценностей и ценностных ориентаций практически не разводятся в современных белорусских социологических опросах, здесь очень часто встречается исследование ценностных ориентаций общества. Отечественный социолог Е. М. Бабосов взял за основу классификацию М. Рокича о терминальных и инструментальных ценностях и предложил два вида ценностных ориентаций – целевые и инструментальные. Терминальные ценности существуют в культуре независимо от желаний человека. Обратим внимание, что терминальные ценности или целевые ценностные ориентации редко представлены в качестве способов для достижения какого-либо идеала, поскольку смысложизненные установки человека и есть его идеал. Только инструментальные ценности или инструментальные ценностные ориентации можно рассматривать как способы достижения общезначимых целей. Есть существенное отличие инструментальных ценностей и инструментальных ценностных ориентаций. Оно заключается в том, что инструментальные ценности – это признанные образцы поведения в культуре, а инструментальные ценностные ориентации – индивидуально значимые способы достижения благ, которые одобряемы в культуре. Таким образом, ценностные ориентации, которые определены в культуре как терминальные ценности, будут поддерживаться в мировоззренческой позиции людей из разных социальных групп. В то же время инструментальные ценностные ориентации будут объединять людей лишь тогда, когда они будут считать себя сторонниками одной социокультурной группы. Здесь ценности – это духовные образцы, которые приняты в культуре, а ценностные ориентации – способы достижения общепризнанных духовных образцов у отдельного человека или в определенной социальной группе.

Основополагающая идея исследований Ф. Боаса, Р. Бенедикт, М. Мид, А. Уоллеса и др. – утверждение равных психофизиологических способностей людей всех этнокультурных общностей. Прежде всего это ценности гуманистической направленности, а именно жизнь, семья, любовь, уважение к другим и т.п., т.е. ценности, которые можно отнести к категории терминальных. Анализ культур народов мира привел ученых к выводу, что неповторимость каждой культуре придают условия существования каждой общности – природный ландшафт, климат, инструментальные ценности, которых придерживаются люди.

Американский социолог Рональд Инглхарт собирал данные начиная с 70-х годов XX в., выдвинул теорию изменения ценностей: «Ценности изменяются, изменяются достаточно когерентно и предсказуемо» [12]. Инглхарт отмечал, что «связь между ценностями, экономикой и политикой является взаимной, а какова в точности природа зависимостей в конкретных случаях, – вопрос эмпирический, а не из разряда решаемых *a priori*» [13].

Обращаясь к приоритетным ценностям населения в разных странах мира, исследователь выделяет две значительные группы ценностей, которые определяет как ценности модернизации и ценности постмодернизации. Ценности модернизации означают «сдвиг к материальным приоритетам», что позволяет «обществу двигаться от состояния бедности к состоянию богатства. Соответственно, ядром процесса модернизации является индустриализация; экономический рост становится доминирующей социетальной целью, а доминирующую цель на индивидуальном уровне начинает определять достижительная мотивация» [Там же]. Это гипотеза ценностной значимости недостающего: приоритеты индивида отражают состояние социально-экономической среды: наибольшая субъективная ценность придается тому, чего относительно недостает [Там же].

По мнению Р. Инглхарта, процессы модернизации привели многие страны мира к обращению многих людей к постматериальным ценностям. Ценности постмодернизации Р. Инглхарт представил как мотивацию к реализации способностей каждого человека, к «широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения» [Там же]. Основным признаком ценностей постмодернизации определяется как наивысшая степень уверенности человека в будущем. Результаты социологических исследований, которые проводил социолог в более чем 80 странах (в том числе и в Республике Беларусь, А. П. Вардамацкий) [6, с. 8], уточнили, что экономический рост ведет к повышению благополучия человека вплоть до достижения некоего пункта, с которого наступает безразличие к благам, окружающим быт человека. Поэтому в постмодернистских обществах становится актуальной потребность «к возрастающему значению самовыражения, субъективного благополучия и качества жизни» [Там же, с. 86–87] каждого человека. Общество не рассматривается как целое, а распадается на группы людей, которые хотят реализовать свои способности на практике. Разумеется, происходят подобные изменения отнюдь не сразу – перемены начинаются с приходом к власти нового поколения. По мере того как молодое поколение становится старше, их ценности начинают доминировать.

Таким образом, в исследованиях представлены ценности и ценностные ориентации как прогнозирующие поведение человека, способные оказать влияние на мировоззрение людей и на характер их деятельности, а его деятельность может пояснить преобладающие в его внутреннем мире ценности и ценностные ориентации. Таким образом, ценности формируют культурное пространство. Интегративное применение деятельностного и аксиологического методов позволяет более глубоко и развернуто рассматривать культуру общества, сформированную на основе принятых в культуре ценностей и деятельности. Ценностная основа определяет мотивы поведения, стереотипы мышления, нормы, идеалы, а, следовательно, и деятельность человека. Отметим, что ценности отличаются инертностью в каждой культуре, поскольку при смене ценностного содержания изменяется не только образ жизни, но и мышление человека. Ценностные ориентации, в отличие от ценностей, более подвижны в культуре. Они характеризуются разнообразием проявлений в каждой социальной группе. Ценностные ориентации способны оказать влияние на коррекцию традиций. Так, традиции претерпевают изменения с течением времени, основываясь на ценностных ориентациях социума.

В силу того, что ценности культуры, безусловно, признаны всеми людьми в обществе, их реализация в разных социальных группах может существенно отличаться от стереотипа. Так, молодежь принимает ценности доминирующей культуры, но объясняет их иным способом. А анализируя деятельность молодежной субкультуры, потенциально возможно выделить его ценностные ориентации.

В настоящее время теория ценностей переживает свое возрождение в связи с новыми социальными, научно-техническими реалиями действительности. Общее направление развития современной аксиологии обозначено утверждением приоритета общечеловеческого и гуманистического начал в контексте различных культур. Все большую роль в содержании мироощущения, мировоззрения новых поколений начинают играть категории мира, жизни человека, жизнотворчества. Сейчас, как никогда, ощущается необходимость междисциплинарного синтеза знаний о человеке, который в свою очередь должен опираться на обновленную философскую картину мира, на общечеловеческие ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Микешина, Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. – 439 с.
2. Кага, М. С. Философская теория ценности / М. С. Кага. – СПб. : Петрополис, 1997. – 205 с.
3. Ценность // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – 324 с.
4. Гартман, Л. М. Об историческом развитии. Введение в историческую социологию / Л. М. Гартман ; под ред. Д. М. Петрушевского. – 2-е изд. – М. : Кн. дом «ЛИБРАКОМ», 2011. – 128 с.

5. *Риккерт, Г.* Философия жизни / Г. Риккерт. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. – 240 с.
6. *Инглхарт, Р.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое изд-во, 2011. – 464 с.
7. *Рокич, М.* Природа человеческих ценностей // Свободная пресса. – 1973. – № 5. – 20–28 с.
8. *Каган, М. С.* Философия культуры / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1996. – 416 с.
9. *Бабосов, Е. М.* Ценностные ориентации современной молодежи / Е. М. Бабосов // Ценностные ориентации белорусской молодежи на рубеже XXI века : материалы регион. науч.-практ. конф., Могилёв, 3–4 февр. 1998 г. / Ин-т. социологии НАН Респ. Беларусь ; Могилёв гос. ун-т ; Обл. социолог. центр ; Е. М. Бабосов [и др.] – Могилёв, 1998. – С. 136–137.
10. Культурная спадчына: Культуралагічна-сацыялагічныя даследаванні / Э. Дарашэвіч, У. Конан [і інш.] ; уклад., навук рэд. і аўт. прадм. Э. Дарашэвіч. – Мінск : 2001. – 168 с.
11. *Вардамацкі, А.* Каштоўнасныя арыентацыі асобы ў жыцці і культуры // Культурная спадчына: Культуралагічна-сацыялагічныя даследаванні / Э. Дарашэвіч, У. Конан [і інш.] ; уклад., навук рэд. і аўт. прадм. Э. Дарашэвіч. – Мінск : ВТАА Сучас. слова, 2001. – С. 120–134.
12. *Инглхарт, Р.* Расшифровка лекции «Зачем социологи, психологи, экономисты и политологи изучают ценности?». [Электронный ресурс] / Фонд Егора Гайдара. – Режим доступа : <https://www.forbes.ru/soby-tiya/obshchestvo/306145-ronald-inglkhart-mir-izmenyaetsya-i-eti-izmeneniya-pred-skazuemy>. – Дата доступа : 15.03.2019.
13. *Инглхарт, Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Электронный ресурс] // Полис. – 1997. – № 4. – Режим доступа : <https://studfiles.net/preview/3152427>. – Дата доступа : 15.03.2019.

Поступила в редакцию 22.03.2019

Н. И. Марчинская

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье исследована связь между этнической идентичностью и процессами глобализации, которые в современных условиях стали факторами трансформации ее основных компонентов: когнитивного, аффективного, поведенческого. Актуализация этнического сознания в современном мире объясняется двумя моделями: «модель фильтра» и «модель буфера». Показано, что в рамках первой модели возрастает роль этничности, в частности, обращение к этническим ценностям. С точки зрения второй модели оптимизируется личностная самореализация, задающая четкую систему ценностей и ориентира в личности. Подробно характеризуются типы этнической идентичности.

Термин *глобализация* широко используется для описания экономических и социально-политических изменений, которые затрачивают все мировое сообщество. В общественном сознании глобализация воспринимается как процесс формирования, а также утверждения целостности, интегральности мира. Как процесс и состояние она охватывает все сферы общества и субъективный мир человека, становясь фактором повседневности для каждой личности.

Многочисленные факторы глобализации можно свести к нескольким основаниям. Прежде всего, распространение во всемирном масштабе современных технологий производства и услуг, возникновение гомогенного технологического пространства, достижение высокой степени интеграции и корреляции всех хозяйственных процессов, включая материальное производство, финансы. Далее, возникновение единой глобальной высокоинтегрированной системы политических взаимодействий, влияний, системы сдерживания угроз и политического консенсуса. Глобальная политическая система оказывает влияние на исторический процесс, не уступая по мощи экономическим факторам. Следует указать на возникновение виртуального мира, порожденного стремительным развитием новейших информационных технологий, основу которого составляют глобальные информационные сети, объединенные Интернетом.

Глобальные изменения во многом вызваны урбанизацией. Урбанистическая жизнь города продуцирует особый род сознания, неизбежно привносимого условиями, в которых живут люди. Город с массой разнородных людей всегда был местом, где ослабевали традиции, возникали новые формы социальной жизни.

По мнению Э. Гидденса, какой бы сложной ни казалась регионализация классовых обществ, она всегда организуется вокруг отношений взаимной зависимости и антагонизма между городом и сельской местностью. Основу и источник глобализации составляет интернационализация, связанная с процессами, происходящими между нациями, которые генетически формируются во внутринациональной жизни, в ее недрах. Любая нация обладает огромным творческим потенциалом, создает ценности культурные, научные, технологические и т.п., становящиеся достоянием человечества. Выход всего ценного, социально значимого за рамки национальных границ предполагает, что другие народы примут их, включат в собственную жизнь как часть культуры, науки, техники, опыта, сами адаптируются к ним и их адаптируют к своей жизни. В процессе интернационализации происходит проверка социальной значимости созданных в жизни духовных, научных, материальных ценностей [1, с. 216].

В то же время глобализационные процессы являются причиной усиления дезорганизации современного миропорядка, они проявляются в национальных протестах, национализме, сепаратизме и этнических конфликтах в ряде государств. Исследуя причины обострения межэтнической напря-

женности и роста этнополитических конфликтов в последние десятилетия XXI столетия, Е. С. Садовая считает, что сегодня действительно отсутствуют политические силы или институты гражданского общества, способные предложить приемлемые для мирового сообщества пути выхода из складывающейся ситуации. Атомизированность социальной структуры мешает гражданам, объединяясь с целью улучшения ситуации в социальной сфере, выдвигать единые требования государству и бизнесу, складывает потенциал гражданского протеста [2, с. 43].

Ученый Роджерс Брубейкер, исследуя природу противоречий современного общества, указывает на невозможность игнорирования этнического фактора. В условиях, когда перестали действовать ставшие традиционными в XX столетии идеологические механизмы мобилизации широкого социального протеста, этнический ресурс такой мобилизации оказался весьма кстати. Произошло «фреймирование конфликта в этнических терминах» [3, с. 254]. Таким образом, неоспоримым фактором обуславливающим интеграционные и дезинтеграционные процессы в межэтническом взаимодействии в условиях глобализации является этническая идентичность.

Этническую идентичность можно рассматривать как часть социальной идентичности личности. Социальная идентификация и социальная дифференциация, если использовать категориальную сетку Тэшфела и Тернера, строятся на процессе категоризации «мы» и «они». Единый процесс дифференциации/идентификации приводит к формированию социальной идентичности, которая есть результат процесса сравнения «своей» группы с другими социальными объектами. Именно в поисках позитивной социальной идентичности индивид или группа стремятся самоопределяться, обособляться от других, утвердить свою автономию.

Этничность (этническая идентичность, этническое самосознание) является представлением человека о себе как о члене, связанном с принадлежностью к определенной этнической группе наряду с эмоциональным и ценностным значением, приписываемым этому членству.

В структуре этнической идентичности обычно выделяют три основных компонента.

1. Когнитивный компонент – это знания, представления об особенностях собственной группы и осознания себя ее членом. В моделях, предложенных разными исследователями, используются всевозможные термины для обозначения составных частей когнитивного компонента этнической идентичности: этнические ориентации, групповые концепции и т.п. Самыми важными следует признать этническую осведомленность, включающую объективные знания и субъективные социальные представления об этнических группах – своей и чужих, их истории и традициях, а также различиях между ними, и этническую самоидентификацию (использование этнического «ярлыка»-этнонима, основанное на восприятии себя принадлежащим к группе).

2. Аффективный компонент – оценка качеств собственной группы, значимость членства в ней. Отношение к собственной этнической общности проявляется в этнических аттитюдах. Позитивные аттитюды включают удовлетворенность членством в этнической общности, желание принадлежать ей, гордость за достижения своего народа. Наличие негативных аттитюдов к группе принадлежности включает отрицание собственной этнической идентичности, чувство униженности, предпочтение других групп в качестве референтных.

3. Поведенческий компонент – построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях. Вовлеченность в социальную жизнь и культурную практику этнической группы (использование языка, конфессиональная принадлежность, участие в социальных и политических организациях, поддержание культурных традиций) достаточно часто рассматривается в качестве индикатора этнической идентичности индивида. Однако до сих пор под вопросом остается наличие устойчивой связи между тем, кем себя человек считает и как он действует в реальной жизни, т.е. между этнической самоидентификацией и этнической вовлеченностью. Результаты многих эмпирических исследований показали независимость двух изменений – представлений о себе как о члене этнической группы и использования типичных для нее моделей поведения. В некоторых случаях связь между идентичностью и предпочтением некоторых видов этнической практики оказалась отрицательной: человек может идентифицироваться с этнической общностью, но не иметь никакого желания сохранять этнический язык или обычаи.

Актуализацию этнического самосознания в современном мире можно объяснить двумя моделями – «модель фильтра» и «модель буфера». В рамках «модели фильтра» возрастание роли этничности в настоящее время объясняется тем, что сложность современной информационной ситуации значительно опережает возможности людей адекватно реагировать на эту ситуацию, в результате чего возникает острая потребность в «информационных фильтрах», в частности, в обращении к этническим ценностям, представляющимся вечными и неизблемыми в бурном потоке времени.

Напротив, согласно другой модели, система этнокультурных представлений (верований, убеждений) в настоящее время рассматривается в качестве буфера или преграды на пути стрессов, защищает человека от травмирующего осознания неизбежности смерти, оптимизирует процессы, связанные с личностной самореализацией, задавая четкую систему ценностных и смысложизненных ориентиров.

В понимании этнической идентичности, ее сущности и функций в научной литературе, выделяются три основных подхода.

Представители примордиализма объясняют этничность как врожденную характеристику, лежащую в основе группового (этнического) сознания и поведения. Некоторые ортодоксальные последователи этого направления считают, что этничность имеет биологические корни, а групповая этническая

идентичность передается из поколения в поколение. Личность может вытеснять для себя знание или важность своей этнической идентичности, никогда не сможет отказаться от нее. Этническая идентичность всегда присутствует в самосознании как более или менее смутное ощущение тяги к элементам своей этнокультуры.

Представители инструментализма полагают, что этничность ситуативна, изменчива и зависит от структуры общества. Этническая идентичность является инструментом, позволяющим личности адаптироваться в социуме. Она строится на основе знания о своей этнической принадлежности, о положении этнических групп и содержании этнических представлений в социальном окружении индивида. Этническое самосознание с позиций инструментализма конструируется самой личностью и может быть изменено в соответствии с изменением социума или знаний личности о своей этнической принадлежности.

Конструктивисты считают, что этническая идентичность социально конструируется политическими элитами в борьбе за власть, т.е. это очень изменчивое, подверженное манипуляциям и зависимое от ситуации явление группового сознания, а никак не врожденное и передаваемое от поколения к поколению. Политические элиты в целях манипуляции общественным сознанием используют в ходе пропаганды образы этнической идентичности. Внедрение и актуализация образов этнической идентификации в самосознание масс позволяет активизировать их чувства и готовность действовать в определенном направлении, унифицировать самосознание.

Следует указать, что в полиэтническом обществе этническая идентичность может проявляться в нескольких типах.

1. Моноэтническая идентичность со своей этногруппой. Люди могут более или менее демонстративно поддерживать позитивную групповую идентичность со своей этногруппой. В зависимости от того, проявляют ли они предубеждения по отношению к представителям других этнических групп и уклоняются от тесного взаимодействия с ними или же нет, выделяются разные подтипы такой идентичности.

2. Моноэтническая идентичность с чужой этнической группой ведет к полной ассимиляции, т.е. принятию норм, обычаев, языка чужой группы, вплоть до полного растворения в ней.

3. Множественная идентичность (например, биэтническая) позволяет человеку использовать опыт одной группы для адаптации в другой, овладевать богатством еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной. Это особенно благотворно сказывается на личностном росте выходцев из межэтнического брака.

4. Маргинальная этническая принадлежность человек колеблется между двумя культурами, не овладевая ни одной из них. Такие люди, путаясь в идентичностях, часто испытывают внутриличностные конфликты. Они могут быть агрессивно настроенными националистами – в пользу своей или в пользу чужой группы, в зависимости от того, какая из них имеет более высокий статус в обществе.

Иными словами, при сравнении своей этнической группы с другими, люди чаще всего стремятся сохранить или восстановить позитивную групповую идентичность. У членов группы доминантного большинства обычно не возникает с этим особых трудностей. Однако, следует подчеркнуть, что в условиях современного миграционного кризиса, увеличения количества беженцев, несовершенства миграционных политик ряда государств этническое взаимодействие может приобретать окраску напряженности и конфликтности. Этническая идентичность трансформируется и может проявляться в различных типах, в основе которых лежит широкий диапазон шкалы этноцентризма, начиная от «отрицания» идентичности, когда фиксируется негативизм и нетерпимость по отношению к собственной этнической группе, и заканчивая национальным фанатизмом – апофеозом нетерпимости и высшей степенью негативизма по отношению к другим этническим группам:

1) этнонигилизм – одна из форм гиподентичности, представляющая собой отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию;

2) этническая индифферентность – размывание этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности;

3) норма (позитивная этническая идентичность) – сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. В полиэтническом обществе позитивная этническая идентичность имеет характер нормы и свойственна подавляющему большинству. Она задает такой оптимальный баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельности и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом мире. Усиление деструктивности в межэтнических отношениях обусловлено трансформациями этнического самосознания по типу гиперидентичности;

4) этноэгоизм – данный тип идентичности может выражаться в безобидной форме на вербальном уровне как результат восприятия через призму конструкта «мой народ», но может предполагать, например, напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за «чужой» счет;

5) этноизоляционизм – убежденность в превосходстве своего народа, признание необходимости «очищения» национальной культуры, негативное отношение к межэтническим брачным союзам, ксенофобия;

6) этнофанатизм – готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказа другим народам в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями, признание приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдание любых жертв в борьбе за благополучие своего народа.

Этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм представляют собой ступени гиперболизации этнической идентичности, означающей появление дискриминационных форм межэтнических отношений. Их можно объединить в понятие *национализм*. В межэтническом взаимодействии гиперидентичность проявляется в различных формах этнической нетерпимости: от раздражения, возникающего как реакция на присутствие членов других групп, до отстаивания политики ограничения их прав и возможностей, агрессивных и насильственных действий против другой группы и даже геноцида.

В контексте нашего исследования заслуживает внимания стадийная концепция процесса формирования этнокультурной идентичности. Она описывает этапы развития, которые проходит личность. Соответственно, социальные установки и поведение индивида понимаются не как фиксированные и изначально заданные принадлежностью к той или иной культуре, а как гибкие и пластичные, как функция определенного этапа формирования личностной идентичности.

Пятиступенчатую модель формирования этнокультурной идентичности, применимую не к какой-то одной, а к различным этнокультурным группам, разработали Д. Эткинсон, Дж. Мортен и Д. Сью. Ее оригинальное название – «модель формирования идентичности меньшинств». Модель интерпретирует формирование этнокультурной идентичности как непрерывный процесс, одна стадия которого плавно переходит в другую; между стадиями не существует строгих границ. Не все представители этнокультурных групп на протяжении своей жизни проходят через все пять стадий, большая часть людей проживают свои жизни, не сходя с первой стадии. Более того, с точки зрения авторов пятиступенчатой модели, процесс формирования этнокультурной идентичности не является необратимым: те представители этнокультурных групп, которые воспитывались родителями, находившимися на пятой стадии процесса формирования этнокультурной идентичности, при столкновении с ситуациями, в которых необходимо утверждать собственную идентичность, переходят с пятого на один из нижестоящих уровней.

С другой стороны, для того чтобы успешно функционировать на более высоких уровнях, совершенно не обязательно проходить через нижестоящие уровни. Некоторые люди, родившиеся и выросшие в семьях, функционировавших на пятом уровне, никогда не переходят на первый уровень самоидентификации. На первой стадии модели Д. Эткинсона, Дж. Мортена и Д. Сью представители этнокультурной группы однозначно предпочитают ценности и нормы доминантной культуры общества ценностям и нормам своей культуры. Выбор ролевых моделей, жизненных стилей, системы ценностей – все направлено на следование за доминантной группой [4].

Этнодифференцирующие физические и культурные отличия своей группы вытесняются из сознания. Отношение к себе, к членам своей группы и к другим этнокультурным группам «затемнено» самоидентификацией с доминантной культурой. На второй стадии – стадии диссонанса – отсутствует ориентация на

какую-либо культуру, одновременно ставятся под сомнение ценности и социальные установки, приобретенные на первой стадии – стадии конформности. На третьей стадии – стадии сопротивления и иммерсии – индивид полностью принимает представления, разделяемые своей группой, полностью отвергает доминантное общество и его культуру.

Важнейшим мотивом в поведении индивида становится желание избавиться от господства доминантной культуры. На четвертой стадии – стадии интроспекции – индивид переживает неудовлетворение «застреванием» своей группы на этапе сопротивления и иммерсии. Ведущим мотивом становится стремление к расширению индивидуальной автономности. На завершающей стадии синергетического присоединения разрешаются конфликты, характерные для стадии интроспекции, снимается связанный с этими конфликтами дискомфорт, в результате личность обретает большую степень самоконтроля и адаптивности.

Культурные ценности других этнических групп, в том числе доминантная культура общества, рассматриваются объективно и либо принимаются, либо отвергаются, исходя из того опыта, который был приобретен на более ранних этапах формирования этнокультурной идентичности. Пятиступенчатая модель, разработанная Д. Эткинсона, Дж. Мортена и Д. Сью, – это не всеобъемлющая теория личности, а скорее общая схема, предназначенная помочь в понимании установок и поведения людей принадлежащих к этнодифференцированным культурным группам, применительно к тому потенциалу изменения в восприятии собственно идентичности, которым обладает каждый человек [4].

Итак, этническая идентичность в условиях глобализации не всегда предполагает взаимодействие с группой, где индивид – «свой», а может ограничиться символическим присвоением этнодифференцирующих признаков. На основе социальных представлений о своей и чужих этнических группах формируется комплекс представлений, образующих систему этнодифференцирующих признаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидденс, Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации / Э. Гидденс ; пер. И. Тюрина. – М. : Академ. проект, 2003. – С. 525.
2. Садовая, Е. С. Социально-экономические факторы этнополитической конфликтности / Е. С. Садовая // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 41–53.
3. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер ; пер. с англ. И. Боровой. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2012. – 406 с.
4. Лопухова, О. Г. Психология этнического самосознания и межкультурного общения : учеб. пособие / О. Г. Лопухова. – Казань : Бриг, 2015. – 124 с.

Поступила в редакцию 25.03.2019

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XVII МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ «БЕЛАРУСЬ
І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ» У МДЛУ

6 красавіка 2018 г. у Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце кафедрай гісторыі, сусветнай культуры і турызму і аддзелам ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі праведзена XVII Міжнародная навуковая канферэнцыя «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць», прысвечаная 70-годдзю ўніверсітэта. У канферэнцыі прынялі ўдзел 35 гісторыкаў, у тым ліку даследчыкі з розных навуковых, вучэбных, архіўных і музейных устаноў Беларусі (Брэст, Мінск, Полацк), Германіі (Ляйпцыг, Мюнхен), Латвіі (Рыга), Польшчы (Гданьск) і Расіі (Арэнбург, Санкт-Пецярбург).

Адкрываючы канферэнцыю, прарэктар па навуковай працы ўніверсітэта сустаршыня оргкамітэта Л. А. Тарасевіч адзначыла, што гэта сустрэча праходзіць у адметны год у жыцці ўстановы адукацыі – 70-годдзе з дня ўтварэння Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута замежных моў. Дзякуючы мэтанакіраванасці кіраўніцтва ўніверсітэта, творчаму пошуку прафесарска-выкладчыцкага складу і актыўнай дзейнасці студэнцкай моладзі працоўнаму калектыву за гэтыя гады ўдавалася паспяхова вырашаць шматлікія задачы па гуманітарнай, прафесійнай і маральнай падрыхтоўцы выпускнікоў Мінскага інязу. Пры вывучэнні праграмы канферэнцыі бачна: юбілейная тэматыка адлюстравана ў адным з дакладаў, які прысвечаны ваеннай біяграфіі мінскіх інязцаў. Прыемна нагадаць удзельнікам канферэнцыі, што чарговая канферэнцыя праводзіцца ў рамках выканання Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя). Кафедра гісторыі, сусветнай культуры і турызму МДЛУ (навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт С. Я. Новікаў) забяспечвае выкананне задання «Сацыяльна-эканамічныя і грамадскія змены на акупаванай тэрыторыі ў адлюстраванні дакументальнай калекцыі Генеральнага камісарыяту “Беларусь”. 1941–1944 гг.».

На заканчэнне прарэктар універсітэта выказала ў адрас удзельнікаў канферэнцыі пажаданні творчых поспехаў і спадзяванні на тое, што ў ходзе сустрэчы гісторыкі зробіць важны крок у напрамку далейшага ўзбагачэння гістарычнай навукі новымі знаходкамі, цікавымі не толькі для шырокай навуковай грамадскасці, але і для студэнцтва лінгвістычнай установы адукацыі.

Праца канферэнцыі ладзілася ў фармаце пленарных пасяджэнняў, абагульніўшых навуковыя даклады і паведамленні ў рамках трох праблемных палёў: 1) Людзі – Падзеі – Факты: новыя дакументальныя крыніцы і даследчыцкія падыходы; 2) Вялікая Айчынная вайна: новыя пошукі і знаходкі; 3) Беларусь і Германія ў гістарычнай прасторы: мінулае і сучаснасць.

На пленарных пасяджэннях, якія праходзілі ў Цэнтры беларускай мовы і культуры, вяліся плённыя дыскусіі, адбылася тэматычная размова з удзелам прафесіяналаў і пачынаючых даследчыкаў, якія апантана займаюцца вывучэннем ваеннай гісторыі Беларусі. Кожнае з пленарных пасяджэнняў уяўляла сабой самастойную міні-канферэнцыю, у цэнтры якой знаходзілася актуальная гістарычная праблематыка.

У ходзе першага пасяджэння «Людзі – Падзеі – Факты: новыя дакументальныя крыніцы і даследчыцкія падыходы» былі заслуханы навуковыя даклады айчынных і замежных даследчыкаў, у тым ліку: С. Я. Новікава (Мінск), Ю. З. Кантар (Санкт-Пецярбург), Г. Берэндта (Гданьск), К. Зэліса (Рыга), К. Ганцара (Ляйпцыг), а таксама Ю. фон Зааль (Мюнхен), У. К. Коршука (Мінск), І. А. Карпенка (Санкт-Пецярбург) і Р. Р. Хісамутдзінавай (Арэнбург).

Прадстаўленыя навуковыя матэрыялы і іх абмеркаванне яшчэ раз пераканалі ўдзельнікаў у тым, што па цяперашні час даследчыкі актыўна выяўляюць новыя дакументальныя крыніцы і працуюць з імі, яны адразу ж уключаюцца ў навуковы дыкурс. Напрыклад, С. Я. Новікаў упершыню ўвёў у навуковы зварот малавядомыя архіўныя матэрыялы, прысвечаныя былым выкладчыкам і студэнтам Мінскага іняза, тым, хто ў гады Вялікай Айчыннай вайны на розных франтах ўдзельнічаў у баявых дзеяннях Чырвонай арміі, знаходзіўся ў радах партызанскага супраціву ў Беларусі, вызваляў яе ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў, пасля чаго навучаўся або працаваў у інстытуце замежных моў. Ю. З. Кантар звярнулася да раней невядомых фактаў аб вяртанні расійскіх мастацкіх каштоўнасцяў з розных фондаў і калекцый сучаснай Германіі, дзе яшчэ часам знаходзяцца малавядомыя шэдэўры з Эрмітажа і іншых музеяў Расіі, адкуль яны былі вывезены ў гады вайны. Навуковы дырэктар Музея гісторыі Другой сусветнай вайны, нядаўна адкрытага ў Гданьску, прафесар Г. Берэндт спыніўся на польскіх даследаваннях, якія звязаны з гісторыяй Халакосту на тэрыторыі Пінскай вобласці акупаванай Беларусі 1942–1943 гг., аднак на шырокай базе розных крыніц актыўна распрацоўваецца ў Польшчы ў апошнія гады. Аб узроўні і асаблівасцях навуковай інтэрпрэтацыі гістарычных фактаў у найноўшых гістарыяграфічных выданнях у Латвіі ўдзельнікам канферэнцыі распавёў К. Зеліс. Савецкае развіццё наратыву аб «гераічнай абароне» Брэсцкай крэпасці ў другой палове 1940-х і пачатку 1950-х гадоў пераканаўча прааналізаваў К. Ганцар.

Сярод паведамленняў першага пасяджэння выклікалі асаблівы інтарэс наступныя тэмы дакладаў: навуковага супрацоўніка Інстытута найноўшай гісторыі ў Мюнхене доктара Ю. фон Зааль «Дзіцячыя вёскі» (1944) у памяці Беларусі і ў германскіх крыніцах», Заслужанага работніка адукацыі Рэспублікі Беларусь, прафесара У. К. Коршука «Да пытання аб уплыве нацысцкай ідэалогіі на нямецкае грамадства 1930–1940-х гадоў» (БДУ), вучонага сакратара Дзяржаўнага музея гісторыі Санкт-Пецярбургу кандыдата гістарычных навук І. А. Карпенка «Дзённік Тані Савічавай. Гісторыя і міфы», прафесара Арэнбургскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта Р. Р. Хісамутдзінавай «Франтавыя будні ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны ў крыніцах асабістага паходжання».

На другім пленарным пасяджэнні прагучалі даклады У. В. Здановіча (Брэст), Э. Р. Іофе (Мінск), М. В. Стральца (Брэст), А. В. Шаркова (Мінск).

Прафесар БДУ імя А. С. Пушкіна У. В. Здановіч звярнуўся да аналізу сучаснага вывучэння гісторыі Беларусі часоў Вялікай Айчыннай вайны, акцэнтуючы ўвагу аўдыторыі на агульных тэндэнцыях і адметных навуковых падыходах у даследаванні асобных пытанняў ваеннай гісторыі Беларусі 1941–1945 гг. Прафесар БДПУ імя М. Танка Э. Р. Іофе на аснове выкарыстання гістарыяграфічных фактаў паказвае тое, як ўдзельнічалі яўрэі СССР у Сталінградскай бітве. Прафесар БрДТУ М. В. Стралец прадставіў вынікі даследавання ваеннага лёсу вядомага савецкага ваеначальніка Л. А. Говарава, які камандаваў аперацыяй па ажыццяўленні войскамі Чырвонай арміі прарыву блакады Ленінграда ў студзені 1943 г. Прафесар Акадэміі Міністэрства ўнутраных спраў А. В. Шаркоў паведаміў пра малавядомыя старонкі гісторыі палону румынскіх салдат і афіцэраў, якія былі захоплены ў палон на беларускай зямлі ў ходзе адступлення вермахта і потым адбывалі пакаранні ў БССР да канца 1940-х гадоў.

У паведамленнях, заслуханых на другім пленарным пасяджэнні, звярталася ўвага на новыя дакументальныя знаходкі, гістарыяграфічныя факты і даследчыцкія ацэнкі, ў тым ліку па малавядомых старонках гісторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. У ходзе пасяджэння прагучалі паведамленні, якія закраналі наступную тэматыку: «Вайна і дзеці: выхаванцы Іванаўскага інтэрнацыянальнага дзіцячага дома на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944)» (І. Ю. Варанкова), «Графэйныя дакументы як крыніца па вывучэнні лакальнай гісторыі перыяду нацысцкай акупацыі Беларусі» (Я. А. Грэбень), «Культура памяці Трасцянца» (А. Я. Далгоўскі), «Партызанская авіяцыя» (Д. І. Кіенка), «Узбуйненне брацкіх могілак і праблема ўвекавечання імёнаў загінуўшых салдат Чырвонай арміі (на прыкладзе Камойскага сельсавета Пастаўскага раёна)» (А. І. Корсак), «Узаемадзеянне партызан Беларусі і Літвы ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1944)» (А. А. Крыварот), «Месца масавых расстрэлаў і пахаванняў на тэрыторыі БССР (1940–1941)» (І. М. Кузняцоў), «Дзейнасць нямецкіх разведвальна-дыверсійных школ і курсаў на тэрыторыі СССР у гады Вялікай Айчыннай вайны: колькасныя і рэгіянальныя характарыстыкі» (С. В. Кулінок), «Савецкі Саюз і германскае пытанне у перыяд карэннага пералому ў Вялікай Айчыннай вайне» (І. А. Літвіноўскі, Ю. І. Літвіноўская), «Ворагі дзвюх дыктатур. Тулеган Целешаў – дзве гісторыі аднаго партызана» (Д. Панцё), «Фінансавыя аспекты выкарыстання мясцовай працоўнай сілы ва ўстановах і на прадпрыемствах Беларусі ў перыяд акупацыі (1941–1944) паводле калекцыі дакументаў Генеральнай акругі Беларусь» (А. Г. Цымбал), «Школьная адукацыя на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны» (Г. С. Хадасевіч).

У час правядзення трэцяга пленарнага пасяджэння былі заслуханы даклады і паведамленні, у якіх аўтары звярталіся да такога важнага аспекта гісторыі, як беларуска-нямецкія узаемадачыненні ў гістарычнай і культурнай

прасторах. Доктар мастацтвазнаўства, прафесар кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму А. М. Кушнярэвіч адкрываў пасяджэнне дакладам на тэму «Гродзенскія замкі ў творчым лёсе нямецкіх архітэктараў». Аб нямецкай школьнай справе на тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны паведамлілі дацэнт Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь В. П. Дзмітрыева і дацэнт БДПУ імя М. Танка У. У. Куніцкі. Дацэнт БДУ В. В. Брыгадзіна звярнула ўвагу аўдыторыі на наступствы ідэалагічных кампаній па барацьбе з іншадумствам, «касмапалітамі і іншымі антысавецкімі элементамі» ў СССР цягам пасляваенных гадоў.

Даследчыкі Л. А. Осіпава, І. А. Саракавік, М. М. Смальянінаў, А. Г. Трубчык, А. Г. Цымбал і М. Б. Шчаўлінскі прадставілі тэмы, прысвечаныя, адпаведна: удзелу моладзі ў аднаўленні Мінска ў пасляваенны перыяд, супрацоўніцтву вышэйшых школ Беларусі і ГДР у 1970–1980-я гады, выхаду Расіі з Першай сусветнай вайны і пачатку замежнай інтэрвенцыі, беларускай школе ва ўмовах ваенна-палітычных канфліктаў (1914–1921), нацыянальнай структуры насельніцтва Заходняй Беларусі (1921–1939), трагічным старонкам Нарачанскай наступальнай аперацыі рускіх войскаў у сакавіку 1916 г.

Завяршылася канферэнцыя прэзентацыяй трох новых навуковых выданняў. Першым з іх стала калектыўная праца беларускіх і расійскіх даследчыкаў у рамках праекта «Страна в огне», які выкананы ў трох тамах і шасці кнігах. Быў прадстаўлены другі том – «Коренной перелом. 1942–1943 : в 2 кн. Кн. 1. Очерки» і «Коренной перелом. 1942–1943 : в 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы». Іх прадставіў адзін з сааўтараў – загадчык кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму МДЛУ С. Я. Новікаў. Падчас прэзентацыі было адзначана, што з беларускага боку выканаўцамі праекта з’яўляліся вядучыя навукоўцы Інстытута гісторыі НАН Беларусі, у тым ліку член-карэспандэнт НАН Беларусі, акадэмік-сакратар Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў А. А. Каваленя, дырэктар Інстытута гісторыі В. В. Даніловіч, загадчык аддзела ваеннай гісторыі Беларусі А. М. Літвін, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела А. А. Крыварот і старшыя навуковыя супрацоўнікі аддзела Я. П. Бязлепкін, І. Ю. Варанкова, А. У. Кузняцова-Ціманава. Другое выданне – «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1943 г.: документы и материалы» прадставіў загадчык аддзела інфармацыі і навуковага выкарыстання дакументаў Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі кандыдат гістарычных навук С. В. Кулінок. Трэцяе выданне – «Павлов В. П. Дети лихолетья: документальные очерки и повести» – прэзентавалі выкладчыкі БДУ – прафесар І. Ф. Раманоўскі і дацэнт А. І. Котаў.

У заключэнні былі падведзены вынікі канферэнцыі, удзельнікі якой адзначылі, што міжнароднае навуковае супрацоўніцтва з’яўляецца адметнай прыкметай сустрэч у МДЛУ. Добрай традыцыяй стала таксама рэгулярнае выданне матэрыялаў міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць».

Сяргей Новікаў,
сустаршыня аргкамітэта канферэнцыі
кандыдат гістарычных навук

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

С. Я. Новікаў

КАМСАМОЛЬСКАЯ МОЛАДЗЬ ІНСТЫТУТА
Ў КАНТЭКСЦЕ ГІСТОРЫІ МІНСКАГА ІНЯЗА

В статье автор продолжает исследование истории МГПИИЯ на этот раз на примере деятельности одной из общественных организаций молодежи и ее руководящего органа – комитета комсомола Минского иняза. Становление, развитие и функционирование этого структурного подразделения шло в русле основных тенденций, характерных для развития лингвистического ВУЗа советского периода, окончание которого в истории советской страны привело к логической ликвидации структуры молодежной организации в институте. Благодаря целеустремленности институтского руководства, творческому поиску лично секретарей комсомольской организации и их помощников на факультетском уровне коллектив студенческой молодежи с неиссякаемой энергией участвовал в самых различных начинаниях, что успешно продолжают их нынешние наследники молодежной организации БРСМ в МГЛУ.

Урачыстасці, прысвечаныя 70-годдзю Мінскага іняза і праведзеныя ў МДЛУ восенню 2018 г., фактычна супалі па часе са стогадовым юбілеем Ленінскага камсамола, які на дзяржаўным узроўні адзначалі ў нашай краіне [1]. Не засталася непрыкметнай гэта падзея і для маладзёжнай арганізацыі ўніверсітэта, дзе з удзелам прадстаўнікоў кіраўніцтва гарадской і раённай адміністрацыі, рэктарата і ветэранаў камсамольскага руху адбылося святочнае мерапрыемства, прысвечанае «100-летию ВЛКСМ» [2]. Падчас гэтых знакавых падзей гучала шмат слоў пра неабходнасць захавання сувязі пакаленняў, памнажэння традыцый і працягу эстафеты актыўнага ўдзелу цяперашняга студэнцтва ў справах адукацыі і выхавання.

Даследаванне гісторыі Мінскага іняза вылучае на першае месца даволі актуальную задачу па напісанні хоць бы кароткага нарыса гэтай маладзёжнай грамадскай арганізацыі, праз школу якой у савецкі час прайшлі тысячы камсамольцаў інстытута. Такая задача аўтару гэтых радкоў бачыцца надзвычай надзённай, паколькі сёння гісторыя камсамола інстытута не знайшла яшчэ свайго ўсебаковага адлюстравання [3; 4; 5; 6; 7]. У той жа час адной са слаўных старонак гісторыі Мінскага іняза з'яўляецца актыўны ўдзел менавіта студэнцкай моладзі ў жыцці інстытута, горада і краіны, яе здаровае імкненне рабіць добрыя справы, вылучацца ініцыятывай.

З дакументальных крыніц вынікае, што праз паўтара месяца пасля адкрыцця Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута замежных моў адбылося першае пасяджэнне камітэта камсамола. На ім па прапанове сакратара партыйнай арганізацыі А. А. Лізурчыка і дырэктара інстытута М. Ф. Жаўрыда быў абраны першы сакратар маладзёжнай арганізацыі, а таксама сфарміраваны камітэт, у які ўвайшлі 7 чалавек на чале з сакратаром – Чага Людмілай Аляксандраўнай [8, арк. 5]. Гэта колькасць складала толькі

палову ад той, якой яна стала роўна праз 20 гадоў. У пачатку снежня 1968 г. у склад камітэта камсамола інстытута на чале з А. Кірпічовай былі ўключаны 15 чалавек: гэта 2 намеснікі сакратара па арганізацыйнай (В. Чэркас) і ідэалагічнай працы (А. Бурак), астатнія ж адказвалі за працу культмасавага, бытавога, працоўнага, акадэмічнага, ідэалагічнага сектараў, сектара спорту і турызму, а таксама сектара ўліку [9, арк. 22]. Колькасны склад камсамольскай арганізацыі павялічыўся з 350 камсамольцаў у 1948/49 да 3 857 у 1972/73 навучальным годзе, з якіх выкананнем пастаянных грамадскіх даручэнняў былі занятыя 3 117 студэнтаў. Камсамольскія актыў складалі 1 010 студэнтаў інстытута [10, арк. 9; 11, арк. 25]. У 1976/77 навучальным годзе агульная колькасць студэнтаў, якія навучаліся на стацыянары, складала 3 663 чалавекі, сярод якіх усе былі камсамольцамі [12, арк. 1]. У пачатку 1981/82 навучальнага года ў структуру камсамольскай арганізацыі інстытута ўваходзілі 5 факультэцкіх і 2 выкладчыцкія першасныя камсамольскія арганізацыі, у тым ліку 1 097 студэнтаў на факультэце англійскай мовы, 496 – на факультэце французскай мовы, 449 – на факультэце нямецкай мовы, 267 – на факультэце іспанскай мовы і 307 камсамольцаў – на перакладчыцкім факультэце, а таксама 98 камсамольцаў з падрыхтоўчага аддзялення і першаснай камсамольскай арганізацыі выкладчыкаў і супрацоўнікаў [13, арк. 21].

Першы план работы камсамольскай арганізацыі быў зацверджаны ў канцы кастрычніка 1948 г. і замацоўваў асноўныя мерапрыемствы, якія павінны былі правесці ў інстытуце студэнты на працягу лістапада. Цікава даведацца, чым жа жыла тагачасная камсамольская моладзь, што стаяла ў цэнтры яе ўвагі ў першыя месяцы існавання самастойнай лінгвістычнай ВНУ, на што быў скіраваны маладзёжны запал. Першым мерапрыемствам, праведзеным напярэдадні 7 лістапада 1948 г., стаў вечар, прысвечаны 31-й гадавіне Кастрычніцкай рэвалюцыі. Да гэтай жа даты планавалася выпуск факультэцкіх насценных газет, у тым ліку інстытуцкай газеты «Лінгвіст». Наступнае мерапрыемства, запланаванае на 11 лістапада, – стварэнне лектарскай групы інстытута ў складзе 15 чалавек. Літаральна праз дзень камсамольцы разглядалі пытанні аб арганізацыі прадметных і моўных гурткоў для студэнтаў, у тым ліку для больш паглыбленага вывучэння беларускай, англійскай, французскай і нямецкай моў. Наступная важная справа, якую планавалася правесці 13 лістапада, звязана з вылучэннем і зацвярджэннем на пасяджэнні камітэта камсамола 11 піянерважатах для работы ў падшэфнай школе № 6 горада Мінска. У сярэдзіне месяца планавалася правядзенне агульнаінстытуцкага закрытага камсамольскага сходу з разглядам пытанняў аб Пастанове XVII пленума УЛКСМ, давыбарах камітэта і зацвярджэнні кандыдатаў на абласную камсамольскую канферэнцыю. Апроч таго, планам прадугледжвалася правядзенне семінараў для групоргаў па пытаннях абмену іх першым вопытам работы, колькаснага росту шэрагаў камсамольцаў у інстытуце, а таксама абмеркаванне пытанняў ў раздзеле «Рознае». Цягам трэцяй дэкады планавалася склікаць студэнтаў для заслухоўвання даклада на тэму «Аб міжнародным становішчы». На канец

месяца быў запланаваны культпаход у кінатэатр для прагляду фільма «Повесть о настоящем человеке» з яго наступным абмеркаваннем на сходах у групах. Пасяджэнне камітэта маладзёжнай арганізацыі інстытута планава-лася праводзіць штотыднёва па аўторках [14, арк. 17].

Такім чынам, з моманту ўтварэння Мінскага іняза распачалася гісторыя маладзёжнай камсамольскай арганізацыі, якая праіснавала да канца савецкай эпохі. На сёння аўтарам гэтых радкоў выяўлены шматлікія дакументальныя матэрыялы, якія дазваляюць узнавіць ход асноўных падзей [15].

Цягам чатырох дзесяцігоддзяў на чале камсамольскай арганізацыі Мінскага іняза стаялі сакратары. На жаль, у дакументах камітэта камсамола першых гадоў яго дзейнасці намі не выяўлены імёны ўсіх кіраўнікоў, таму давлялося іх аднаўляць па ўскосных матэрыялах партыйнай арганізацыі МДПЗМ 1950-х – першай паловы 1960-х гадоў. Выяўленыя прозвішчы мы згадваем у храналагічнай парадку: Л. Чага, (?) Буковіч, В. Кунін, Л. Старыкава, З. Пятрухіна, М. Абразцова, Н. Ганчарова, М. Зайцава, М. Лешчанка, (?) Карачоў, Ж. Пушкарчук, В. Жукаў, М. Сталяроў, М. Бондар, В. Васілевіч, М. Абразцова, А. Мешчаракоў, З. Калантай, Г. Рудак, С. Рачкоў, В. Новікаў [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37]. Нельга забываць, што яны стаялі на чале камітэта камсамола, у склад якога ўваходзілі іх намеснікі, прадстаўнікі камсамольскіх бюро факультэтаў і студэнцкіх груп, хто на справе адказваў за правядзенне арганізацыйнай, ідэалагічнай выхаваўчай работы са студэнтамі. Гэтыя людзі ўзначальвалі інстытуцкую камсамольскую арганізацыю і яе структурныя падраздзяленні, а таксама на справе з’яўляліся сапраўднымі лідарамі камсамольскай моладзі, актывістамі, выдатнікамі. Яны вялі за сабой іншых, арганізоўвалі і праводзілі самыя розныя мерапрыемствы, выязджалі ў студэнцкія будаўнічыя атрады, працавалі на новабудоўлях вялікай савецкай краіны, у дзіцячых аздараўленчых лагерах, на аб’ектах сельскай гаспадаркі, абслугоўвання і вытворчасці. У дакументальных крыніцах мы знаходзім шмат імёнаў, безліч добрых спраў, мерапрыемстваў, дасягненняў і г.д. Але толькі на некаторых з іх мы можам спыніцца ў кароткім нарысе аб дзейнасці камсамольскай моладзі Мінскага іняза. У той жа час варта заўважыць, што паколькі вялікі атрад інстытуцкай моладзі пакінуў столькі спраў у гісторыі інстытута, то пажадана б пра іх напісаць цэлую кнігу, уключыць у летапіс гісторыі канкрэтныя імёны інязаўцаў.

Вось толькі некаторыя старонкі з кароткага нарыса пра інстытуцкі камсамол. Удзел у дзейнасці камсамольскай арганізацыі азначаў далучэнне да грамадскага жыцця студэнта на ўзроўні вучэбнай групы, курса, факультэта і інстытута. На ўсіх згаданых узроўнях моладзь рэгулярна ўдзельнічала ў правядзенні камсамольскіх сходаў, праз якія магла ўплываць на вырашэнне самых розных пытанняў студэнцкага жыцця як цягам акадэмічных заняткаў, так і па-за імі, у тым ліку ў студэнцкіх інтэрнатах, школах, піянерскіх лагерах, падчас праходжання вучэбнай практыкі і г.д. Такая форма ўдзелу

ў грамадскім жыцці дазваляла студэнтам праявіць свае лепшыя якасці, адчуць пачуццё адказнасці, навучыцца ўзаемадзейнічаць з рознымі людзьмі дзеля вырашэння важных задач.

Не заставалася камсамольская моладзь у баку ад вырашэння бягучых і стратэгічных пытанняў акадэмічнага характару, удзелу ў ідэалагічнай і выхаваўчай рабоце, у навуковай дзейнасці, падрыхтоўцы творчых работ для розных конкурсаў, у тым ліку рэспубліканскіх і ўсесаюзных. Так, у 1969 г. камсамольскі актывіст, студэнт факультэта іспанскай мовы М. Лыцін, на III Усесаюзным конкурсе студэнцкіх работ па грамадскіх навук, прысвечаным 100-годдзю з дня нараджэння У. І. Леніна, атрымаў першую прэмію і залаты медаль за навуковую работу па палітычнай эканоміі [3, с. 29]. Камсамольская моладзь прымала актыўны ўдзел у навукова-даследчай працы. У 1972/73 навучальным годзе 2 100 студэнтаў шчыравалі на гэтай ніве; у 74 гуртках пры кафедрах займаліся 1 673 студэнты, на рэспубліканскі конкурс прадставілі 137 работ [11, арк. 24].

У сярэдзіне 1980-х гадоў практычна ўсе студэнты інстытута былі ахоплены навукова-практычнай дзейнасцю, пры гэтым 795 былі занятыя ў распрацоўцы дзяржбюджэтных і гаспадарча-дагаварных тэм. Па выніках рэспубліканскага конкурсу 1986 г. 6 студэнтаў інстытута былі ўзнагароджаны дыпламамі Міністэрства вышэйшай адукацыі і грашовымі прэміямі, 32 студэнцкія работы адзначаны дыпламамі і 36 работ накіраваны на Усесаюзны конкурс студэнцкіх навуковых прац [38, арк. 44].

У плане работы партыйнай арганізацыі з камсамольскай моладдзю адзначаны мерапрыемствы, скіраваныя на героіка-патрыятычнае і інтэрнацыянальнае выхаванне, фарміраванне навуковага светапогляду студэнтаў, выхаванне камуністычных адносін да працы і прафесійнай падрыхтоўкі студэнтаў, фарміравання камуністычнай маралі, эстэтычнай і фізічнай культуры, набыцця ведаў і атрымання практычных навыкаў ў вобласці вядзення грамадска-палітычнай працы. Выхаваўчая работа ў інстытуце вызначалася шматлікасцю форм. Для студэнтаў дзейнічалі клубы інтэрнацыянальнай дружбы, універсітэт культуры і прававых ведаў, клуб выхаднога дня, праводзіліся цыклы лекцый, вечарыны, бяседы за круглым сталом, вусныя журналы і завочныя вандроўкі, сустрэчы з цікавымі людзьмі, заслужанымі настаўнікамі, выпускнікамі інстытута, арганізоўваліся экскурсіі за межы рэспублікі, турыстычныя паходы, эстафеты, дні паэзіі [3, с. 30].

Асаблівую актыўнасць праяўлялі камсамольцы інстытута ў прафесійнай падрыхтоўцы да сваёй будучай дзейнасці ў якасці настаўніка. Па ініцыятыве моладзі быў створаны клуб «Сэрца аддаю дзецям». Удзельнікі клуба працавалі атраднымі важатымі ў школах, педагагічных атрадах пры домакіраўніцтвах і пры пакоях міліцыі. Клуб рэгулярна арганізоўваў канферэнцыі па педагагічнай праблематыцы, дыспуты, абмеркаванні кінафільмаў, сустрэчы з настаўнікамі, экскурсіі ў лепшыя школы рэспублікі [Там жа, с. 31–32]. Асобна трэба прыгадаць аб шэфскай дапамозе, якую аказвалі студэнцкія педагагічныя атрады ў горадзе і на сяле. Напрыклад, толькі

ў 1978 г. чатыры педагагічныя атрады (92 чалавекі) актыўна працавалі ў Гарадзішчанскай, Заслаўскай, Ждановіцкай, Ратамскай школах, студэнты-ініязаўцы перадалі ў школьныя бібліятэкі сотні кніг на замежных мовах. З улікам тых студэнтаў, хто вёў шэфскую работу ў школах горада, у першую чаргу ў Партызанскім раёне, агульная колькасць студэнцкіх педагагічных атрадаў складала 602 чалавекі. Многія студэнты з'яўляліся важатымі піянерскіх і камсамольскіх гурткоў, праводзілі са школьнікамі бяседы, віктарыны, арганізоўвалі ранішнікі, дыспуты, зборы, палітінфармацыі, выступалі з канцэртамі, выпускалі насценныя газеты, прымалі ўдзел ў рабоце клубах інтэрнацыянальнага сяброўства, афармлялі альбомы, дапамагалі праводзіць тэматычныя камсамольскія сходы і інш. [39, арк. 209].

Адным з важных напрамкаў дзейнасці камсамольскай моладзі інстытута ў савецкі час стала грамадска-патрыятычнае выхаванне студэнтаў. Як адзначалася ў справаздачы камітэта камсамола аб ваенна-патрыятычным выхаванні моладзі, напярэдадні 30-х угодкаў святкавання Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне, кожны камсамолец, кожны студэнт быў ахоплены той ці іншай формай гэтай работы, якая праводзілася як у маштабе інстытута, так і на ўзроўні студэнцкіх груп. Галоўным каардынатарам такой работы стаў героіка-патрыятычны студэнцкі клуб «Радзіма» пад кіраўніцтвам дэкана факультэта іспанскай мовы Я. А. Маслыкі. Камсамольская моладзь факультэта разам з дэканам выступіла з ідэяй стварэння мемарыяльнага знака ў вёсцы Гатава Мінскага раёна дзеля ўшанавання памяці 350 імёнаў воінаў і партызан, якія загінулі пры вызваленні горада ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў летам 1944 г. Каб зарабіць на гэта сродкі, студэнтамі інстытута было праведзена 47 суботнікаў і нядзельнікаў. Разам з моладдзю інстытута ў пошукавай справе і падрыхтоўцы мемарыяльнага знака ўдзельнічалі камсамольцы завода Кастрычніцкай рэвалюцыі ў Мінску, «Вторчермета» і навучэнцы Навадворскай сярэдняй школы. Перад афіцыйным адкрыццём мемарыяльнага знака было праведзена перазахаванне рэшткаў загінуўшых. Урачыстае мерапрыемства адбылося 8 мая 1975 г. напярэдадні 30-годдзя Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне. Побач з 12-метровай стэлай быў высаджаны парк з 3 000 дрэваў. Гэта месца і сёння з'яўляецца знакавым. Стала добрай традыцыяй кожны год у дзень Перамогі ладзіць сустрэчу студэнтаў інстытута, рабочых завода Кастрычніцкай рэвалюцыі і навучэнцаў Навадворскай СШ [12, арк. 3–4].

Самай маштабнай справай, у якой актыўна ўдзельнічалі прадстаўнікі камсамольскай моладзі інстытута, можна з упэўненасцю назваць студэнцкі будаўнічы рух ці ўдзел моладзі ў трэцім працоўным семестры. У 1958 г. са студэнтаў трох факультэтаў інстытута быў сфарміраваны першы цалінны атрад [40, с. 12], эстафету якога моладзь інстытута працягвала тры наступныя дзесяцігоддзі. Калі ў 1970 г. у трэцім семестры ўдзельнічалі 9 будаўнічых атрадаў, дык праз 3 гады іх колькасць павялічылася да 12 (481 студэнт інстытута), а яшчэ праз 2 гады ў трэцім працоўным семестры ўзялі ўдзел

больш за паўтысячы камсамольцаў іняза. Гэта быў рэкордны год у асваенні капіталаўкладанняў – студэнты інстытута рапартавалі аб асваенні 1 млн 28 тысяч рублёў, байцы студэнцкіх атрадаў далі 120 канцэртаў, прачыталі 68 лекцый, тым самым умацоўвалі эканамічную моц савецкай краіны, працай выхоўваючы маладое пакаленне [41, с. 24]. Не менш важным было і тое, што без удзелу студэнцкай моладзі не абыходзілася ўзвядзенне новых вучэбных карпусоў інстытута і інтэрнатаў, добраўпарадкаванне жылых дамоў у новых мікрараёнах Мінска. Апрача вытворчай дзейнасці студэнты бясплатна аказвалі дапамогу школам і дзіцячым садкам, займаліся добраўпарадкаваннем помнікаў на воінскіх пахаваннях, выконвалі шэфства над ветэранамі Вялікай Айчыннай вайны і людзьмі сталага ўзросту. Як вынікае з архіўных дакументаў, сярэдзіна і другая палова 1970-х гадоў – гэта час, калі ў інстытуце штогод фарміравалася 15 студэнцкіх будаўнічых атрадаў, якія працавалі на тэрыторыі вялікай савецкай краіны – у Якуціі, Уральскай вобласці, Комі АССР, Карэліі, Казахстане, Малдавіі, Крыме, а таксама на шматлікіх аб'ектах народнай гаспадаркі БССР. Так, сярод 15 атрадаў, сфарміраваных у 1978 г., 8 працавалі за межамі Беларусі (Карэлія, Пскоўская вобласць, Малдаўская ССР), 7 – у БССР. У пераліку назваў атрадаў, сфарміраваных у тыя гады ў Мінскім інязе, былі наступныя: «Алеся», «Альтаір», «Аўрора», «Будаўнік», «Іскра», «Лінгвіст», «Мерыдыян», «Прамень», «Радзімічы», «Рубікон», «Славуціч», «Спадчына», «Ударнік», «Факел», «Юбілейны» [42, арк. 172]. У сярэдзіне 1980-х гадоў колькасць атрадаў зменшылася да 9, колькасць удзельнікаў студэнцкіх будаўнічых атрадаў вагалася ў раёне 270 студэнтаў, месцамі дыслакацыі 7 атрадаў сталі аб'екты народнай гаспадаркі Мінскай і Віцебскай абласцей БССР, толькі два атрады працавалі ў Карэльскай і Малдаўскай ССР [43, арк. 23].

Асобным радком у гісторыі дзейнасці камсамольскай моладзі інстытута неабходна напісаць пра ўдзел студэнтаў у дапамозе калгасам і саўгасам рэспублікі падчас правядзення восеньскіх сельскагаспадарчых работ. У гэтым выпадку колькасць удзельнікаў, у параўнанні з будаўнічымі атрадамі, узрасла амаль удвая. Напрыклад, восенню 1982 г. 1 115 студэнтаў былі накіраваны на сельгасработы, з якіх 460 студэнтаў 1 курса, 298 – 2, 20 – 3, 301 – 4 і 36 студэнтаў выпускнога 5 курса, 705 з іх былі дзяўчаты-студэнткі [44, арк. 19].

На рубяжы 1970–80 гадоў асаблівыя намаганні камсамольская моладзь інстытута пачала скіроўваць на інтэрнацыянальную работу са студэнтамі розных краін і кантынентаў, якая стала ў парадак дня камітэта камсамола пасля адкрыцця ў 1979 г. падрыхтоўчага факультэта для замежных грамадзян. Дзеля больш актыўнага выхавання духу сяброўства ў замежнай моладзі, пралетарскага інтэрнацыяналізму, актывізацыі супрацоўніцтва з прадстаўнікамі іншых краін свету быў створаны Клуб інтэрнацыянальнага сяброўства інстытута. Пад яго кіраўніцтвам праводзілі мэтанакіраваную работу гурткі інтэрнацыянальнага сяброўства на факультэтах англійскай, французскай,

нямецкай і іспанскай моў: рэгулярна адбываліся бяседы пра У. І. Леніна, тэматычныя сустрэчы з замежнымі студэнтамі, у тым ліку чыталіся лекцыі па гісторыі БССР, камсамола, Савецкай арміі, савецкай касманаўтыкі, наладжваліся экскурсіі па памятных мясцінах Беларусі, Мінска і яго ваколіцах, рэгулярна наведваліся музеі, тэатры, выставы. У лістападзе 1981 г. на базе інстытута быў праведзены міжнародны студэнцкі тыдзень, у красавіку 1982 г. – тыдзень інтэрнацыянальнай салідарнасці моладзі, у час якіх адбыліся конкурсы палітычнай песні і палітычнага плаката, мітынгі салідарнасці ў падтрымку студэнцкай моладзі іншых краін свету [45, арк. 7–8].

Шмат увагі надавалі беларускія студэнты куратарству над замежнымі студэнтамі, якія вывучалі рускую мову для таго, каб у далейшым працягнуць навучанне ў іншых вышэйшых навучальных установах Беларусі і СССР. Такую працу яны праводзілі не толькі ў час сумеснага пражывання з замежнымі студэнтамі ў інтэрнаце інстытута, але і ў шматлікіх зямляцтвах замежных студэнтаў. Так, у 1982 г. на падрыхтоўчым факультэце навучаліся 110 студэнтаў з 27 краін свету, якія былі аб'яднаны ў 10 зямляцтваў, у тым ліку Сацыялістычнай Рэспублікі В'етнам, Дэмакратычнай Рэспублікі Афганістан, Мадагаскар, Народнай Дэмакратычнай Рэспублікі Емен, Кіпра, Палесціны, Іарданіі, Марока, Гвінеі-Бісаў, Сан-Томе і Прынсіпі [46, арк. 9].

На заканчэнне кароткага гістарычнага нарыса пра камсамол Мінскага іняза хацелася б звярнуцца да аднаго з актыўных удзельнікаў гэтага руху – Л. Гулюты, якая ў гады свайго навучання ў МДПІЗМ з 1974 па 1979 гг. была членам камсамольскага бюро факультэта англійскай мовы, сакратаром камсамольскай арганізацыі курса, уваходзіла ў склад камітэта камсамола інстытута, пасля заканчэння якога працавала намеснікам загадчыка аддзела ЦК ЛКСМБ, з'яўлялася камісарам Рэспубліканскага штаба будаўнічых атрадаў. Будучы сярод удзельнікаў урачыстага сходу, прысвечанага 100-годдзю ВЛКСМ, які адбыўся ў Палацы Рэспублікі 29 кастрычніка 2018 г., яна выказала слухную думку, што «не выпадкова і не дарэмна наш час выбраў менавіта нас весці за сабой камсамольскую моладзь» [47]¹. Можна цалкам пагадзіцца з такой думкай адной з лепшых выпускніц СШ № 1 імя В. Ф. Купрэвіча г. Смалявіч Мінскай вобласці і ад сябе дадаць, што час заўжды выбірае выключна лепшых, актыўных, апантаных, ініцыятыўных, неабыякавых прадстаўнікоў моладзі.

Такім чынам, дзякуючы мэтанакіраванасці кіраўніцтва камітэта камсамола інстытута, творчаму пошуку студэнцкай моладзі першасных факультэцкіх камсамольскіх арганізацый і іх шматлікаму актыву на ўзроўні студэнцкіх груп калектыў студэнтаў Мінскага іняза з невычэрпнай энергіяй удзельнічаў у самых розных пачынаннях, захоўваючы слаўныя маладзёжныя традыцыі таго часу, якія актыўна працягвае цяперашняе студэнцтва МДЛУ.

¹ Аўтар выказвае шчырую ўдзячнасць Ларысе Аркадзьеўне Трыгубавай – дырэктару ПКіПК МДЛУ за інфармацыйную падтрымку ў час падрыхтоўкі артыкула.

ЛІТАРАТУРА

1. История ВЛКСМ [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-vospitatelnoy-raboty-i-molodezhnoy-politiki/upr-molodezhi/100-letie-vlksm/istoriya-vlksm/>. – Дата доступу : 04.03.2019.
2. 100-летие ВЛКСМ [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://www.mslu.by/news/100-letie-vlksm>. – Дата доступу : 04.03.2019.
3. Минский государственный педагогический институт иностранных языков. Краткий исторический очерк. – Минск : Выш. шк., 1974. – 134 с.
4. *Краснова, Н. Г.* Страницы моей жизни / Н. Г. Краснова. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2012. – 132 с.
5. *Новікаў, С. Я.* Ля вытокаў стварэння МДЛУ / С. Я. Новікаў // Вестн. МГЛУ. Сер. 3. – 2012. – № 11. – С. 219–223.
6. *Новікаў, С. Я.* «Малая зала» Мінскага інязя / С. Я. Новікаў // Вестн. МГЛУ. Сер. 3. – 2013. – № 12. – С. 230–240.
7. *Новікаў, С. Я.* Кузня лінгвістычных кадраў вышэйшай кваліфікацыі / С. Я. Новікаў // Вестн. МГЛУ. Сер. 3. – 2014. – № 13. – С. 219–227.
8. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 1 : Протокол № 1 заседания комитета комсомола МГПИИЯ от 13.10.1948 г.
9. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 23 : Протокол № 1 заседания бюро комитета комсомола МГПИИЯ от 10.12.1968 г.
10. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 4 : Протокол № 2 счетной комиссии по выборам комитета комсомола института от 7.10.1951 г.
11. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 69 : Постановление XX отчетно-выборной комсомольской конференции МГПИИЯ от 25.10.1973 г.
12. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 99 : Отчет комсомольской организации МГПИИЯ по военно-патриотическому и физическому воспитанию молодежи в 1975–1976 гг.
13. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 172 : Сводная структура комсомольской организации МГПИИЯ на 1981/82 учебный год.
14. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 1 : План работы комсомольской организации МГПИИЯ на период с 1 по 30 ноября 1948 года.
15. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3: Опись № 3 дел организации ЛКСМБ Минского государственного педагогического института иностранных языков за 1948–1986 гг.
16. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 2. Спр. 14 : Протоколы № 1–12 заседания бюро партийной организации МГПИИЯ за 1952 г.
17. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 2. Спр. 16 : Протоколы № 1–12 заседания бюро партийной организации МГПИИЯ за 1954 г.
18. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 2. Спр. 18 : Протоколы № 1–12 заседания бюро партийной организации МГПИИЯ за 1956 г.
19. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 2. Спр. 20 : Протоколы № 1–12 заседания бюро партийной организации МГПИИЯ за 1958 г.

20. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 2. Спр. 22 : Протоколы № 1–12 заседания бюро партийной организации МГПИИЯ за 1960 г.
21. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 2. Спр. 24 : Протоколы № 1–12 заседания бюро партийной организации МГПИИЯ за 1962 г.
22. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 2. Спр. 26 : Протоколы № 1–12 заседания бюро партийной организации МГПИИЯ за 1964 г.
23. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 2. Спр. 28 : Протоколы № 1–12 заседания бюро партийной организации МГПИИЯ за 1966 г.
24. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 2. Спр. 82 : Асабістая справа Калантай Зоі Леанідаўны.
25. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 2. Спр. 101 : Асабістая справа Старыкавай Людмілы Яўгеньеўны.
26. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 2. Спр. 344 : Асабістая справа Зайцавай Марыі Мікалаеўны.
27. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 2. Спр. 4913 : Асабістая справа Сталярова Міхаіла Венедзіктавіча.
28. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 2. Спр. 6590 : Асабістая справа Васілевіч Вячаслава Міхайлавіча.
29. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 2. Спр. 8232 : Асабістая справа Мешчаракова Анатоля Васільевіча.
30. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 2. Спр. 11149 : Асабістая справа Рудак Галіны Іванаўны.
31. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 2. Спр. 12080 : Асабістая справа Рачкова Сяргея Анатольевіча.
32. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 2. Спр. 14656 : Асабістая справа Новікава Віктара Барысавіча.
33. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 117 : Асабістая справа Лешчанка Міхаіла Іванавіча.
34. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 183 : Асабістая справа Ганчаровай Наталлі Аляксандраўны.
35. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 1302 : Асабістая справа Жукава Валерыя Панцялеевіча.
36. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 4419 : Асабістая справа Пятрухінай Зоі Дзмітрыеўны.
37. Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 4521 : Асабістая справа Кірпічовай Алы Георгіеўны.
38. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 211 : Постановление XXVII отчетно-выборной комсомольской конференции МГПИИЯ от 23.10.1986 г.
39. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 114 : О работе педагогических отрядов института в подшефных школах и домоуправлениях.
40. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 122 : Отчет комсомольской организации МГПИИЯ на XXIII отчетно-выборочной конференции 29.10.1969 г.
41. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 93 : Рапорт комсомольской организации МГПИИЯ XXV съезду КПСС от 13 февраля 1976 г.

42. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 114 : Отчет штаба трудовых дел комитета комсомола МГПИИЯ об итогах 3 трудового семестра 1978 года.
43. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 208 : Места дислокации студенческих строительных отрядов МГПИИЯ в 1985 году.
44. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 172 : Отчет высшего заведения о работе студентов в период летних каникул и осенних сельхозработ в 1982 году.
45. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 172 : Отчет о работе клуба интернациональной дружбы МГПИИЯ в 1981/82 учебном году.
46. НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 3. Спр. 172 : О работе комсомольской организации МГПИИЯ с иностранными студентами в 1981/82 учебном году.
47. *Тригубова, Л. А.* Время выбрало нас [Электронны ресурс] / Л. А. Тригубова // Материалы специального выпуска газеты «Alma Mater». – Режим доступа : <https://vk.com/alma.mslu/>. – Дата доступа : 29.10.2018.

Поступила в редакцию 20.05.2019

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

С. Я. Новікаў

ЛЮДСКІЯ І ПРЫРОДНЫЯ РЭСУРСЫ БЕЛАВЕЖСКОЙ ПУШЧЫ:
ПАНАРАМА ГІСТАРЫЧНЫХ ПАДЗЕЙ І ВЫПРАБАВАННЯЎ

Thomas M. Bohn, Aliaksandr Dalhouski, Markus Krzoska. Wisent-Wildnis und Welterbe. Geschichte des polnisch-weißrussischen Nationalparks von Bialowieza. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verl. GmbH&Cie, 2017. – 364 S.

Калектыўная манаграфія, прысвечаная гісторыі еўрапейскіх зуброў на беларуска-польскім памежжы, больш вядомым як Белавежская пушча, з’яўляецца вынікам паспяховага супрацоўніцтва гісторыкаў Беларусі, Германіі і Польшчы ў рамках навуковага праекта «Белавежскі нацыянальны парк. Чалавек, жывёла і наваколле на польска-беларускім памежжы» (2014–2017). Даследчыкі Аляксандр Далгоўскі, Томас Бон і Маркус Кжоска выкарысталі дакументальныя крыніцы з 37 архіўных і бібліятэчных фондаў Беларусі, Германіі, Польшчы і Расіі для таго, каб на сучасным узроўні навуковых ведаў разгарнуць шырокую панараму гістарычных падзей, звязаных з захаваннем унікальнага помніка прыроды на тэрыторыі цяперашняга беларуска-польскага памежжа. Спроба аўтараў намаляваць агульную карціну ўзаемадзеяння чалавека і прыроды, пачынаючы аналіз з падзей далёкага гістарычнага мінулага і даводзячы да цяперашняга часу, заслугоўвае асаблівай павагі, перш за ўсё ў даследчыкаў гэтай праблемы, па-другое, у зацікаўленых чытачоў, па-трэцяе, у тых, хто хацеў бы знайсці адказы на малавядомыя, дыскусійныя ці праблемныя пытанні ў няпростай справе захавання «запаведнасці»¹ для апошняй еўрапейскай пушчы. Выкананае ў арыгінальным навуковым жанры даследаванне можна кваліфікаваць як адметную навуковую каштоўнасць не столькі для нацыянальнай беларускай ці польскай, колькі для сучаснай еўрапейскай і сусветнай гістарыяграфіі. У прадстаўленым фармаце праца зроблена ўпершыню.

Выданне складаецца з 9 частак разам з уводзінамі і заключэннем. Выкарыстаная структура дазволіла аўтарам працы прадставіць чытачу шматлікія аспекты, зрабіўшы акцэнт на вызначэнні важнейшых падзей гісторыі гэтага ўнікальнага рэгіёна, паказаць становішчы і адмоўныя вынікі ўздзеяння чалавека на прыроду, раскрыць маштабы вытворчага выкарыстання і рабавання лясных і прыродных рэсурсаў пушчы, асабліва за часам дзвюх сусветных войнаў, а таксама выявіць тэндэнцыі развіцця гэтай ахоўнай зоны ў пасляваенны час і на цяперашнім этапе. Заслуга аўтараў заключаецца

¹ Белавежская пушча: вытокі запаведнасці, гісторыя і сучаснасць / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: А. А. Каваленя (старш.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 445 с.

ў тым, што ў даследаванні яны імкнуліся кіравацца прынцыпам паўнаты крыніц, што дазволіла ім усебакова распавесці пра гістарычны лёс двух галоўных аб'ектаў навуковых пошукаў – зубра і пушчы/пушчы і зубра. Важна, што аўтары вылучалі сярод задач раскрыццё асноўных этапаў, звязаных з гісторыяй фарміравання прыроднага ляснага масіву і яго пераўтварэння ў запаведную зону, сферу вытворчасці лесаматэрыялаў і аб'ект турызму, асабліва ва ўмовах сучаснай інтэрнацыяналізацыі і камерцыялізацыі (с. 5–6).

У другой частцы (с. 21–61) аўтары знаёмяць чытача з хронікай дзяржаўнай манапалізацыі лясных рэсурсаў у раёне пушчы, пачынаючы ад сярэдзіны XVI стагоддзя, калі з ляснага масіву ўпершыню была створана паляўнічая гаспадарка, якая існавала да пачатку XX стагоддзя. Асаблівую навуковую каштоўнасць у гэтай главе ўяўляе табліца 1 (с. 37–38), якая ўтрымлівае статыстычныя даныя аб папуляцыі зуброў Белавежскай пушчы ў перыяд з 1821 па 1919 г., у тым ліку звесткі аб знікненні апошняга зубра ў 1920 г. Пры гэтым з табліцы вынікае, што самай вялікай папуляцыя белавежскіх зуброў стала ў 1897 г. (с. 60). Адметна, што кажучы пра гістарычны рубаж узнікнення пушчы, аўтары адыходзяць ад агульнапрынятай у беларускай і польскай гістарыяграфіі даты 1409 г. ці года першай згадкі пушчы ў Хроніцы Я. Длугаша, а абапіраюцца ў сваім даследаванні на спецыяльны закон аб ахове лесу і звяроў, выдадзены вялікім князем літоўскім і каралём польскім Жыгімонтам I у 1538 г. (с. 26).

Трэцяя частка (с. 62–84) ахоплівае гады Першай сусветнай вайны, калі германскае ваеннае камандаванне спрабавала стварыць на тэрыторыі пушчы «ўзорную гаспадарку» з улікам афрыканскага каланіяльнага вопыту (с. 73). З аднаго боку гэта выклікала суцэльную вырубку лясоў пушчы, каб забяспечыць у дрэве патрэбы рэйха, а з другога – гарантавала селекцыю і захаванне канкрэтнага ляснага фонду з мэтай стварэння спрыяльных умоў для палявання высокіх асоб. Аналізуючы вынікі рэалізацыі такога праекта ў пушчы, аўтары прыходзяць да наступнай высновы: вынікі адступлення часцей рускай арміі з раёна Белавежскай пушчы можна параўнаць з палітыкай «выпаленай зямлі», наступствы ж больш чым двухгадовага кіравання германскай ваеннай адміністрацыі на тэрыторыі Обер-Ост пакінулі важную гаспадарчую інфраструктуру, у тым ліку 6 піларам, асобныя дрэваапрацоўчыя фабрыкі, некалькі майстэрняў і палявых пад'язных пуцэй (с. 75).

У чацвёртай частцы (с. 85–143) вызначаюцца гістарычныя адметнасці міжваеннага існавання як самой Белавежскай пушчы, так і яе прамысловай інфраструктуры ва ўмовах аднаўлення II Рэчы Паспалітай. Аўтары вылучаюць агульную тэндэнцыю развіцця гэтай тэрыторыі, звязаную не толькі з актыўным правядзеннем палітыкі паланізацыі, але і неабходнасці мадэрнізацыі гэтага рэгіёна. У першым выпадку на замену праваслаўнай прыходзіць польска-каталіцкая мадэль паўсядзённасці; у другім – галоўны сэнс мадэрнізацыі ўсходніх крэсаў зводзіўся да больш маштабнай эксплуатацыі лясных рэсурсаў (с. 113). Аўтары паказваюць, што з канца 1920-х гадоў мястэчка Белавежа набывае сваю знакавую адметнасць дзякуючы шырокаму развіццю

сферы палявання, якое праводзілася на дзяржаўным узроўні для прадстаўнікоў польскай і іншых дзяржаў, дыпламатаў і шматлікіх замежных гасцей (с. 124). Аўтары адзначаюць, што турызм пачаў займаць важнае месца ў паўсядзённым жыцці Белавежскага прыроднага запаведніка, асабліва пасля таго як ў 1932 г. адбыліся істотныя структурныя змены ў сувязі з рэструктурызацыяй яго ў польскі нацыянальны парк (с. 134).

У пятай частцы (с. 144–178) паказаны, з аднаго боку, вынікі саветызацыі ўсходняй часткі Белавежскай пушчы, а з другога – ход яе пераўтварэння ў спецыяльную зону для палявання нацысцкай эліты. У першым выпадку ў працы прыводзяцца шматлікія факты пра тое, што ў адпаведнасці з палітыкай па ахове прыроды савецкая ўлада імкнулася пераўтварыць пушчу ў запаведнік, забараняючы будаваць на яго тэрыторыі дамы адпачынку і санаторыі, аднак пры гэтым разглядаючы яе рэсурсы у тым ліку і праз прызму гаспадарчага выкарыстання (с. 153). Цікавымі бачацца нам згаданыя аўтарамі факты аб тым, што ў той час першы дырэктар запаведніка шукаў новыя магчымасці для выкарыстання зуброў у народнай гаспадарцы; напрыклад, іх скрыжоўванне з каровамі. Што на справе рэалізаваць не ўдалося.

У другім выпадку, кажучы пра гады Другой сусветнай вайны, аўтары адзначаюць, што на долю жыхароў гэтага рэгіёна выпала «драматычная фаза гісторыі» (с. 167). Калі у час нацысцкай акупацыі Белавежскай пушчы папуляцыя зуброў фактычна захавалася без істотных страт, дык гэтага нельга сказаць пра лёс жыхароў прылеглых вёсак, на месцы якіх планавалася стварыць спецыяльную зону для палявання; тэрыторыя пушчы павінна была павялічыцца больш чым удвая шляхам правядзення мерапрыемстваў па бязлітасным вынішчэнні мясцовага насельніцтва. У апошнім выпадку гэта прывяло да масавых расстрэлаў яўрэяў і актывістаў, а таксама высялення мясцовых жыхароў, што адпавядала германскай акупацыйнай палітыцы тэрору і прыгнечання (с. 167). Адказам на яе з’яўлялася дзейнасць савецкіх партызан, у выніку якой станавілася амаль немагчымым паляванне ў Белавежскай пушчы. Аднак самыя значныя страты жывёльнаму свету на тэрыторыі пушчы былі нанесены падчас адыходу нямецкіх войскаў і вызвалення мясцовасці ў ходзе аперацыі «Баграціён» у сярэдзіне ліпеня 1944 г. (с. 178).

У шостае частцы (с. 179–251) аўтары раскрываюць характар змен, што адбыліся на тэрыторыі пушчы, якая пасля вайны стала часткай сацыялістычнай Польшчы. Усталяванне пасляваенных міждзяржаўных меж прывяло да падзелу ляснага масіву паміж Польскай Народнай Рэспублікай і Савецкім Саюзам, што прэрэчыла першапачатковым намерам польскага боку аб стварэнні вакол пушчы адзінага нацыянальнага парку. Аўтары адзначаюць, што змены, якія мелі месца ў пушчы на працягу наступных 40 гадоў, сведчаць аб тым, што асновай развіцця пушчы з’яўлялася канцэпцыя, якая спалучала комплекс мер па ахове нацыянальнага парку і эканамічным выкарыстанні яго тэрыторыі. У першым выпадку гэта прывяло да падзелу парку на тры часткі, у тым ліку ландшафтную, заселеную і турыстычную

зоны, якія існуюць і сёння (с. 230). Разам з арганізацыйнымі вырашаліся пытанні навуковага забеспячэння далейшага захавання жывёльнага статку, у тым ліку абгрунтаванага павелічэння колькасці розных звяроў, сярод якіх асаблівая ўвага надавалася зубрам. Паляванне на іх было спачатку пад забаронай, але з сярэдзіны 1950-х гадоў стала магчымым і ладзілася толькі ў спецыяльнай ахоўнай зоне.

У сёмай частцы (с. 252–299) разглядаецца лёс Белавежскай пушчы ў складзе савецкай Беларусі ў пасляваенны час. Аўтары паказваюць яе гісторыю, зыходзячы з кантэксту польскай канцэпцыі, якая спалучала дзве ідэі – стварэнне нацыянальнага парку і гаспадарчае выкарыстанне яго ваколіц. Паводле савецкага падыходу, у пераліку задач і функцый, якія сталі вядомымі толькі ў пачатку 1950-х гадоў, для прыроднага запаведніка былі вызначаны «аднаўленне агульнага жывёльнага фонду, яго ахова і вывучэнне, а таксама вырашчванне зуброў з мэтай іх рассялення на тэрыторыі Белавежскай пушчы і ў іншых месцах СССР» (с. 257). Развіццё турызму моцна абмяжоўвалася ў сувязі са знаходжаннем запаведніка ў прыгранічнай зоне і неабходнасці атрымання спецыяльнага дазволу на ўезд на ахоўную тэрыторыю. Аўтары адзначаюць, што прынцыповыя змены ў лёсе Белавежскай пушчы адбываюцца пасля жніўня 1957 г., калі быў прыняты ўрадавы загад аб пераўтварэнні пушчы ў дзяржаўную запаведна-паляўнічую гаспадарку. Хоць згодна з загадам новая форма павінна надаць ёй не столькі гаспадарчае, колькі навуковае і культурнае значэнне (с. 273). Як адзначаецца ў даследаванні, пушча была абвешчана запаведнікам, закрытым для наведвання людзей, але адкрытым для палявання і адпачынку партыйнай і кіруючай эліты савецкай краіны. У выніку да пачатку 1990-х гадоў існавалі дзве паралельныя канструкцыі: запаведніка для зуброў і зоны палявання.

У восьмай частцы (с. 300–340) аўтары разглядаюць пушчу на этапе трансфармацыі і еўрапеізацыі. На прыкладзе польскай часткі пушчы аўтары паказваюць, што пасля 1989 г. узніклі пытанні, якія, з аднаго боку, сведчылі аб пашырэнні інтарэсу навукоўцаў і аматараў прыроды да паляпшэння ўмоў захавання і далейшага развіцця нацыянальнага парку, а з другога – зацікаўленасці мясцовых жыхароў у паляпшэнні свайго матэрыяльнага становішча шляхам фарсіраванага развіцця турызму і прамысловага выкарыстання гэтай тэрыторыі. Такім чынам у грамадстве сфарміравалася супярэчлівая канцэпцыя выбару шляхоў далейшага захавання прыроднай зоны (с. 305). Вывучэнне гісторыі Белавежскай пушчы ў постсавецкі перыяд дало аўтарам падставу зрабіць вывад аб тым, што для таго часу сталі характэрнымі інтэрнацыяналізацыя і камерцыялізацыя. У першым выпадку размова ідзе пра міжнароднае значэнне, асабліва пасля надання ў 1992 г. пушчы статусу Нацыянальнага парку «Белавежская пушча», які павінен служыць справе выхавання, адукацыі, навукі і культуры (с. 317). У той жа час на дзяржаўным узроўні ставіліся задачы аб неадкладным разгортванні гаспадарчай дзейнасці, што адпавядала патрабаванням пераходу суверэннай рэспублікі да рынкавай эканомікі. Дзеля чаго неабходна было як мага хутчэй надаць гэтаму прырод-

наму аб'екту формы аграрна-гандлёвага, прамыслова-турыстычнага і леса-гаспадарчага комплексу. Рубяжом на гэтым шляху аўтары называюць 2009 г., калі ў Беларусі і Польшчы праходзілі ўрачыстасці з нагоды 600-гадовага юбілею, падчас якіх на дзяржаўным узроўні прагучаў заклік аб пераўтварэнні Белавежскай пушчы ў нацыянальную святыню (с. 338).

У заключэнні (с. 341–349) аўтары робяць важныя абагульненні: 1) паказваюць асноўныя падзеі гістарычнага развіцця пушчы; 2) разглядаюць пытанні фарміравання і эвалюцыі сістэмы аховы і выкарыстання багаццяў пушчы; робяць заключэнне аб тым, што калі не было б пушчы, то не было б і зуброў. Дзякуючы існаванню самой пушчы захаваліся зубры, так і дзякуючы існаванню зуброў захоўваецца пушча. З гэтым аўтарскім сцвярджаннем, падмацаваным не толькі багатай дакументальнай базай, але і вялікай колькасцю фотаздымкаў, часам унікальных і малавядомых, можна цалкам пагадзіцца, асабліва з улікам таго факта, што галоўным захавальнікам прыроднай спадчыны з'яўляўся чалавек. Менавіта ад яго залежаў лёс як пушчы, так і яго прыродных і жывёльных багаццяў. Шкада, што на фоне глыбокага аналізу падзей, звязаных з пушчай і зубрамі, дзікімі жывёламі і прыродным наваколлем, аўтары толькі закранулі этнаграфічныя адметнасці існавання чалавека, пакінуўшы для чытача шмат пытанняў аб паўсядзённым жыцці чалавека, яго побыце і культуры, стратэгіях выжывання ў розных гістарычных умовах на тэрыторыі Белавежскай пушчы.

Аналіз манаграфічнага даследавання, падрыхтаванага сумеснымі намаганнямі беларускага, нямецкага і польскага гісторыкаў, сведчыць аб уключэнні ў сферу навуковых пошукаў новых пазнавальных рэсурсаў, дзякуючы якім удалося не толькі паспяхова выканаць акадэмічны праект пра зуброў пушчы, але і ўнесці праз новыя веды, факты і крыніцы важны ўклад у пазнанне маладаследаваных праблем еўрапейскай гісторыі на беларуска-польскім памежжы.

Поступила в редакцию 26.03.2019

В. Н. Усоский

МОНЕТАРНАЯ СИСТЕМА СЕРЕБРЯНОГО МОНОМЕТАЛЛИЗМА, БИМЕТАЛЛИЗМА И ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА

14–27 сентября 2018 г. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» проводит XII Международную школу-симпозиум АМУР-2018. Одной из актуальных тем, обсуждаемых на ней, была эволюция денег от физического тела товарных денег, воплощенных в драгоценных металлах (*full-bodied money*) до совершенной фидуциарной бесплотности (электронные импульсы). Фидуциарные деньги не обладают товарными чертами всеобщего трудового эквивалента, на определении которого настаивал К. Маркс, который создал неверное представление о содержании

денег, опираясь на вторую их функцию – средства обращения, и игнорируя четвертую функцию денег – средства отсроченного платежа. Механистическая методология К. Маркса была не способна дать адекватную интерпретацию сущности кредитных денег и банковского капитала. Некритическое сведение (редукция) кредитных денег, обслуживающих срочные финансовые сделки ($D-D+\Delta D$), к мимолетному участию денег в сделке ($T-D$), где они выполняют функцию средства обращения (оплата товара здесь и сейчас – «деньги на бочку»), ошибочно. Механистическая редукция ведет к подмене понятий и смешению простейших товарно-денежных отношений, обслуживающих неразвитую натурализованную экономику с динамично развивающимся кредитным хозяйством, основой которого являются срочные финансовые сделки, базирующиеся на коммерческом и банковском кредитовании. Субстанциальная причинность кредитных денег определяется выполнением ими функции средства отсроченного платежа, когда создается капитальная ценность, порождающая ссудный капитал. Фидуциарные деньги являются кредитными по своей природе. Это бесплотное (не золотое) универсальное безусловное финансовое право требования банка к заемщику и универсальное безусловное банковское обязательство платить по первому требованию вкладчика. К р е д и т н ы е д е н ь г и – это двойное (встречное) универсальное безусловное финансовое обязательство и требование коммерческого банка. Они представляют собой финансовые активы банка, выданные заемщику из денег, купленных у вкладчиков. Видимые изменения внешней формы денег (электронные импульсы) означающие потерю материального обеспечения товарных денег драгоценными металлами, имели место до 15.08.1971 г. Отказ США от поддержания золотого паритета привел к переходу к фидуциарному стандарту. Сохранив содержание *универсального безусловного финансового обязательства и требования*, фидуциарные деньги приобрели *нематериальную форму*. Кредитная срочная сделка не зависит от того, действует ли в экономике система золотого (серебряного) или фидуциарного стандарта. Материальная обеспеченность кредитных денег драгоценными металлами нейтральна относительно выполнения деньгами кредитных функций. Важна обеспеченность кредитных денег добавленной ценностью (*бесплотной по своей природе*), которую генерируют субъекты рынка, обслуживаемые банками. Нами исследуется эволюция монетарной системы через формы серебряного монометаллизма, биметаллизма и золотого монометаллизма.

Исторически сложилось так, что в качестве денежного металла использовались благородные металлы – золото и серебро, на которые как на высоколиквидный и дорогостоящий товар устанавливались высокие цены. Процесс становления промышленного капитализма в Англии, Франции, Германии, США обслуживала система золотого монометаллизма, серебряного монометаллизма и биметаллизма. Золотой стандарт сложился здесь посредством постепенного вытеснения серебра золотом в последней трети XIX в.

«Англия была первой страной, которая установила у себя золотой монометаллизм. В эпоху победы и утверждения капитализма Англия оставалась единственной страной золотого монометаллизма. Золотовалютная монополия Англии имела под собой твердую базу в ее промышленной, торговой и банковской монополии. Другие передовые страны в эту эпоху имели у себя серебрянный монометаллизм или же биметаллизм. Биметаллизм был принят многими странами (Франция и США – главные из этих стран) и держался до последней трети XIX в. по следующим основаниям: а) между стоимостью золота и серебра сохранялось устойчивое соотношение (1:15, 1:15 1/2); б) при недостатке золота до открытия золотых рудников в Калифорнии в середине XIX в. серебро было существенно необходимо как база для денежной и кредитной системы. Лишь с середины XIX в. серебряная база резко снижается» [1, с. 78].

Созданный в 1865 г. Латинский монетный союз, куда входили Франция, Бельгия, Греция, Румыния, Швейцария, Италия, просуществовал до начала 70-х гг. XIX в. «Французский франк был взят за основу денежной системы. Члены союза ввели у себя денежную единицу, которая была по своему металлическому содержанию тождественной с французской. Все члены союза установили у себя такое же, как во Франции, отношение золото к серебру (1:15,5) и допустили свободную чеканку как серебряной, так и золотой полноценной монеты по французскому образцу. Полноценная монета всех стран, входивших в союз, имела свободное хождение в его пределах» [Там же]. Поражение Франции в войне с Германией (1870–1871) и наложенная на нее контрибуция в 5 млрд франков золотом привели к сильному ослаблению Франции. Она утратила статус гегемона континентальной Европы, которым обладала после поражения России в Крымской войне (1853–1856). Тенденция к росту добычи серебра и его обесценение, происходившее с 60-х гг. XIX в., способствовала переходу Франции в 70-х гг. XIX в. к золотому монометаллизму. Распад Латинского монетного союза вел к золотой унификации денежного обращения в Европе, ужесточая конкуренцию золотых валют на международном валютном рынке.

Введенный в 1875 г. в Германии закон обязывал учрежденный правительством имперский Рейхсбанк, а также продолжавшие действовать 32 эмиссионных банка германских земель, эмитировать обеспеченные золотом банкноты и разменивать банкноты на золотую монету по фиксированному курсу. «Законом 1875 г. эмиссионные банки обязывались разменивать свои билеты на золотую монету. Золотое содержание марки по закону 1873 г. было зафиксировано в 0,3982 г. золота 900-й пробы. По этому закону из одного килограмма чистого золота чеканилось 2790 марок» [1, с. 209]. Это привело к сокращению числа эмиссионных банков в объединенной Германии с 32 (1875) до 8 (1891).

Гражданская война между Севером и Югом (1861–1865) привела к расстройству денежного обращения из-за большой эмиссии необеспеченных денег. «В 1862 г. Конгресс ввел также национальную денежную единицу

гринбеки (бумажные доллары), функционировавшие в качестве денег наряду с банкнотами частных банков» [2, с. 123]. В денежном обращении США после гражданской войны происходили разнонаправленные хаотические процессы, использования конкурирующих денежных систем. «В первое десятилетие после войны Конгресс увековечил гринбеки, поэкспериментировал с биметаллическим стандартом, при котором деньги обеспечивались как золотом, так и серебром, и наконец, приняв Закон о возобновлении 1875 г., вернулся к золотому стандарту в 1879 г. Агитация в пользу реформы денежной и банковской системы не утихала до 1890-х годов, стимулируемая большим числом банков, обанкротившихся в течение этого десятилетия» [2, с. 123].

Непоследовательность политики правительства США не способствовала стабильности экономики. Страна находилась в процессе выбора типа системы денежного обращения. Развитие европейских стран свидетельствовало о необходимости эмиссии стабильной золотой валюты с фиксированным курсом. За всеми разнонаправленными изменениями в сфере денежного законодательства США стояла борьба социальных групп, имеющих противоположные интересы. Сторонники проинфляционного пути развития экономики объединились в созданное ими в 1874 г. гринбекское движение (гринбеки – необеспеченная драгоценными металлами фидуциарная национальная денежная единица), с которыми сближались защитники серебряного доллара («сильвериты»). Их интересам отвечала тенденция к росту добычи серебра и высокий темп его обесценения относительно золота. «Добыча серебра в противоположность падению добычи золота в последнюю треть XIX в., быстро растет. Мировая добыча серебра (в тыс. кг.) в 1851–1855 гг. составляла 4 430, в 1856–1860 гг. – 4 525; в 1861–1865 гг. – 5 506; в 1866–1870 гг. – 6 095; в 1871–1875 гг. – 9 847; в 1876–1880 гг. – 12 251; в 1881–1885 гг. – 14 308; в 1886–1890 гг. – 17 362. Стоимостное соотношение между золотом к серебру в 1866 г. было 15,43:1; в 1878 г. серебро обесценилось до 17,1:1, а к концу XIX в. пало до 35:1» [1, с. 231–232].

«Сильвериты» предлагали использовать систему биметаллизма, что в условиях тенденции к обесценению серебра вело бы к вытеснению золота из обращения. Инфляционисты выражали интересы мелких и средних собственников, стонущих под бременем дорогостоящих ипотечных кредитов и растущих налогов. Они стремились облегчить бремя долгов и налогов, используя гринбеки и серебряный доллар, кредитную экспансию банков, что вело к обесценению валюты. Гринбекское движение и «сильвериты» объединились в борьбе против сторонников золотого доллара, оформившись в «народную партию». Ими был выдвинут свой кандидат Брайан на президентские выборы 1896 г. «Инфляционистам» противостояли сторонники золотого доллара – банкиры и промышленники. Борьба между ними разгорелась в 1896 г. на президентских выборах, где победил неинфляционист Мак-Кинли. В 1900 г. в США был принят *акт о золотом стандарте*, утвердивший систему золотого монометаллизма.

Для Германии, Франции, США и России примером для подражания была Англия, ставшая «промышленной мастерской» мира. Неоспоримое геополитическое и экономическое превосходство Англии в мире способствовало созданию системы золотого монометаллизма. Англия во второй половине XIX в. создала стабильную мировую резервную валюту – фунт стерлингов. Одноуровневая система частных эмиссионных банков была трансформирована в двухуровневую банковскую систему во главе с Центральным эмиссионным банком. В Англии в 1694 г. корпорация крупных финансистов, которым удалось «выбить» привилегии на ведение банковского дела у правительства положила начало формированию двухуровневой банковской системы. Привилегированная банковская корпорация частных лиц (Governor and Company of the Bank of England), кредитовавшая правительство, получила от него *право на эмиссию банкнот (кредитных денег), выпущенных под учет коммерческих векселей фирм*. Так был создан Банк Англии, имевший двойственную природу, так как он был частным коммерческим банком, обслуживающим частные фирмы, а также выполнял некоторые функции центрального банка страны (обслуживание счетов правительства, внешнего и внутреннего долга государства). Для смягчения кризиса государственных финансов частные банкиры предоставили кредит королевству и помогли оплатить долги государственной власти. За это, в обмен на экстренную финансовую помощь государству, банковской корпорации частных лиц был дарован ряд привилегий в денежно-кредитной сфере.

Двухвековая эволюция Банка Англии привела к тому, что во второй половине XIX в. он ввел жесткий контроль над соответствием эмиссии банкнот банков и их резервного покрытия, создал клиринг межбанковских расчетов, ввел нормативы резервирования. В Англии в 1844 г. был принят банковский акт Р. Пиля, согласно которому была жестко ограничена *фидуциарная (необеспеченная драгоценными металлами) эмиссия банкнот*. Банк Англии имел право на эмиссию банкнот на величину собственного капитала в 14 млн фунтов стерлингов, вложенного в неотчуждаемые Банком облигации государственного долга на сумму 11 млн фунтов стерлингов и казначейские векселя на сумму 3 млн фунтов стерлингов. Собственный капитал Банка Англии в форме эмитированных банкнот был покрыт обязательствами правительства, за которыми стояли его изымаемые налоги из доходов, оплаченных покупателями. Созданная добавленная ценность налогоплательщиками являлась источником покрытия обязательств банкнот Банка Англии, государственных облигаций и казначейских векселей правительства. Выпуск банкнот сверх 14 млн фунтов стерлингов должен был покрываться резервной наличностью. Банк Англии был обязан принимать золото в слитках по цене 3 фунта 17 шиллингов 9 пенсов за 1 унцию стандартного золота и заменять свои банкноты на золото из расчета 1 унция = 3 фунтам 7 шиллингам 10,5 пенсов [1, с. 150]. Банки, прекратившие эмиссию банкнот, не имели права ее возобновлять. Вводился запрет на учреждение новых частных и акционерных эмиссионных банков. В Англии и Уэльсе право на эмиссию банк-

нот на 5,153 млн фунтов стерлингов получили 207 эмиссионных частных банков, а 72 акционерных банка были ограничены эмиссией в 3,478 млн фунтов стерлингов [1, с. 150]. Закон Р. Пиля 1844 г. расширил функции Банка Англии по регулированию денежного рынка, что превратило его в центральный банк страны, ведущий дисконтную и девизную политику. Центральный банк – это резервный банк, ставящий цели по обеспечению, во-первых, стабильного курса фунта стерлингов путем его обмена на золота в соответствии с масштабом цен, во-вторых, стабильного уровня процентных ставок денежного рынка. При спекулятивной атаке на фунт стерлингов центральный банк был вынужден продавать золото и серебро, что вело к уменьшению его резервов. Для сохранения резервов Банк Англии повышал учетную ставку процента по кредитам, создавая стимулы к привлечению капитала из-за границы. Росли его резервы. При отсутствии угрозы резервам центральный банк понижал учетную ставку процента и расширял эмиссию банкнот.

Циклические кризисы перепроизводства обостряли внутреннюю неустойчивость денежного рынка, что вынуждало правительство для ограничения разрушительных последствий спада ВВП приостанавливать действие Закона Пиля во время кризисов 1847, 1857 и 1866 г. Увеличение эмиссии банкнот Банка Англии за пределы, установленные законом, смягчало кризис и делало более эластичным денежное обращение. Одноуровневая банковская система частных банков, которая эмитировала частные банкноты, постепенно превратилась в двухуровневую банковскую систему во главе с Центральным банком.

Золотомонетный стандарт – это весьма дорогое мероприятие, требующее от правительства, которое его вводит больших подготовительных мероприятий по накоплению золотого запаса страны. Переход к системе золотого монометаллизма развитых стран мира вынудил более слабые в экономическом отношении страны, не обладавшие достаточными золотыми резервами, «привязать» свои валюты к фиксированным золотым паритетами (вексельным курсам) национальных валют великих держав – Англии, Германии, Франции и США.

Рассмотрим сейчас процесс включения России в систему золотого монометаллизма. Историческое развитие России в XVIII – 1-й половины XIX в. было сложным и противоречивым. С целью преодоления технической отсталости от великих держав Европы Петр I начал процесс модернизации страны, ориентируясь на западноевропейскую модель развития. Отвергнув традиции Московского периода русской истории (XIV–XVII вв.), он начал с XVIII в. так называемый Петербургский период истории России. Для завоевания признания и геополитического статуса среди великих западноевропейских держав (Англия, Франция, Швеция, Испания, Голландия, Австрия, Пруссия) Россия поставила цель вписаться в европейский баланс интересов для того, чтобы стать полноправным политико-экономическим субъектом Европы. Для этого Петр I начал глубокую модернизацию традиционного целостного уклада жизни русских людей. Россия вела многочисленные и длительные войны, истощавшие скудные ресурсы ее экономики, основой которой было крепостное хозяйство.

Реформы Петра I строились на системе тотального закрепощения всех сословий страны, которые несли тягло перед государством. Духовенство служило государству как духовное сословие. Дворяне платили государству «налог кровью» в армии и несли административную службу в государственном аппарате. Крестьяне были прикреплены к земле дворян-помещиков, обслуживая их интересы в рамках системы подневольного труда. Екатерина II издала в апреле 1785 г. «Жалованную грамоту благородному дворянству», в которой освободила дворян от обязательной службы государству, передав им землю в частную собственность вместе с прикрепленными к земле крепостными крестьянами. Это существенно нарушило сложившийся при Петре I баланс интересов трех сословий общества и способствовало формированию специфического уклада жизни дворянского сословия, переставшего служить государству. Дворянство продолжало жить за счет труда подневольных крестьян, выжимая из них доходы, подавляющая часть которых *подпитывала потребительскую ориентацию помещичьих хозяйств*. Большинство дворян жило в городах, регулярно получая ренту от своих поместий, отдав их на откуп управляющим имениями, которые в основном были безразличны к перспективам развития сельскохозяйственных производств и жизни крепостных крестьян. Небольшое число помещиков жило в своих поместьях, стремясь создать из них развитые и эффективные сельскохозяйственные производства, оснащенные передовой техникой и агрономическими технологиями.

Экономику России характеризовало, во-первых, широкое использование принудительного ручного труда крепостных крестьян, который носил рутинный характер производства и имел низкий уровень производительности. Во-вторых, жизнь помещиков отличалась большой расточительностью и была в основном ориентирована на процесс личного потребления. В-третьих, паразитический образ жизни подавляющей части дворян не позволял создавать условия для формирования денежных капиталов, которые сберегаются и на базе которых создается производственный капитал, являющийсяживительной почвой для процесса индустриализации страны. Процесс накопления и приумножения промышленного капитала был заторможен паразитарным потреблением дворянского класса России, поэтому скудность производственного капитала в стране вело к медленному развитию промышленности и торговли товарами.

Что касается системы денежной обращения, то в России чеканились металлические деньги (золотые, серебряные и медные), однако степень их обеспеченности была низка. «За 1762–1799 гг. золотой монеты выпускается на 17,7 млн руб., или в 5,5 раза больше, чем за все предыдущее время с 1700 г., медной монеты – на 65 млн руб. (почти в 3 раза больше, чем в 1762 г.), серебряной монеты – на 61,8 млн руб. Золотая и серебряная монета использовалась для оплаты внешних расходов, медные деньги и ассигнации – на внутреннем рынке» [3, с. 72]. Правительство заимствовало средства через эмиссию казначейских обязательств и выпуск ассигнаций, проводило

внутренние и внешние займы. Государство использовало в своих интересах средства казенных, сословных банков и сохранный казны, а также приказов общественного призрения. Собираемые средства направлялись на финансирование бюджетных расходов и являлись составной частью финансовой системы России. Предпочтение отдавалось наращиванию внутренних долгов посредством выпуска беспроцентных ассигнационных обязательств государства и других форм заимствования средств, имеющих инфляционный характер. Например, в государственном бюджете 1794 г., помимо доходов, собираемых посредством податей, сборов и налогов, использовались эмиссионные источники привлечения средств, что вело к обесценению внутренних долгов государства. Дореволюционный российский экономист академик И. И. Янжул пишет: «Общий итог государственных долгов к концу царствования Екатерины Вел. достигал приблизительно 215 милл. руб.; наибольшую часть этого долга составляли ассигнации, которых было выпущено до 150 милл. руб.; затем следовали краткосрочные внешние займы, долги поставщикам и подрядчикам, и на последнем – позаимствования из банков» [4, с. 188]. Падение курса ассигнаций выражается в двух оценочных показателях, которые дают современный российский исследователь экономики Императорской России И. Л. Лунден и академик И. И. Янжул. Лунден И. Л. отмечает, что «в 1796 г. серебряный рубль равнялся 142 коп. ассигнациями» [3, с. 72]. И. И. Янжул пишет: «В конце царствования Екатерины II курс ассигнационного рубля равнялся уже только 68 $\frac{1}{2}$ коп. металл. При императоре Павле I количество ассигнаций увеличилось еще до 50 милл. руб.; курс колебался между 62 $\frac{1}{2}$ и 73 коп.» [4, с. 182].

Если сравнить екатерининский период (1762–1796) развития экономики страны с царствованием других государей России – Павла I (1796–1801), Александра I (1801–1825) и Николая I (1825–1855), то в механизмы функционирования денежного обращения и бюджетно-финансовой системы государства действовали в рамках одного и того же алгоритма. «Вызванное усиленными выпусками ассигнаций расстройство денежной и финансовой системы произвело такое впечатление на правительство, что оно решительно отказалось прибегать к этой операции. С 1817 г. приступлено было к уничтожению части ассигнаций, общее количество которых сократилось с 836 милл. руб. в 1817 г. до 595 776 310 руб. к 1823 г. и оставалось на этой сумме до превращения их, путем девальвации в кредитные билеты в 1843 г. Невозможность покрывать все дефициты одними выпусками бумажных денег и затем консолидация части ассигнаций вызвали заключение новых займов; к концу 1823 г. консолидированный государственный долг составлял уже 672 милл. руб., займы у банков – 78 милл. руб., так что вместе с ассигнациями, признанными государственным долгом, общая сумма последнего к концу царствования Александра I равнялась 1345 милл. руб.» [Там же, с. 189]. Несмотря на формальное функционирование биметаллизма в Российской империи, за имперский период ее истории с начала XVIII в. и до 40-х гг. XIX в. государство часто прибегало к эмиссии необеспеченных казначейских обязательств, что вело к падению курса ассигнаций по отношению к металлическим

деньгам. Широкое использование государственных заимствований и эмиссия ассигнаций, плохо обеспеченных драгоценными металлами, вело к нестабильному функционированию денежной системы.

Министр финансов Канкрин провел денежную реформу (1839–1843), введя серебряный рубль, который стал основой денежной системы России. Однако серебряный монометаллизм оказался, скорее, формальным, так как фактически наряду со свободной чеканкой серебряной монеты производилась свободная чеканка золотой монеты. Неудачная Крымская война (1853–1856) привела к крушению системы денежного обращения, которая обеспечивалась драгоценными металлами. В 1854 г. вывоз золота за границу был запрещен. Проведение крестьянской реформы 1861 г. и других реформ (судебной, бюджетно-финансовой, банковской, военной), которые требовали значительных средств, осуществлялось при расстроеном денежном обращении. «Металлическое покрытие кредитного рубля равнялось в 1862 г. 11,2 %, в 1863 г. – 11,6 %, в 1864 г. – 8,7 %. В 1865 г. в обращении находились кредитные билеты на сумму 679 млн руб., а в 1876 г – на 797 млн руб., т.е. за 11 лет сумма увеличилась на 118 млн руб., или почти на 17 %. Война против Турции потребовала огромных расходов и стоила России больше 1 млрд руб. Царское правительство было вынуждено выпустить кредитных билетов на колоссальную по тому времени сумму – 398 млн руб. <...> В начале 1878 г. в обращении находились кредитные билеты на сумму 1881 млн руб.; металлическое покрытие составляло только 12 % против 28,8 в 1876 г. Курс кредитного рубля на 1 января 1878 г. равнялся 69,1 золотых копеек. В конечном счете Государственный банк прекратил в выплату золота и серебра по иностранным векселям» [4, с. 113].

Эволюционный переход к системе золотого монометаллизма в течение последнего трети XIX в. потребовал от России адекватного ответа на вызов, брошенный великими державами Западной Европы. Правительство Российской империи тщательно готовило проведение денежной реформы. Длительное время (1881–1899) в экономике поддерживался активный торговый и платежный баланс, за счет наращивания экспорта (в основном хлеба) и ограничительных протекционистских мер (поддержание высоких пошлин на импорт товаров). Правительство целенаправленно проводило жесткую бюджетно-финансовую политику. Ограничивался дефицит государственного бюджета, наращивались налоговые поступления. Государство увеличивало золотой запас страны за счет роста добычи золота и роста внешних долгов. «С 1893 г. по 1898 г. внешний долг России возрос более чем на 1 млрд руб. <...> Все это позволило Государственному банку в 1897 г. накопить 1 095 млн руб., т.е. сумму, почти равную количеству кредитных билетов, находившихся в обращении» [5, с. 114]. Министр финансов С. Ю. Витте, занимая этот пост в 1892–1903 гг., провел эффективную денежную реформу в экономике (1895–1897), что позволило перейти к денежной системе золотого монометаллизма. «Фактически была проведена скрытая девальвация рубля. Кредитный рубль приравнивался к 66 2/3 коп. золотом, другими словами, по фактически уста-

новившемуся в то время курсу золотой рубль содержал 17,424 доли чистого золота. Реформа, таким образом, содействовала уменьшению на 1/3 внутреннего государственного долга, вместе с тем ее проведение требовало получения из-за границы в форме займов большой массы золота, в свою очередь, увеличивавшей задолженность царского правительства» [5, с. 114]. Экономика страны получила твердый золотой рубль, обмен которого по первому требованию держателей банкнот банковская система Российской империи производила без перебоев даже во время революции (1905–1907). Однако золотое лекарство, помогавшее лечить экономику, было очень сильным и затратным для общества. Переход от неустойчивой денежной системы, потребности которой обслуживали неустойчивые фидуциарные деньги, к системе золотомонетного стандарта был очень обременителен для страны. «В 1898 г. в обращении находилось золото на сумму 436 млн руб., а в активах банка в России и за границей – в 2 с лишним раза больше – 1 185 млн руб., но этот золотой блеск царской казны был обманчив, поскольку государственный долг России по внешним займам превышал указанную сумму» [Там же, с. 115]. С переходом США и России к золотому монометаллизму завершилось построение международной системы золотомонетного стандарта. Он стал господствовать во всех развитых капиталистических странах, так как зависимые от великих держав слаборазвитые страны мира были вынуждены привязать свои национальные валюты к золотым валютам (фунту стерлингов, марке, франку, доллару, рублю).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кротков, В. Т.* Очерки по денежному обращению и кредиту иностранных государств : учеб. пособие для фин.-экон. и кред.-экон. ин-тов / В. Т. Кротков ; под ред. Н. Н. Любимова ; предисл. Н. Н. Любимова. – М., 1947. – 416 с.
2. *Миллер, Р. Л.* Современные деньги и банковское дело / Р. Л. Миллер, Д. Ван-Хуз. – М. : ИНФРА-М, 2000. – XXIV, 856 с.
3. *Лунден, И. Л.* Государственные финансы при Екатерине II / И. Л. Лунден // Финансы. – 2008. – № 5. – С. 69–72.
4. Россия : энцикл. сл. / изд.: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Эфрон (С.-Петербург.). – Репр. – Л. : Лениздат, 1991. – 992 с.
5. *Хромов, П. А.* Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России : учеб. пособие / П. А. Хромов. – М. : Высш. шк., 1982. – 240 с.

Поступила в редакцию 26.03.2019

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 3

*История, философия, социология,
экономика, культурология, политология*

№ 18, 2019

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Ответственный за выпуск *А. Л. Подгайский*

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 14.06.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 13,36. Тираж 100 экз. Заказ 27.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.